

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

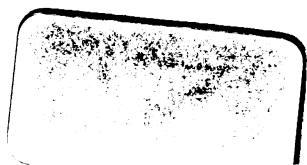
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

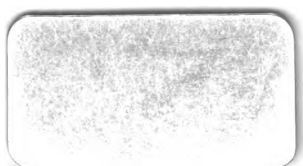
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Varentsov, V.

СБОРНИКЪ

РУССКИХЪ ДУХОВНЫХЪ СТИХОВЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

В. ВАРЕНЦОВЫМЪ.

Издание **Д. Е. Кожанчикова.**

И. Ш

№ 34.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

1860.

**STANFORD
LIBRARIES**

PG 3235
R35V3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 5-го
Мая 1860 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

487

Всматриваясь въ жизнь старой Руси, на сколько можемъ изучить ее при видимой бѣдности и однообразіи источниковъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что религіозное начало, перенесенное къ намъ изъ Византіи, по мѣрѣ развитія этой жизни стремилось проникнуть во всѣ ея отношенія и обхватить ихъ своимъ непосредственнымъ вліяніемъ. Это явленіе, конечно, совершилось не вдругъ: старинныя, народныя начала долгое время боролись съ чуждыми для нихъ элементами, прежде нежели тѣ и другіе, послѣ взаимныхъ уступокъ, слились и образовали новый организмъ. Литература принимала дѣятельное участіе въ этой борьбѣ. Возникнувъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ новой религіи, она естественнымъ образомъ должна была явиться ея защитницей; притомъ же представители литературной дѣятельности были почти исключительно лица духовныя; долгое время они находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Византіей и, само собой разумѣется, что точкой отправленія при

•

этихъ сношеніяхъ были тѣ же религіозныя цѣли и стремленія. Такимъ-образомъ эти новыя начала неминуемо проникли почти во всѣ памятники нашей письменности, начиная съ XIII—XIV ст.; мы должны будемъ исключить одни только юридическіе акты; все остальное, что бы ни взяли мы, лѣтопись или путешествіе, житіе или бесѣду, хронографъ или умильную повѣсть,—во всемъ мы увидимъ присутствіе этого религіознаго начала, которое, выражая въ литературѣ направленіе извѣстнаго круга лицъ, тѣмъ самымъ подчиняло своему вліянію всѣхъ грамотныхъ людей, а вслѣдъ за ними и всякаго, кому было доступно письменное слово.

А между-тѣмъ народъ попрежнему выражалъ свою жизнь въ былинѣ и пѣснѣ, въ сказкѣ и пословицѣ; у него были гудцы и скоморохи, были игры и хороводы, примѣты и обряды; была цѣлая система домашнихъ неофиціальныхъ вѣрованій, которыя вполне обнимали его немногосложную жизнь. Но вотъ, по мѣрѣ того какъ новыя начала проникаютъ въ убѣжденія народа и становятся мотивами его дѣйствій, вмѣстѣ съ этимъ и народная поэзія отъ времени до времени принимаетъ въ себя эти религіозныя мотивы, и выражаетъ ихъ въ формѣ легенды, сказанія, заговора и, наконецъ, пѣсни. Какъ въ понятіяхъ народа иныя языческія вѣрованія слились съ новыми идеями и образами, внесенными христіанскою религіей, и Велесъ обратился въ св. Власія, праздникъ Купала слился съ праздникомъ св. Крестителя Іоанна и Рождество—съ

Колядой и Авсенемъ; такъ точно сказочные мотивы, изъ животнаго, миѣческаго и героическаго эпоса, смѣшались въ иныхъ прозаическихъ разсказахъ съ мотивами изъ Житія святыхъ, между-тѣмъ какъ пѣсни представили новую форму, извѣстную подъ именемъ «духовныхъ стиховъ». Наши паломники, странствуя по святымъ мѣстамъ въ Греціи и Палестинѣ, встрѣчали тамъ старцевъ, которые пѣли передъ собравшейся толпой священные гимны и житія, и они-то, какъ надобно думать, первые внесли въ нашу жизнь такое же точно обыкновеніе. Такіе старцы и теперь еще въ Архангельской губерніи носятъ названіе «каликъ». Въ письменныхъ памятникахъ мы рѣдко встрѣтимъ это названіе: въ Лѣтописцѣ Переяславля-Суздальскаго, слово «калика» стоитъ вмѣсто имени «паломникъ», употребляемаго въ другихъ спискахъ Лѣтописи (въ Церковномъ Уставѣ в. кн. Владиміра-Святаго подъ 996 годомъ). Въ памятникахъ народной поэзіи, къ имени «калики» прибавляется эпитетъ «перехожаго», т.-е. странника, въ стилѣ богомольца, какъ напр. въ «Былицѣ объ Алѣшѣ Поповичѣ». Слушая пѣнія такихъ «старцевъ-странниковъ», народъ одѣлялъ ихъ щедрой милостыней, какъ мы видимъ въ пѣснѣ у «Кирши», Данилова подъ заглавіемъ: «Сорокъ каликъ со каликою». Любимыми мотивами ихъ пѣсенъ были «Житіе Алексѣя, человѣка Божія», евангельская притча «О Лазарѣ убогомъ», О страшномъ судѣ». Не веселы были эти образы; однообразны и тоскливы напѣвы; но въ нихъ отзывалась знакомая народу грусть, и въ

образъ Лазаря убогаго онъ узнавалъ себя самого, оскобрленнаго, забытаго богатымъ; себя; убитаго нуждой, съ единственнымъ убѣжищемъ—могилой. Религія въ этихъ стихахъ казалась ему грозной и карающей; она требовала жизни, полной отреченія, требовала лишеній и жертвъ; ему всё грезилась огненная рѣка и страшныя муки, которыя будутъ за ней; всё грезились мытарства и грозныя ангелы. Такіе образы, казалось, могли бы вызвать на борьбу съ жизнію силы души и развитъ энергію въ народѣ; но когда онъ не находить въ нихъ ничего, кромѣ грозы и страха, горя и лишеній; когда ему такъ рѣдко слышится слово любви и примиренія, — духъ его падаетъ, наконецъ, подъ гнетомъ этихъ тяжелыхъ, томительныхъ призраковъ; народъ становится подавленнымъ, запуганнымъ, и робко клонить голову, не выступая на борьбу. И жизнь, и смерть—равно представляются ему тѣмъ-то враждебнымъ: въ жизни нѣтъ свѣтлыхъ радостей, а есть только отреченіе отъ міра, мѣки, да казни; смерть—холодная, безрадостная, въ чистомъ полѣ, далеко отъ дому и друзей (см. Стихъ объ Аникѣ-воинѣ). Таковы бѣольшею частію характеръ нашихъ духовныхъ стиховъ.

Названіе «духовныхъ стиховъ» и теперь еще слышится въ народѣ; особенно между слѣпыми старцами, которые поютъ ихъ. Содержаніе ихъ взято изъ св. Писанія, также изъ Житій святыхъ, изъ церковныхъ пѣсень или, наконецъ, изъ религіозныхъ преданій. Самыя давнія изъ нихъ и самыя любимыя народомъ,

приняли втеченіи времени тѣ или другія формы народнаго эпоса, усвоили себѣ извѣстные эпическіе приемы и, наконецъ, допустили въ свое содержаніе черты и образы языческаго міра, — таковы: «Голубиная книга», «Стихъ про Егорья храбраго», «О Ѳеодорѣ Тиронѣ», «Объ Аникѣ-воинѣ»; основаніемъ для нихъ послужили старинныя апокрифы, которые весьма рано перешли въ нашу литературу изъ Византіи чрезъ посредство южныхъ Славянъ (см. статью пр. Пыпина «Древняя р. литература», 0. 3., Т. СХV, стр. 335 и сл.). Такъ въ «Стихъ о голубиной книгѣ» вошли мотивы, которые встрѣчаются намъ въ «Іерусалимскомъ свиткѣ» и въ «Бесѣдѣ трехъ святителей»; «Сонъ Богородицы» и «Стихъ о двѣнадцати пятницахъ» (не помѣщенный здѣсь нами), также ведутъ свое начало отъ прозаическихъ апокрифовъ съ этими названіями; содержаніе «Стиха о Ѳеодорѣ Тиронѣ» (тоже не помѣщенного здѣсь), взято изъ апокрифическаго житія, которое между прочимъ встрѣчается въ Сборникѣ XVI ст. въ Рум. музеумѣ № 436 (см. Оп. Востокова, стр. 696); такого же происхожденія «Стихъ о Егорѣ храбромъ»; стихи, гдѣ говорится о мытарствахъ, очень близки по содержанію съ «Словомъ о мытарствахъ», изданнымъ Калайдовичемъ въ Пам. XII в. подъ именемъ «Кирила Туровскаго» (ст. 92—101). Въ противоположность съ этими стихами, давно уже усвоенными народомъ, есть стихи, которые возникли въ эпоху, ближайшую къ намъ, и сохранили нетолько подробности разсказа, но и выраженія своихъ письменныхъ источниковъ: любопытный

фактъ представляетъ въ этомъ отношеніи «Стихъ объ Алексѣѣ Божіѣ человекѣ», поразительно сходный съ житіемъ, помѣщеннымъ въ Анеилогіонѣ Арсенія Грека (М., 1660 г., стр. 5, 11, 19, 28, 29, 35); это сходство, столь рѣзкое по тексту стиха, изд. Кирѣевскимъ № VII, въ другихъ вариантахъ сглаживается болѣе или менѣе: такъ въ вариантѣ, записанномъ мною въ Казани, многія книжныя черты замѣнены чертами изъ народнаго быта, и славянизмовъ гораздо менѣе. Есть, наконецъ, такіе стихи, въ которыхъ мысль, взятая изъ книжной литературы, развивается на основаніи чисто-народныхъ убѣжденій: таковъ «Стихъ о грѣшной душѣ» («По морю, по синему, по Хвалынскому»), или «Стихъ о томъ, какого тяжкаго грѣха земля не можетъ простить».

Отъ этихъ стиховъ должно отличать вирши религіознаго характера, которыя, возникнувъ подъ вліяніемъ польской литературы между XVI и XVIII в., не сохранили народнаго склада; онѣ съ перваго взгляда поражаютъ насъ своей тяжелой искусственностью; внѣшнимъ признакомъ ихъ служитъ силлабическій размѣръ и рима, которая въ великорусской народной поэзіи встрѣчается только въ шуточныхъ или сатирическихъ пѣсняхъ, въ пословицахъ и въ немногихъ сказочныхъ оборотахъ, въ такъ — называемыхъ при-сказкахъ. Если вообще духовные стихи, сравнительно съ народными былинами и пѣснями, бѣдны поэтическими формами; то еще бѣднѣе въ этомъ отношеніи религіозныя вирши, которыя мы встрѣчаемъ въ ру-

кописныхъ сборникахъ конца XVIII и начала XVIII столѣтій. Таковы преложенія псалмовъ и молитвъ, духовныя пѣсни св. Димитрія Ростовскаго, стихотворенія переведенныя съ польскаго, «Стихъ Іосафа царевича» (Боже, Отче Всемогущій!..); «Стихъ преболѣзненнаго воспоминанія о озлобленіи католиковъ. (Взираи съ прилежаніемъ, смертнѣй человѣче...). Въ нихъ замѣтно преобладаніе церковно-славянскаго элемента въ языкѣ, и такъ-какъ составленіе ихъ принадлежитъ школѣ, особенно кіевской, то это вліяніе школы отразилось въ ихъ складѣ, пріемахъ и языкѣ.

Третій отдѣлъ духовныхъ стиховъ составляютъ раскольничьи пѣсни, которыя возникли въ XVII ст., и потому въ складѣ ихъ мы также замѣтимъ признаки польскаго и церковно-славянскаго вліянія; впоследствии къ нимъ примкнули духовные стихи перваго отдѣла и, наконецъ, пѣсни и даже романсы. Здѣсь мы не найдемъ самостоятельнаго, ни даже строго-опредѣленнаго характера: первоначальные тексты духовныхъ стиховъ и народныхъ пѣсень болѣею частью искажены, иногда до безобразія; но тѣмъ не менѣе въ нихъ мы встрѣтимъ много фактовъ для изученія народной жизни. Когда въ XVII и XVIII ст. неурядица нашей іерархіи и общественной жизни выразилась рядомъ религіозныхъ волненій, которыя дали начало множеству расколовъ и сектъ; сектанты пользовались формой духовныхъ стиховъ, чтобы въ ней выразить суровый, фанатическій взглядъ, и такимъ-образомъ явились стихи и богослужебныя пѣ-

сни людей божіихъ, странниковъ, морельщиковъ, глухой нѣтовщины, и др. Такъ при основаніи каждой религіи жрецы прибѣгали къ стихотворной формѣ, чтобы рѣзче запечатлѣть въ памяти народа догматы новой вѣры и ея историческія преданія.

Говоря о религіозныхъ виршахъ, возникшихъ подъ вліяніемъ Польши, мы должны будемъ обратить вниманіе на малороссійскіе стихи: черезъ Малороссію мы приняли нѣсколько польскихъ и лужицкихъ легендъ, которыя до-сихъ-поръ поются нашими старцами. Таковы «Стихъ о блудницѣ» (у Кир. 223 стр. № LI), «Евангельская пѣснь» (тамъ же № XII), «О трехъ древахъ», «О трехъ гробницахъ», «О жидахъ» (тамъ же № XXXV—VI, VII. Ср. «Пинскія пѣсни», Зенькевича, стр. 232—38, также у Жеготы Паули въ «Пѣсняхъ польскихъ», стр. 37—74; «Лужицкія пѣсни» Гаупта и Смолера, т. II., стр. 152, № 199; тамъ же № 197.; т. I., № 290).

СТИХЪ О ГОЛУБИНОЙ КНИГѢ.

Восходила туча *претемная*,
Претемная и прегрозная;
Изъ-подъ той тучи темная
Выпадала книга голубиная.
Ко той книгѣ собиралися,
Собиралися, соѣзжалися,
40 царей со царевичамъ,
И 40 князей со князевичамъ,
Ко тому ко царю ко премудрому,
Ко Давиду ко Іессеичу.
Допросъ держитъ Володимерь князь,
Володимерь царь Волбдимеровичъ:
«Ой скажи ты намъ, Давидъ царь Евсѣевичъ,
Про бѣлый свѣтъ, про всѣ заповѣди:
Отъ чего зачинался бѣлый свѣтъ?
Отъ чего зачинались зори ясныя?
Отъ чего зачинался младъ свѣтѣль мѣсяцъ?
Отъ чего зачинались звѣзды частыя?

Отъ чего зачинался нашъ буѣнь вѣтеръ?
Отъ чего зачинался нашъ дробѣнь дождикъ?
Отъ чего зачинался народъ Божій?»
Отвѣтъ держитъ Володимѣрь князь,
Володимѣрь князь Володимѣровичъ ⁽¹⁾
А премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ: (sic!)
»А скажу вамъ, братцы, всю правду я:
А въ рукахъ будетъ держать книгу—не выдержать,
По книгѣ *исходитъ*—*всю не выходитъ*,
А стрѣлки Божіи не *вычитаетъ*.»
Тутъ сама книга распечатывалась,
Сами листія раскладѣлись,
Слова Божіи прочитались.
»Я скажу вамъ, братцы, не по грамотѣ,
Не по грамотѣ, все по памяти.
Зачинался у насъ бѣлый свѣтъ
Отъ самого Христа Царя Небеснаго,
Солнце красное отъ лица Божія,
Зори ясныя отъ ризъ Божіихъ,
Младъ свѣтѣль мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ,
Ночи темныя отъ думъ Божіихъ,
Буѣнь-вѣтеръ отъ *вздоховъ*,
Дробень дождикъ отъ слѣзъ Его,
Народъ Божій отъ Адамія.»
— Кой городъ—всѣмъ городамъ отецъ?
Коя церковь—всѣмъ церквамъ мать?

(1) Можетъ-быть нужно такъ: отвѣтъ держитъ Володимеру,
Володимеру князю Володимеричу.

Кое море — всѣмъ морямъ отецъ?
Коя рѣка — всѣмъ рѣкамъ мати?
Кой звѣрь — всѣмъ звѣрямъ отецъ?
Коя гора — всѣмъ горамъ мати?
Коя птица — всѣмъ птицамъ мати?
Кое древо — всѣмъ древамъ отецъ?
Коя трава — всѣмъ травамъ мати?
«Ерусалимъ городъ — городамъ отецъ».
«— Почему Ерусалимъ всѣмъ городамъ отецъ?
«Потому Ерусалимъ всѣмъ городамъ отецъ,
Что *стоитъ онъ среди свѣта блага*;
Во томъ во градѣ стоятъ церковь,
Стоитъ церковь да соборная;
Во той церквѣ во соборной
Стоитъ гробница бѣлокаменная;
Во той гробницѣ бѣлокаменной
Почиваютъ *мощи* самого Христа,
Самого Христа, Царя Небеснаго:
Потому эта церковь всѣмъ церквамъ мати.
— Окіанъ—море—всѣмъ морямъ отецъ:
Среди моря выходила церковь,
Выходила церковь — все соборная,
Со святымъ Климентомъ, папой Римскимъ.
— Иорданъ рѣка — всѣмъ рѣкамъ мати:
Крестился въ ней самъ Іисусъ Христосъ
Со двѣнадцатю со Апостолы,
Да съ Іанномъ со Крестит елемъ.
— Китъ—рыба—всѣмъ рыбамъ отецъ:
Когда китъ—рыба восколыбнется, —

Весь бѣлый свѣтъ восколышется.

— *Хварсь гора* ⁽¹⁾ — всѣмъ горамъ мати:

Преобразился на ней самъ Іисусъ Христось,

Со двѣнадцатью со Аностолами

И съ Иваномъ со Крестителемъ.

— *Зепрь-кондрыкъ* ⁽²⁾ — всѣмъ звѣрямъ отецъ:

Живетъ онъ во святой горѣ,

И дѣтей плодитъ во святой горѣ;

Когда кондрыкъ-зепрь возыграется,

Всѣ святыя горы осколыхаются.

— Коя птица всѣмъ птицамъ мати?

Аштраха-птица ⁽³⁾ — всѣмъ птицамъ мати:

Живетъ она на синемъ морѣ,

И дѣтей плодитъ на синемъ морѣ,

Никакихъ бѣдъ она не дѣлаетъ.

Когда аштраха-птица вострепенется,

Все сине море восколышется.

— *Купаресь-древо* — всѣмъ древамъ отецъ:

На томъ древѣ распинали жида

Самого Христа, Царя Небеснаго.

Когда вели Христа на распятіе,

Шла Божія Матерь, слезно плакала,

Слѣзы ронила на сырѣ землѣ;

Отъ тѣхъ слѣзъ зараждалася плакунъ-трава;

Потому плакунъ-трава — всѣмъ травамъ мати.

А тутъ два юноша рубилися,

⁽¹⁾ Хварсь-Θаворъ, малороссійскій выговоръ.

⁽²⁾ У Карѣвскаго-Индрикъ.

⁽³⁾ У Кир. Стратимъ.

Кривда съ правдой сходилася;
Кривда правду одолѣть хочеть.
Кривда правду переспорила: (sic!)
Кривда осталась на сырой землѣ,
А правда пошла по поднебесью.
А тутъ славенъ Богъ и прославился;
А тутъ стихи мы поемъ херувимскіе
Старымъ людямъ на послушанье,
А молодымъ людямъ ради памяти.

«Стихъ о голубиной книгѣ» представляетъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ между произведеніями этого рода: несмотря на позднѣйшую форму, въ которую внесено уже много христіанскаго, въ немъ отражаются черты старинныхъ миѳическихъ преданій. Надобно жалѣть, что онъ не изданъ былъ въ томъ видѣ, въ какомъ занесенъ въ Сборникъ Кирши Данилова; потому-что у него вѣроятно полнѣе, нежели во всѣхъ новыхъ редакціяхъ, сохранились старинныя черты. Текстъ въ изданіи Кирѣвскаго (Чтенія Общ. Ист. и др. р. при Моск. Ун. № IX. 1849 г. стр. 187—191) обширнѣе, нежели у насъ; только мы не знаемъ, гдѣ и когда онъ былъ записанъ. Нашъ вариантъ заключаетъ нѣсколько отмѣнъ противъ него, обозначенныхъ курсивомъ; за сообщеніе его мы обязаны извѣстному туристу и любителю русской старины С. В. Максимо-ву, который записалъ его, если не ошибаемся, въ Смоленской губерніи, съ изустнаго разсказа или пѣнія. Форма вопросовъ и отвѣтовъ здѣсь та же самая, что у Кирѣвскаго; только мы для краткости выпустили повторенія, какъ напр.

Почему Аштраха-птица всѣмъ птицамъ мать?

Потому Аштраха-птица всѣмъ птицамъ мать и т. д.

Варианты къ этому стиху въ Русской Бесѣдѣ 1857 г. т. IV, ч. 2-я, стр. 31—34; также отрывки въ Изв. Имп. Ак. по Отд. р. яз., и сл., т. III, л. 1, 2, 3, 47—48. О самомъ

стихъ у пр. Буслаева «О вліянні христіанства на славянскій языкъ», М., 1848 г. стр. 76—87; у Надеждина «О русскихъ народныхъ мѣахъ и сагахъ», въ Р. Бесѣдѣ 1857 г. т. III-й и IV-го, ч. 2-я, стр. 1—20 и 19—63. О сходствѣ этого стиха съ мотивами, которые встрѣчаются въ азбуковникахъ и особенно въ «Бесѣдѣ трехъ святителей», см. у Буслаева въ Арх. ист.-юр. свѣдѣній, кн. I, отд. IV и въ рѣчи его «О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ», М. 1859 года; также у пр. Пыпина въ «Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ р.» Спб. 1856. стр. 139-144.

ГОЛУБИНАЯ КНИГА.

Царь Давыдъ Осѣвичъ,
Скажи, не утѣй, по старой памяти:
Отчего стался бѣлый свѣтъ?
Отчего сталоь красно солнце?
Отчего стался свѣтелъ мѣсяцъ?
Отчего стались часты звѣзды?
Отчего сталась Сіонъ-гора?
Отчего сталоь кіань-море?
Отчего сталась кить-рыба?
Отчего сталась астрафель-птица?
Отчего сталась плакунъ-трава?
Отчего сталоь купаресъ-древо?
—Есть у насъ Книга Голубиная,
Въ долину книга трехъ локтей,
Въ ширину книга шести локтей,
Въ ней написано слово Господнее:
Бѣлый свѣтъ—отъ сердца Его,

Красно солнце — отъ лица Его,
Свѣтѣль мѣсяцъ — отъ очей Его,
Часты звѣзды — отъ рѣчей Его:
Потому жъ она Сіонъ-гора,
Что благоволилъ намъ Господь жить на ней;
Потому жъ оно кіянъ-море,
Что оно бѣлый свѣтъ окинуло;
Потому жъ она китъ-рыба,
Что на ней земля основана;
Потому жъ она страфель-птица,
Что сидитъ на морѣ, на камени,
Въ морѣ яйца несетъ,
Изъ моря дѣтей ведетъ;
Потому жъ она плакунъ-трава,
Что она противъ воды плыла;
Потому жъ оно купаресъ-древо,
Что на немъ Христа распяли.

Зап. отъ духоворцевъ, с. Верхотипанки, Воронежской губ.
Бобровскаго уѣзда. Нап. въ «Рус. Бесѣдѣ», 1857 г.

ИЗЪ ГОЛУБИНОЙ КНИГИ.

«Ты скажи-тко намъ, премудрой царь,
Скажи-тко, Давыдъ Васильѣвицъ,—
Отъ чего же заводилсе нашъ бѣлый свѣтъ?
Отъ чего же засіяло сонъчѣ красное?
Отъ чего же роопекаетъ младъ свѣтѣль мѣсецъ?»

Отъ чего же разсынаетъ звѣзды цястыя?

Отъ чего же повѣяетъ буѣнь вѣтеръ?»

—«Ужъ какъ бѣло-тъ свѣтъ—отъ лица Его, отъ
Господня,

Соньче красное—отъ лица Его, отъ Господня,

А свѣтѣль мѣсець—отъ затылоцька отъ Господня,

Звѣзды цястыя—отъ ризъ Его, отъ Господнихъ,

А буѣнь вѣтеръ—отъ здыханьця, да отъ Господня.»

«Ты скажи-тко намъ, премудрой царь,

Скажи-тко намъ, Давыдъ Васильѣвиць,—

Поцему же окіянь-море—всѣмъ морямъ мати?»

—«Окіянь-море зголубаитсе —

Вси моря ему поклоняетсе.»

«А левъ-звѣрь—всимъ звѣрямъ мати?»

—«Левъ-звѣрь поворотитсе —

Вси звѣри ему поклонетсе.»

«А титъ-рыба—всимъ рыбамъ мати?»

—«Титъ-рыба поворотитсе—

Вси-ты рыбы ему поклонетсе.»

«А Ердань-рѣка—всимъ рѣкамъ мати?

Поцему же она всимъ рѣкамъ мати?»

—«Потому она всимъ рѣкамъ мати,

Што крестилсе въ ей самъ Исусъ Христось,—

Потому она всимъ рѣкамъ мати.»

«Алатырь-камень—всимъ каменямъ мати?

Поцему же онъ всимъ каменямъ мати?»

«Потому онъ всимъ каменямъ мати,

Што сидѣль на камени самъ Исусъ Христось,

Утверждалъ онъ вѣру христіаньскую,

Потому латырь-камень всимъ камнямъ мати.»

«А салтырь-книга—всимъ книгамъ мати?»

—«Потому она всимъ книгамъ мати—

Въ долину книга сорока сажонъ,

А въ ширину книга двадцети сажонъ,

А въ толщину книга десети сажонъ,

А цитать той книги—не процитать будё,

А на рукахъ держать—не удержать будё.

Циталь той книги самъ Исусъ Христось,

А циталь онъ книги ровно три годъ,

Проциталь онъ книги ровно три листа.»

Тутъ два заеца да саходилося

Одинъ—отъ заюшко бѣлинькой,

А другой—отъ заюшко сѣринькой;

Ужъ какъ бѣлой—отъ заецъ пошелъ на небо;

А сѣрой—отъ заецъ по земли пошелъ.

Тутъ не два заецъ да саходилося—

Саходилося кривда съ правдою:

Правда—то пошла на небо,

А кривда—то по земли пошла.»

Получено отъ академика Срезневскаго.

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

(по двумъ вариантамъ.)

I.

Изъ-подъ той страны изъ-подъ восточныя
выставала туча темная, грозная;

да изъ той изъ тучи грозной, темныя,
выпадала книга голубиная.

На славную она выпала на Фаворъ—гору,
ко чудну кресту къ животворящему,
ко тому ко камню ко бѣлатырю,
ко честной главы ко адамовой.

Ко этой книги голубиныя
собирались къ ней, соѣзжались
сорокъ царевъ, все царевичи,
и премного князей, много князевичей,
изъ нихъ было пять царевъ наибольшихъ:
былъ Исай царь, другой царь Костянтинъ,
былъ Василей царь, сынъ Акульевичъ,
Волотоманъ царь былъ Волотомановичъ,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
Возговорить Волотоманъ царь Волотомановичъ:
«Государи, братцы, сорокъ царей,
кто изъ насъ, братцы, гораздъ по памяти,
«хто прочелъ бы намъ книгу голубиную;
«какъ бы намъ узнать, во книгѣ что написано,
«въ голубиной напечатано».

Тогда воѣ цари тутъ приумолкнули.

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
«Государи, братцы, сорокъ царей,
«я вамъ такъ скажу, братцы, по памяти,
«по памяти, какъ по грамоты,
«про эту книгу голубиную.
«Великая книга голубиная!

«Вдолину книга сорока локоть,
«поперегъ книга тридцати локоть,
«въ толщину книга десяти локоть.
«Не узнать намъ, во книгѣ что написано;
«на рукахъ держать намъ книгу, не удержать будётъ,
«умомъ намъ сей книги не сосмѣтити,
«и очамъ намъ книгу не обозрити.

«Великая книга голубиная!

«Писаль эту книгу святъ Исай пророкъ,
«читаль эту книгу Иванъ Богословъ.
«Онъ читаль эту книгу ровно три года,
«прочиталь во книгѣ только три листа.»

Ему вси цари поклонилися:

«Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,
«нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
«Хорошо сказалъ, сударь, намъ по памяти.
«Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:
«отчего начался у насъ бѣлый свѣтъ;
«отчего у насъ солнце красное;
«отчего у насъ младъ свѣтѣль мѣсяцъ;
«отчего у насъ звѣзды частыя;
«отчего у насъ зори свѣтлыя?»

Имъ отвѣтъ держаль на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:

«Начинался бѣлъ свѣтъ отъ Свята Духа,
«Отъ Свята Духа, самого Христа,
«Самого Христа, Царя Небѣснаго.
«Солнце красное отъ лица Божья,
«Младъ свѣтѣль мѣсяцъ отъ грудей Божьихъ,

«звѣзды частыя — оны отъ ризъ Божьихъ,
«зори свѣтлыя отъ очей Божьихъ,
«Самого Христа, Царя Небѣснаго.»

Ему вси цари поклонилися:

«Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,
«нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
«Хорошо сказалъ, сударь, намъ по памяти
«про эту ю книгу голубиную.
«Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:
«отчего цари зачѣдились,
«и отчего князя со боярами;

«отчего крестьяне православныя?»

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:

«Зачѣдились цари со царицами
«отъ честной главы отъ адамовой;
«зачѣдились князя со боярами
«отъ честныхъ мощей отъ адамовыхъ;
«завелось крестьянство православное
«отъ того колѣна отъ адамова ⁽¹⁾»

Ему всѣ цари поклонилися:

«Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,
«нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
«Хорошо сказалъ, государь нашъ, намъ по памяти
«про эту ю книгу голубиную.
«Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:
«который у насъ городъ городамъ мать;

(1) Ср. индѣйское вѣрованіе о происхожденіи главнѣйшихъ кастъ
изъ устъ, изъ рукъ и изъ ногъ Брами.

«и которая церква надъ церквями мать;

«и который царь надъ царями царь?»

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь:

«Іерусалимъ—городъ городамъ мать.»

—Почему Іерусалимъ—городъ городамъ мать?

«А стоитъ Іерусалимъ—городъ посреди земли,

«посреди земли, во ней пупъ земной.

«Во начальномъ градѣ, въ Іерусалимѣ,

«тутъ построена церковь соборная;

«во этой церкви во соборныя,

«въ ней содержится гробница Господняя.

«Она на воздусяхъ, сама на вознесяхъ.

«Тутъ темьянъ и ладонъ рядомъ кѹрятся,

«свѣча теплится неугасимая:

«потому Іерусалимъ—городъ городамъ мать,

«потому эта церква надъ церквями мать,

«а нашъ бѣлый царь надъ царями царь.»

Ему вси цари поклонилися:

«Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,

«нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.

«Хорошо сказалъ, государь нашъ, намъ по памяти

«про эту книгу голубиную.

«Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:

«которая у насъ земля всѣмъ землямъ мать,

«и которая гора всѣмъ горамъ мать,

«и которое древо всѣмъ древамъ мать?»

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:

«Государь, братцы, сорокъ царей:

«Свята Русь-земля—всѣмъ землямъ мать.

—Почему свята Русь-земля—всѣмъ землямъ мать?

«Изукрашена свята Русь-земля Божьимъ церквямъ;

«на ней строятся церкви соборныя:

«потому она всѣмъ землямъ мать.»

—А Ѡаворъ-гора всѣмъ горамъ мать;

почему жъ Ѡаворъ-гора надъ горами мать?

«На славной было на Ѡаворъ-горы

«преобразился на горы самъ Иисусъ Христосъ

«со двумъ-на-десятью со апостоламъ:

«потому Ѡаворъ-гора надъ горами мать.

«Кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мать.»

—Почему жъ кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мать?

«Изъ того изъ древа кипариснаго,

«изъ него былъ вырѣзанъ пречудный крестъ;

«на томъ крестѣ животворящимъ—

«на немъ былъ распятъ Самъ Иисусъ Христосъ:

«потому кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мать.»

Ему вси цари поклонилися:

«Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,

«нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.

«Хорошо сказалъ, государь нашъ, намъ по памяти

«про эту книгу голубиную.

«Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:

«которое у насъ море надъ морями мать,

«и которое озеро озерамъ мать,

«и которая рѣка всѣмъ рѣкамъ мать?»

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:

«У насъ кіянь-море всѣмъ морямъ мать.»

— Почему кіянь-море надъ морямъ мать?

«Обошло кіянь-море вokrугъ земли,

«вокругъ земли, всей подселенныя:

«потому кіянь-море надъ морямъ мать.

«А Ильмень-озеро надъ озерамъ мать.

«Да не тотъ Ильмень, кой подъ Новымъ градомъ,

«и не тотъ Ильмень, кой во Большой Орды,

«а есть тотъ Ильмень, кой въ Турецкой земли;

«изъ того Ильменя, изъ озера

«протекаетъ матушка Іордань-рѣка:

«потому Ильмень-озеро—озерамъ мать,

«а Іордань-рѣка—надъ рѣками мать,—

«во славной матушки во Іордань-рѣки

«окрестился въ ней самъ Іисусъ Христосъ:

«потому Іордань-рѣка надъ рѣкамъ мать.»

Ему всѣ цари поклонилися:

«Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,

«нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.

«Хорошо сказалъ, сударь, по памяти

«намъ про эту книгу голубиную.

«Ты еще, сударь, намъ про то скажи:

«которая у насъ рыба надъ рыбамъ мать,

«и которая птица надъ птицамъ мать,

«и который звѣрь надъ всѣмъ звѣрями звѣрь?»

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,

Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.

«У насъ китъ-рыба надъ рыбамъ мать.»

— Почему жъ китъ-рыба надъ рыбамъ мать?

Сборникъ.

«На трехъ китахъ, на рыбакахъ,
«на тридцати было на малыихъ,
«основана на нихъ вся сыра-земля,
«и содержится вся подселенная:
«потому кить-рыба надъ рыбамъ мать.
«А стрефилъ-птица надъ птицамъ мать.»
— Почемужъ она надъ птицамъ мать?
«Сидить стрефилъ-птица посреде моря;
«она плодъ плодитъ во синё море;
«а полеть сама держитъ по поднёбесью.
«Послѣ полуночи во второмъ часу,
«какъ стрефилъ-птица — она трепѣхнется,
«запоютъ куры у насъ по всей земли;
«просвѣщается тогда вся вселенная:
«потому стрефилъ-птица всѣмъ птицамъ мать.
«Единорогъ-звѣрь надъ всѣмъ звѣрямъ звѣрь.»
— Почему единорогъ надъ всѣмъ звѣрямъ звѣрь?
«Живетъ единорогъ — во Святой горы,
«онъ проходъ имѣетъ по подземелью;
«прочищаетъ всѣ ключи источные.
«Когда единорогъ-звѣрь поворотится,
«воскипятъ ключи всѣ подземельные:
«потому единорогъ-звѣрь всѣмъ звѣрямъ звѣрь.»
Ему всѣ цари поклонилися.
«Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь.
«Хорошо сказалъ, сударь, по памяти.
«Ты еще, сударь, намъ про то скажи:
«который у насъ камень каменямъ мать;
«и которая трава всѣмъ травамъ мать;

«и которымъ грѣхамъ покоянье есть,
«и которымъ грѣхамъ покоянья нѣтъ.»

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.

«Бѣлатырь—камень каменямъ мать.»

— Почему бѣлатырь каменямъ мать?

«На томъ камнѣ—бѣлатырь,
на немъ бесѣдовалъ самъ Иисусъ Христосъ
«со двумъ—на—десяти со апостоламъ.

«Утвержали вѣру христіанскую;
«роспущали книгу голубиную
«по всей земли подселенныя:
«потому бѣлатырь каменямъ мать.

«А плакунъ—трава надъ травамъ мать.»
— Почему плакунъ—трава надъ травамъ мать?

«Когда былъ распятъ самъ Иисусъ Христосъ,
«Тогда шла Мать Пресвятая Богородица
«ко своему сыну ко распятому.

«Она ронила свои слёзы пречистыя
«на матушку на сыру—землю,—
«отъ еёныхъ слёзъ отъ пречистыйхъ,
«зарождалась на земли плакунъ—трава.

«Изъ того коренія изъ плакунова,
«вырѣзають у насъ въ Руси креста чудные,
«ино тѣмъ у насъ люди спасаются,—
«всѣ монахи, и старцы, и всѣ юноши:
«потому плакунъ—трава надъ травамъ мать.

«Братцы, всѣмъ грѣхамъ покоянье есть;
«а этимъ грѣхамъ покоянья нѣтъ:

*

«который бранить, братцы, Свята́ Духа;
«и который бранить отца со матерью;
«и который во утробы плодъ запарчивать;
«и кой грѣшить кумъ съ кумой крестовою:
«этыимъ грѣхамъ покоянья нѣтъ.»

Ему всѣ цари поклонилися:

«Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь.

«Хорошо сказалъ, сударь, по памяти

«намъ про эту ю книгу голубиную.»

Возглаголюетъ Волотоманъ царь Волотомановичъ:

«Государи, братцы, сорокъ царей,

«что случилось въ моемъ во чистомъ полѣ;

«*быть* два зайчика собѣгалися—

«одинъ сѣренькій былъ, другой бѣленькій,—

«и промежду собой оны подрѣлися.

«*Быть* какъ сѣрый бѣлаго приобидѣлъ же:

«пошелъ бѣленькій во чисто поле,

«пошелъ сѣренькій во темны лѣса.»

Тогда всѣ цари приумолкнули.

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:

«То не зайчики въ полѣ собѣгалися:

«тутъ сошлася кривда со правдою,

«и промежду собою оны подрѣлися.

«Нонѣчь кривда правду приобидѣла:

«пошла правда она на вышнія небеса,

«а кривда оставалась на сырой земли,

«по всему народу православному.

«Она пала намъ всѣмъ на ретиво сердце:

«оттого у насъ въ мірѣ, стало правды нѣтъ ;
«стали беззаконія великія.»

Ему всѣ цари поклонилися :

«Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ премудрый царь,
«нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ .
«Хорошо сказалъ, сударь, по памяти.»

Возглаголетъ Волотоманъ царь Волотомановичъ !

«Государи, братцы, сорокъ царей,
«мнѣ ночесе-ночь мало спалося;
«мнѣ предивный сонъ во снѣ превидѣлся :

«быдто во моёмъ саду во зеленымъ
«вырастало тутъ древо сахарное ;

«на мое на древо на сахарное
«прилетала пташечка малёшенька ,
«распущала перья до сырой земли.

«Ино кто сказалъ бы, братцы, про мой дивный сонъ,—
«ябъ того, сударь, много пожаловалъ.»

Тогда всѣ цари приумолкнули.

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ :

«Отъ моей царицы отъ благовѣрныхъ
«народится сынъ, царь Саломонъ ;
«а отъ его царицы отъ благочестивыхъ
«народится дочь Саломонидія.

«Мому сыну, царю Соломону,
«на его на дочери быть жениться.

«Черезъ тридцать лѣтъ этотъ сонъ разсудится.»

Получено отъ ак. Срезневскаго.

ГОЛУБИНАЯ КНИГА.

(по двумъ вариантамъ.)

II.

Какъ *св-подъ* той страны *св-подъ* восточныя,
уставала тучи темная, грозная;
изъ-подъ той тучи темной, грозныя,
выпадала книга голубиная

и на славную на Хаворъ-гору,
ко чудному кресту животворящему,
ко тому ко камню ко бѣлатьрю,
ко честной главы ко адамовой.

Какъ къ этой книгѣ голубиныя
собиралися князи, соѣзжались,
сорокъ царей, сорокъ царевичей,
премного князей, много княжевичей;
ино пять царей всѣхъ наибольшіе.

Былъ и царь Исай, другой Костянтинъ,
былъ Василей царь Сенакуръевичъ,
былъ Волотоманъ царь Волотомановичъ,
нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ.

Взгѣворилъ царь Волотоманъ Волотомановичъ:

«Ино кто жъ бы *св насъ*, братцы, по памяти,
«кто прочелъ бы намъ, братцы, про бѣлый свѣтъ,
«чтобы знать, во книгѣ что написано,
«(въ) голубиной книгѣ напечатано.»

Оны всѣ цари тутъ пріумолкнулись.

Имъ отвѣтъ держаль на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ:

«Государи и вы, братцы, сорокъ царей,

«не узнать вамъ, братцы, что написано,

«(въ) голубиной книгѣ напечатано.

«Я вамъ такъ скажу, братцы, по памяти.

«Великая книга голубиная!

«Намъ читать, всей книги не прочесть будетъ;

«на рукахъ держать, не судержать будетъ;

«намъ очамъ всей книги не обôзрѣти;

«намъ умомъ всей книги не восмѣтити.

«Великая книга голубиная!

«Какъ *удоль* есть книга сорока локôвъ,

«поперегъ есть книга тридцати локôвъ,

«толщиною есть книга десяти локôвъ.

«Писаль эту книгу свѣтъ—Исай пророкъ,

«читаль эту книгу Иванъ Богословъ.

«Онъ читаль *идиу* ровно три года,

«прочиталь въ книгѣ только три листа.

«Великая книга голубиная!»

Ему вси цари тутъ поклонилися:

«И спасетъ тебя Богъ, свѣтъ премудрый царь,

«нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ.

«Хорошо сказалъ, сударь, по памяти

«намъ про эту книгу голубиную.

«А яще ты, сударь, намъ про то скажи:

«отчего начался у насъ бѣлый свѣтъ;

«отчего ли у насъ солнце красное;

«отчего ли у насъ младъ свѣтѣль мѣсяцъ;

«отчего у насъ звѣзды частыя;

«отчего у насъ зори свѣтлыя,

«зори утреннія, зори вечернія?»

Оны вси цари тутъ приумолкнулись.

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Авсевиичъ,

«Государи и вы, братцы, сорокъ царей,

«у насъ начался бѣлый свѣтъ отъ Свята Духа,

«отъ Свята Духа, отъ самого Христа,

«отъ самого Христа, Царя Небѣснаго.

«Младъ свѣтѣль мѣсяць отъ груди Божей,

«солнце красное отъ лица Божья,

«звѣзды частыя отъ ризы Божей,

«зори свѣтлыя отъ очей Божихъ,

«самого Христа, Царя Небѣснаго.»

Ему вси цари тутъ поклонилися:

«И спасеть тебя Богъ, свѣтъ премудрый царь.

«Хорошо сказалъ, сударь, по памяти

«намъ про эту книгу голубиную.

«А еще ты, сударь, намъ про то скажи:

«отчего цари у насъ зачѣдились;

«отчего князьё у насъ со боярами;

«отчего крестьянство православное?»

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Авсевиичъ:

«Государи и вы, братцы, сорокъ царей,

«зачѣдились цари со царицами.

«отъ частной главы отъ адамовой;

«въ насъ пошло князьё со боярами

«отъ тыхъ отъ мощей отъ адамовыхъ;
«въ насъ пошло крестьянство православное
«отъ того колѣна отъ адамова.»

Ему вси цари тутъ поклонилися:

«И спасетъ тебя Богъ, свѣтъ премудрый царь,
«нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ.

«Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
«намъ про эту книгу голубиную.

«А еще ты, сударь, намъ про то скажи:

«который у насъ городъ городамъ отецъ,

«которая церква всимъ церквамъ отецъ,

«который у насъ царь всимъ царями царь?»

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ:

«Государи и вы, братцы, сорокъ царей,

«Иерусалимъ у насъ городъ городамъ отецъ.»

—Почему Иерусалимъ городъ городамъ отецъ?

«А стоитъ Иерусалимъ посреди земли,

«посреди земли, середѣ свѣту бѣлаго.

«Подъ имъ держится подъ имъ пупъ земной:

«потому Иерусалимъ городамъ отецъ.

«Во славномъ градѣ Иерусалимѣ

«тамъ сотворена церква соборная;

«какъ да въ той во церкви во соборныя

«тамъ содержится гробница Господняя,

«самого Христа, Царя Небѣснаго,

«и на въздусяхъ и на лѣгостяхъ.

«Тамъ темьянъ и ладонъ рядомъ курятся,

«свѣча топится тамъ неугасимая:

«потому тая церква всимъ церквамъ отецъ.

«А нашъ бѣлый царь всимъ царями царь.»

—Почему нашъ бѣлый царь всимъ царями царь?

«Какъ у нашего царя бѣлаго

«въ его царствѣ вѣра благувѣрная,

«благувѣрная, благучестивая;

«высокая его рука царская

«по всей земли, всей подселенныя:

«потому нашъ бѣлый царь всимъ царями царь.»

Оны вси цари тутъ поклонилися:

«И спасетъ тебя Богъ, свѣтъ премудрый царь.

«Хорошо сказалъ, сударь, по памяти

«намъ про эту книгу голубиную.

«А яще ты, сударь, намъ про то скажи:

«которая земля у насъ всимъ землямъ отецъ,

«которая у насъ гора всимъ горамъ отецъ,

«которое у насъ древо всимъ древамъ отецъ?»

Оны вси цари тутъ приумолкнулись.

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ:

«Государи и вы, братцы, сорокъ царей,

«свѣтла Русь-земля всимъ землямъ отецъ.»

—Почему свѣтла Русь-земля землямъ отецъ?

«Сокращена земля Божьимъ церквамъ;

«по ней строятся церкви соборныя,

«по усей земли,—всей подселенныя:

«потому свѣтла Русь-земля землямъ отецъ.

«А Хаворъ есть гора всимъ горамъ отецъ.»

—Почему Хаворъ гора всимъ горамъ отецъ?

«А на славной—было на Хаворъ—горы
«преуобразился тамъ самъ Исусъ Христосъ,
«со двумъ ангеламъ, свѣтъ—апостоламъ:
«потому Хаворъ всимъ горамъ отецъ.

«Кипарисо—древо всимъ древамъ отецъ.»

—Почему кипарисо—древо всимъ древамъ отецъ?

«А на славномъ древѣ кипарисовомъ,
«тамо вырѣзанъ былъ пречудный крѣстъ,
«и на томъ кресту животворящимъ—
«тамъ распятый былъ самъ Исусъ Христосъ;
«потому кипарисо всимъ древамъ отецъ.»

Ему вси цари тутъ поклонилися:

«И спасетъ тебя Богъ, свѣтъ премудрый царь,
«нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ.

«Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
«намъ про эту книгу голубиную.

«А яще ты, сударь, намъ про то скажи:
«которое море всимъ морямъ отецъ?»

«У насъ киянъ—море всимъ морямъ отецъ.»

—Почему у насъ киянъ всимъ морямъ отецъ?

«Обошло киянъ вокругъ земли,
«вокругъ земли, всего свѣту бѣлаго:
«потому киянъ всимъ морямъ отецъ.

«А Ильмень есть озеро озерамъ отецъ.»

—Почему Ильмень—озеро озерамъ отецъ?

«Да не тотъ Ильмень, кой подъ Новымъ градомъ,
«да не тотъ Ильмень, кой у Большой Орды;
«а есть тотъ Ильмень, кой (въ) Турецкой земли.
«Какъ изъ того Ильменя, да изъ озера,

«протекла, прошла мать Іордань-рѣка:

«потому тоѣ озеро озерамъ отецъ .

«Мать Іордань-рѣка всимъ рѣкамъ отецъ.»

—Почему Іордань всимъ рѣкамъ отецъ?

«А крестился въ рѣки самъ Іисусъ Христоосъ,

«утверждалась вѣра христіанская

«по усей земли, всей подселенныя:

«потому Іордань всимъ рѣкамъ отецъ.»

Ему вси цари тутъ поклонилися:

«И спасетъ тебя Богъ, свѣтъ премудрый царь ,

«нашъ премудрый царь Давидъ Авсеѣвичъ .

«Хорошо сказалъ, сударь , по памяти

«намъ про эту книгу голубиную.

«А яще ты, сударь, намъ про то скажи:

«которая у насъ рыба всимъ рыбамъ отецъ,

«и которая у насъ птица всимъ птицамъ отецъ,

«и которой у насъ звѣрь всимъ звѣрямъ звѣрь?»

Оны вси цари тутъ приумолкнулись.

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь ,

нашъ премудрый царь Давидъ Авсеѣвичъ:

«Государи и вы, братцы, сорокъ царей,

«у насъ китъ-рыба есть всимъ рыбамъ отецъ.»

—Почему у насъ китъ всимъ рыбамъ отецъ?

«На трехъ рыбахъ, на китѣнышахъ,

и основана у насъ мать сыра-земля,

«и содержится вся подселенная:

«потому у насъ китъ-рыба всимъ рыбамъ отецъ.

«А стрипѣль же птица всимъ птицамъ отецъ.»

—Почему стрипѣль всимъ птицамъ отецъ?

«А сидитъ стрипѣль посреди моря,
«и наплодъ плодитъ во синѣхъ моряхъ,
«а полетъ держитъ по поднебесью.
«Послѣ полуночи во второмъ часу,
«какъ стрипѣль же птица вострепѣхнется,
«запоютъ у насъ куры по усей земли:
«потому стрипѣль всимъ птицамъ отецъ.
«Единоръ есть звѣрь всимъ звѣрями звѣрь.
«А живетъ единоръ-звѣрь во Святой горы,
«проходитъ звѣрь самъ по подземелью,
«протищаетъ ручьи вси восточные.

«Когда единоръ-звѣрь поворотится,
«воскипятъ ключи вси подземельные:
«потому единоръ всимъ звѣрями звѣрь.»

Ему вси цари тутъ поклонилися:

«И спасетъ тебя Богъ, свѣтъ премудрый царь,
«нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ.
«Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
«намъ про эту книгу голубиную.

«А яще ты, сударь, намъ про то скажи:
«который у насъ камень каменьямъ отецъ;
«которая у насъ трава всимъ травамъ отецъ;
«какимъ грѣхамъ покоянья нѣтъ,
«какимъ грѣхамъ покоянье есть?»

Оны вси цари тутъ приумолкнулись.

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ:

«Государи и вы, братцы, сорокъ царей,
«бѣлолатырь-камень каменьямъ отецъ.»

— Почему бѣлодѣть-камень каменьямъ отецъ?

«И на славномъ камнѣ на бѣлодѣть
«тамъ бесѣдовалъ самъ Исусъ Христосъ,
«и распущали книгу голубиную,
«и утверждали вѣру хрестіянскую
«по усей земли, всей подселенныя:
«потому бѣлодѣть-камень каменьямъ отецъ.
«А плакунъ-трава всимъ травамъ отецъ.»

— Почему плакунъ-трава всимъ травамъ отецъ?

«Какъ распятый былъ самъ Исусъ Христосъ,
«тамъ шла Матерь Божія, Богородица,
«къ своему ко сыну ко распятому,
«и роняла слѣзушки пречистыя,
«и на матушку на сыру-землю.
«Какъ же съ тыхъ же слѣзушекъ пречистыхъ
«зародилась у насъ плакунъ-трава:
«потому плакунъ-трава всимъ травамъ отецъ.
«Ино всимъ грѣхамъ покаянье есть,
«только тымъ грѣхамъ покаянья нѣтъ,
«который бранить, братцы, Свята Духа;
«только тымъ грѣхамъ покаянья нѣтъ,
«который бранить, братцы, отца съ матерью;
«только тымъ грѣхамъ покаянья нѣтъ,
«который грѣшитъ кумъ съ кумой крестовою,
«да который во утробѣ плодъ запарчивалъ,—
«только тымъ грѣхамъ покаянья нѣтъ.»

Ему вси цари тутъ поклонилися:

«И спасетъ тебя Богъ, свѣтъ премудрый царь,
«нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣвичъ.

«Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
«намъ про эту книгу голубиную.»
Взговорилъ Волотоманъ царь Волотомановичъ:
«Государи и вы, братцы, сорокъ царей,
«что въ моимъ во полѣ случилося:
«*Быть* два зайчика собѣгалися—
«одинъ сѣренькій, другой бѣленькій,—
«и, сошедшися, оны подралися.
«Сѣрый бѣлаго *презавидилъ* же:
«пошелъ бѣленькій во темны лѣса,
«пошелъ сѣренькій во чисто поле.»
и оны вси цари тутъ приумолкнулись.
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ:
«Государи и вы, братцы, сорокъ царей,
«И не зайчики тутъ соходилися:
«соходилися тутъ кривда со правдою,
«и сошедшися, они подралися.—
«Нынѣ кривда правду *приубидила*,
«а правда пошла и на небеса,
«и къ самому Христу Царю Небесному;
«а кривда оставалась у насъ на земли,
«по всему по міру православному.
«Она пала намъ на ретиво сердце:
«зато нынѣ, стало, правды нѣтъ—
«беззаконія стали великія.»

Получено отъ ак. Срезневскаго.

О ГАДАМЪ.

Правидное сонцо
въ раю освѣтило
всеё райскою пишшу.
И расплаетса Адамій,
передъ раемъ стѡя:
«Раю мой, раю,
прекрасень рай бысте!
меня ради, Адама,
сотворень рай бысти;
Евгї ради, раю,
заключень рай бысти.
Евгѧ согрѣшила,
законъ придступила,
Адама прельстила,
весь родъ нашъ отгнала
отъ святова отъ рая,
отъ всеё райскою пишши.»
И Гадамій вопїяша
къ Богу со слезами:
«Божи мой, милостивый!
помилуй насъ грѣшныхъ,
прости беззаконныхъ.
А я васъ не слышу,
архангельскова гласу неимѣю,
въ раю райскою пишши.»
Прогѡворить Евго,

и Адаму проглаголить :
«Адамій, Адамій,
ты мой господине!
Не рыдай, Адамій,
го прекраснымъ раю,
ни велѣлъ намъ Господь Богъ
во святымъ раю бысти,
жертвы воскушати
отъ святова отъ рая;
сослалъ насъ Господь Бого
на трудною землю,
труды намъ полагати,
хлѣба снѣдати,
всей правдою жити,
другъ друга любить,
зла ни творити».
Какъ Господь Богъ родился,
въ Гордани окрестился,—
Адамій ослободился,
весь міръ возновился.
А мы, друзе, братье,
прибѣгнемъ ко церкви,
прольемъ Богу слезы,
ко Вышнему Творцу;
послушаемъ, братія.
писаніе Божіе,—
чѣмъ насъ Господь Богъ наказуетъ
шщедротъ своихъ ради,
чтобы намъ не впасти

въ злу превѣчну муку.
Да воззримъ мы, братія,
на дубовы гробы:
вы, гробы ли, гробы,
привѣчные намъ дома,
житіѣ временное,
слово суетное,
гортань наша зависная;
на семъ на вольнымъ свѣтѣ
богатства, слава,
въ убожествѣ слезы,
красота наша быша:
всѣ тлѣны воспріемлетъ.
Очи наши — ямы,
руци наши — грабы;
что очи завидятъ,
то руци наши заграбятъ;
не можемъ мы нынѣ
себя не чѣмъ наполнить.
Нашъ Богъ даетъ много,
а намъ кажется мало.
Бога ни восхвалимъ,
всегда мы прогнѣваемъ.
Ужда намъ, братія,
какъ мы помремъ,
ни чиво съ собой не возмемъ,
мы все здѣсь позабудимъ
только возьмемъ бѣлы руци,
прижмемъ ко ретиву сердцу,

души наши пойдуть
по своёмъ по мѣстамъ,
тѣлеса наши пойдуть
во сырую землю,
къ червямъ на съядѣнія;
кости наши пойдуть
землѣ на преданіе.
Ужда намъ, братія,
Ни что намъ не поможетъ;
ни что намъ не пособитъ:
и ни злато, и не серебро,
и не богатства наша;
разви намъ поможетъ,
или намъ пособитъ
позднее моленіе,
поклоны полуношныя,
милостыня намъ святая
отъ праведныхъ трудовъ,
отъ желанія сердца,
отъ потнова лица.
Ужда намъ, и братія,
отложимъ мы гордость,
возложимъ мы кротость,
напомнимъ мы Бога,
накормимъ мы алчныхъ,
напоимъ жажныхъ,
пріодѣнемъ нагихъ,
пріобуемъ босыхъ,
проводимъ мы мертвыхъ

до Божьей до церкви,—
отъ Божіею отъ церкви
до сырою до зѣмли,
съ попами и со дьяками,
со ясными со свѣшшами,
со горючими со слезами.
Останошное свиданье,
последнее намъ прошенье
на семъ вольнымъ свѣтѣ
родителей нашихъ:
должны мы ихъ поминати,
а насъ Богъ помянетъ
за престоломъ своѣмъ.
За всѣхъ мы потрудимся,
во вѣки спасемся,—
мы тѣмъ себя вкупимъ
во небесное въ царство.
Богу нашему слава,
во вѣки вѣкомъ, аминь.

Пол. отъ ак. Срезневскаго.

Это одинъ изъ самыхъ старинныхъ стиховъ, какіе встрѣчаются въ нашей письменной литературѣ (См. Востокова Описание Рум. музеума, № 457; также въ рукописи конца XV или начала XVI в., по указанію пр. Тихопривова). У Кирѣвскаго, XIII, стр. 193—194.

ПЛАЧЪ АДАМА.

Праведное соньче въ раю просвѣтилось.
Восплачитсе Адамъ, предъ раѣмъ стоя:

«О раю, мой раю, пресвѣтлой мой раю!
Для миня ты, раю, былъ сотворенной,
Для Евы ты былъ, раю, заключенной!
Ева сотворила, Богу согрѣшила,
Душѣ погубила, Адама прельстила,
И проць отогнала отъ святого раю;
Ужъ я не слышу Архангельскаго гласа,
Ужъ я не вижу райскія пишши!»
Какъ спроговорить Ева, Адамова доля:
«Адаме, Адаме, ты мой господине!
Велѣлъ намъ Господь Богъ вѣрою жити,
Вить велѣлъ намъ Господь Богъ трудиться,
Землю намъ копати, хлѣба насѣвати,
Сытымъ пребывати и нишшимъ подавати.»

Пол. отъ ак. Срезневскаго.

О ХРИСТОВОМЪ РОЖДЕНІИ.

Мати Дѣва пречистая
Христа Бога породила,
Съ небесъ звѣзда просвѣтила,
Просвѣтила звѣзда съ темной ночи,
Съ темной ночи въ глухую полночь,
Давала вѣрнымъ помощи.
Отъ кого мы зародилися?
Зародилися мы отъ Адамія
И отъ рукъ—Обрамьево. (sic!)
Послалъ Иродъ—царь посланниковъ

Про Христа проповѣдывать ⁽¹⁾рожденного,
За волхами звѣзда граду Пліемеру (Виелеемова);
Волхи ко Христу приходили,
Честные дары приносили.
Христось дары эти принимаетъ,
Волховъ златыми вѣнцами даруетъ;
Пошли волхи, зрадовѣлися,
И къ Ироду царю не возвращалися.
И тамъ царь Иродъ возмучается,
Умомъ своимъ сколыбается,
Не хотѣлъ онъ Христа Бога видѣти
И Христовой славы слышати,
Во Христову вѣру вѣровать.
Посылаетъ царь Иродъ посланниковъ по всей землѣ
Губить малыхъ младенчиковъ все безгрѣшныхъ,
Двухъ годовъ и полутора.
Перегубили малыхъ младенчиковъ все безгрѣшныхъ
Двѣ тмы двѣнадцать тысячей,
А Христа Бога младенчика не доискалися.
Речеть Господь съ небесъ малымъ младенчикамъ:
«Идите вы, малые младенчики, все безгрѣшныю,
Ко мнѣ во пресвѣтлый рай.
Отнынѣ вамъ до вѣкъ царство царствовать».

Зап. въ Казани отъ Кораблева.

Ср. далѣе бѣлорус. и малорос. стихи о томъ же. У Кирѣвскаго XV.

(1) Въмѣсто—провѣдывать.

ОБЪ ИРОДѢ И О РОЖДЕСТВѢ ХРИСТОВОМЪ.

Дѣва Мати пречистая,
Съ небесъ взята пресвѣтлая,
Въ темной ночи звѣзда просвѣтила,
Дала всѣмъ вѣрнымъ помощи
Отъ роду Адамова.
Родилися люди отъ Адама.
Дѣвица всѣмъ царица
Христа сына Божіа породила,
Въ Іудейской землѣ, во вертепъ — горѣ.
Пошли волсви Христа искать
По звѣздѣ волсви по честной;
Звѣзда идетъ и волсви идутъ.
Пришли волсви ко вертепъ — горѣ,
Принесли Христу честны дары;
Наложилъ Господь на нихъ златы вѣнцы;
Пошли волсви, радуются,
Не путемъ во дома свои,
Ироду царю по Христа не сповѣдали.
Иродъ царь возмущается,
Умомъ — разумомъ колыбается,
Не хочетъ онъ Бога видѣти,
Славу Божію слышати,
Хочетъ Бога погубить.
Посылаетъ Иродъ — царь посланниковъ
По всей землѣ святорусской:
«Подьте вы, посланники,

Побейте вы младенцевъ многосущихъ,
Двухъ годовъ и полутора.
Много они младенцевъ прибили,
Три тьмы и три тысячи.
Нигдѣ Господи во младенцахъ не изыскался.
Проречетъ Господь ко младенцамъ:
«Подьте вы, младенцы, во царствіе,
Во царствіе во небесное,
За ту за смерть за напрасную
Ко святому Авраамію,
Ко Исаку, ко Іакову».
Поемъ славу тебѣ великую,
Пѣснь поемъ, алилуія.

Зап. въ Нолинскѣ, Вят. губ.

СОНЪ МАТИ-МАРІИ.

Ай же ты, Мати Марія,
Пречистая Дѣва, пресвятая!
Гдѣ же ты ночесъ ночевала?
— Въ городѣ и въ Ерусалимѣ,
Во Божьей церквѣ за престоломъ;
Страшенъ я сонъ въ сняхъ видала,
Будто я сына породила,
Во свято крещенье крестила,
Во пелены пеленовала,
Во пелены камчатія,
Во пояса шелковыя.

Кто бы мнѣ тотъ сонъ приразсудилъ?»

Кто бы мнѣ тотъ сонъ приразсказалъ?

Провѣщится молодой юношъ,

Юношъ — сынъ возлюбленный:

«Ай же ты, Мати-Марія!

Пречудная дѣва, пресвятая!

Самъ я этотъ сонъ приразскажу,

Самъ я этотъ сонъ приразсужу:

Быть мнѣ-ка, матушка, распяту,

Ко кресту пригвождѣну;

Въ руцѣ мнѣ гвоздѣ вколотятъ,

Въ ноги мои гвоздѣ забиваша,

Копіемъ бока у меня прободоша,

Тростью мою, матушка, главу убиваша,

Совсѣмъ меня, матушка, присрамляша,

Желчью меня напоиша.»

Восплачется тутъ Мати-Марія,

Пречистая дѣва, пресвятая:

— «На кого же ты меня оставляешь?»

«Оставлю я на брата на Іанна,

На Іоанна брата, Предтечу⁽¹⁾,

На Крестителя тебя Господня.

Въ третій я день, мати, воскресну,

Самъ я по тебя, мати, буду,

Самъ я изъ тебя душу выну,

И спишу твой ликъ на икону,

(1) Въ Орловской губерніи поютъ Богослова, а въ концѣ всего стихотворенія прибавляютъ: Аплудія.

Положу икону въ Божью церкву,
Въ Божию церковь за престоломъ;
Пойду—иконѣ помолюся,
Приду—иконѣ поклонюся,
Во вѣки, матушка, прощуся
До свѣтла Христова Воскресенья.
Кто этотъ стихъ воспѣваетъ,
Избавленъ будетъ отъ вѣчныя муки.

Текстъ записанъ въ Арх. губ. въ дер. Калгалакшѣ, въ 110
верстахъ отъ Кемь. Ср. съ извѣстнымъ прозаическимъ апокри-
фомъ «Сонъ Пресвятой Богородицы».

О ХРИСТОВОМЪ РАСПЯТІИ.

Пророки пророчили за 1000 лѣтъ,
Другіе сказали за 300 годовъ
Рожденье, мученье Ісусу Христу,
Во пятой во тысячѣ во пяти стахъ годахъ.
Во Мартѣ во мѣсяцѣ въ послѣднихъ днѣхъ.
На страшной недѣли во пятничной день.
Сколь будетъ мученія, не можно исцестъ,
Иже о Христѣ Ісусѣ.
Родился Христосъ Царь Небесный
Во то рождество во Христово;
Съ нимъ былъ единый Апостоль,
Злодѣй лукавый, Іуда;
Онъ предалъ Христа на распятье,
Онъ предалъ Христа Сына Божья,

За тридцать сребряницъ продавши:
«Возьмите, распните, распните!»
Си взявъ Христа въ единой часъ,
Взявши Христа-сына, распяли,
На лобное мѣсто поставили
Предъ книжникамъ и фарисеямъ,
Предъ пастырствомъ и предъ Пилатомъ,
И предъ тѣми жидовьями лицемѣрами.
Тростью по главѣ Христа бѣювши,
Терновъ вѣнецъ на главу возложихомъ⁽¹⁾,
Святое лице оплевахомъ,
Уста желчью напоихомъ,
Мимо Христа походявши,
Копіемъ святыя ребра прободавши,
Святую кровь проливавши;
Отъ святой крови земля-мати обогрилася,
Гля-ради Христа Сына Божія;
Солнце, мѣсяцъ-луна померкла,
Небо-земля потряслася,
Весь міръ на землѣ прослезился,
Завѣса церковная на-двое разодрася,
Каменіе распадехомъ,
На Христѣ ризу разорвахомъ,
По жребію разметася,
Про между собой жидове раздѣляхомъ.
Встрѣчу Святой Дѣвѣ два жиды грядуть:
«Гдѣ вы жиды были? отколь грядите?»

(1) Въ ошибки противъ языка принадлежать пѣвцу.

— А мы были въ Іерусалимѣ городѣ.

«Что вы тамъ, жидове, дѣлали?»

— Мучили, терзали Іисуса Христа.

«Ахъ вы, жидове проклятые,

За что вы его тиранили?»

— Дѣва Марія, не мы,

Наши дѣды—прадѣды.

Извидѣла Мати Марія,

Мать Божія пресвятая,

Вися(щаго), на крестѣ сына распята,

Убитаго, кровянаго,

Течеть ко кресту со слезами.

Утроба и сердце возгорахомъ.

«Увы, мой сынъ прелюбимый,

Пресладкій сынъ, о Іисусе!

За кого ты, сынъ, муку терпишь,

Немалую смерть принимаешь?»

Глаголетъ ей о Іисусе:

— «Не плачь, моя мати, Марія,

Не плачь, Божія, пресвятая!

Не кроти, мати, своей краты,

Не скорби свое лице бѣло,

Не слези очи ясны.

По мнѣ, мати, плачутъ небо и земля,

По мнѣ, мати, плачутъ солнце и луна,

По мнѣ, мати, плачутъ, рѣки и моря,

По мнѣ, мати, плачутъ старыя старины,

По мнѣ, мати, плачутъ вдовы—сироты.

Потерпи, мати, малое время,

Когда тѣло мое съ креста соймутъ,
Въ плащеницѣ я появлюся,
Въ новомъ гробѣ положуся,
И погребенъ есмь буду;
Во третей день, мати, воскресну,
Въ čtyредесять дѣнь просѣщуся
И на небеса вознесуся
Со Ангелами со святыми,
Со грозными Херувимамъ,
Со страшными Серафимамъ.»
Гля-ради Христа сына Божья
Солнце-мѣсяцъ-луна засіяла,
Небо-земля здрадовалося,
Весь міръ на землѣ взвеселился,
Завѣса церковная спяхомъ,
На Христѣ ризы исцѣляхомъ.
Я вѣрнымъ дарую для спасенья,
Невѣрнымъ на вѣчную муку.»
Христось воскресе изъ гроба.
Ради воскресенія Христова
Мы пѣснь поемъ — алилуія.

Да слава тебѣ, Христе Боже нашъ!

Зап. Вятской губ. въ г. Нолнскѣ.

О ХРИСТОВОМЪ РАСПЯТИИ.

Со страхомъ мы, братіе,
Мы послушаемъ Божія писанія,

Господнихъ страстей:

Пророки пророчили за 1000 лѣтъ,

Другіе сказали за 300 годовъ

Рожденье, мученье Ісусу Христу.

Во пятой во тысячѣ во пятистахъ годахъ,

Во Мартѣ во мѣсяцѣ во послѣднихъ днѣхъ

На страшной недѣлѣ во пятничной день,

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ

Плакала, ходила Святая Дѣва,

При ней были три мироносицы — жены.

Во градѣ имъ встрѣчу грядутъ два жида.

Восплакала, спросила Святая Дѣва:

«Гдѣ вы жида были? отколь грядите?»

Что возговорили два жидовина:

— Живемъ мы теперъ въ Іерусалимѣ. —

«Что вы тамъ, жидове, дѣлали?»

— А мы били, мучили Ісуса Христа:

Бивши, мучивши, въ темницу всадили;

Въ 6-мъ часу въ пятницу рѣспяли его,

Въ ноги и во длани прибавши гвоздьми

Вѣнецъ наложили на главу его.

Мученія и ранъ невозможно исцелъ.

Ісуса копіемъ въ ребра проболи.

Земля обогрися отъ крови его. —

Услышала глаголы ихъ Святая Дѣва;

Она бысть безъ памяти и больше часа,

Ударилась о землю, едва бысть жива.

Жены соблюдали и были при ней;

Застонетъ, восплачетъ, въ горести речетъ

«Увы, мать-розсыра земля, возьми меня къ себѣ.
Сыне мой любезный, надежда моя!
И что не послушалъ матери своей?
Нынѣ вижу, сыне, поруганаго.
Какое ты дѣло жидамъ сотворилъ?
О злые ругатели беззаконные!
За кое вы дѣло Исуса бьете?
Вчера не хотѣла отпустить тебя,
Волею поиде на крестную смерть.
Плачите, рыдайте, солнце и луна!
Плачите, стоните, мѣсяцъ со звѣздами!
Плачите, стоните, вдовы и сироты!
Наставникъ, учитель вашъ покинулъ васъ всѣхъ.
Сыне мой любезный, надежда моя!
Волею поиде на крестную смерть,
Нынѣ сердце мое терзается,
Составы и плоти разсыпаются,
Кровию устнѣ мои занекаются.
Почто оставляешь едину мя здѣсь?
Вкупѣ бы вкусила съ тобою я смерть.
Кто нынѣ утѣшитъ отъ горькихъ мя слезъ?
Нынѣ Семіона пророчествія сбылись.
Воистинну были глаголы его:
Со страху великаго и со ужаси
Скрылися — бѣжали Апостоли всѣ,
Едину оставили мене плакати.
Кто нынѣ, сыне, поможетъ въ слезахъ?
Архангелъ Гавріилъ, помози ты мнѣ!
Радосте моя сошедъ во гробъ.»

Господь проглагола матери своей:
— «Любезная мати, не плачь обо мнѣ!
Въ 3-й день воскресну, прославлю тебя.
Радости твоей не будетъ конца.»
У Божіей церкви, у царскихъ дверей
На-двое завѣса раздиралася,
Древа по дубравамъ преклонялися,
Камени на-двое распадалися.
Рыданіе, слезы услышалъ Господь:
Начали трястися небо и земля,
Солнце и мѣсяцъ не стали свѣтитъ
Отъ 6-го часа до 9-го.
Со страху великаго и со ужаси
Жидове припадали ничкомъ на землю,
Въ неумѣ лежали 4 часа.
Онѣ окаянны не покаялися,
За то ихъ осудилъ Господь во вѣчную тьму.
Мученію, мѹкамъ не будетъ конца.
Со страхомъ мы, братіе, восплачемся
Мученія — страданія Ісуса Христа,
Восплачемся на всякъ день и покаемся,
Господь Богъ услышитъ покаяніе,
За то намъ и даруетъ царство свое,
Радости — веселію не будетъ конца!

Изъ сборника С. В. Максимова, зап. имъ въ Арх. г. Ср. очень
сходный съ этимъ стихомъ рассказъ о распятіи въ апокрифическомъ
евангеліи.

СТИХЪ ПОКАЯНЕНЪ.

Сбиралися вкупѣ Іудей,
Господа Христа распинали,
Его святую кровь проліяли.
Злодѣй лукавый Іуда
Ведеть Христа на судище,
На лобное мѣсто,
Ко древу кипарису,
Предъ книжники-фарисей,
Предъ жидове-лицемѣри,
Предъ понтійскаго Пилата.
А всѣ они возопиша:
Возми, возми Сына Божья,
Распни, распни (его) не замедля.
Вземша Христа и распяша
Промежъ двема лиходѣйцы,
Разбойники, душегубцы;
Желчію Христа напоиша,
Уста его помазаша,
Терновъ вѣнецъ на главу возложиша,
Тростию по главѣ его біяша
И ко кресту пригвоздиша,
Въ ребра копіемъ прободоша,
И мимо его походяше,
Главами своими покиваше,
На святое лице его плеваше,
Ему Христу поругаше

И ризу его раздраше;
А всѣ они возопиша :
«Не чаяли мы Сына Божья,
«Мы чаяли его пророка.»
Провѣдала его Мать Марія,
Тече ко кресту со слезами;
Сердцемъ своимъ разгораше,
Утробою распаляше,
Завидячи своего сына
Вися на крестѣ распята
Окровавлена, въ ребра копіемъ прободена.
Рече ко Христу Мати Марія :
«Увы мнѣ, сыне сладкій, Иисусе!
Что терпиши муку безъ вины
Предъ всѣ іереи со Іудей,
Напрасную кровь проливаешь
Предъ понтійскимъ предъ Пилатомъ?»
Рече со креста Иисусъ Маріи :
«О мати моя, Марія!
Не плачь, не плачь своей красоты,
Не слези своихъ ясныхъ очей!
Того ли ты, мати, не знаешь :
Мене ради солнце померче,
И луна въ кровь претворися,
И каменіе распадоша,
Завѣса церковная раздрася?
Пожди, мати, малое время,
Когда со креста тѣло снимуть,
И во плащаницу положуся,

И погребенъ еси буду.
Моя, мати, смерть—животъ вѣчный,
Вѣрнымъ даръ на спасенье,
Невѣрнымъ на вѣчную муку.
Въ третій день, мати воскресну
И на небеса вознесуся
Со страшными Херувимы,
Съ грозными Серафими,
Пѣснь поюще—алилуїа, алилуїа.

Изъ Бѣжецкой рукописи В. И. Григоровича, писанной скорописью
XVII ст., in-4°.

О ХРИСТОВѢ ВОЗНЕСЕНІИ.

Среди было теплаго лѣта,
Наканунѣ вознесенія Христова,
Расплакалась нищая братья:
«Гой еси Христосъ Царь Небесный!
На кого-то ты насъ оставляешь?
На кого-то ты насъ покидаешь?
Кто насъ поить-кормить станеть,
Одѣвати сганеть, обувати,
Отъ темныя ночи охраняти?»
Проглаголетъ Христосъ Царь Небесный:
—«Не плачьте вы, нищая братья!
Дамъ я вамъ нищимъ—убогимъ,
Гору крутую—золотую.
Умѣйте горою владати,

Промежду собою раздѣляти;
Будете вы сыты и довольны,
Обуты и одѣты,
И отъ темныя ночи приукрыты.»
Проглаголетъ Іаннъ Златоустій:
«Гой еси Христосъ Царь Небесный!
Благослови меня слово промолвить
За нищую братью—за убогую:
Не давай нищимъ гору крутую,
Что крутую гору, золотую;
Не умѣть имъ горою владати,
Не умѣть имъ золотыя поверстати,
Промежду собой раздѣляти.
Зазнають гору князи и бояра,
Зазнають гору пастыри и власти,
Зазнають гору торговые гости;
Отоймутъ у нихъ гору крутую,
Отоймутъ у нихъ гору золотую;
По себѣ они гору раздѣлятъ,
По князьямъ золотую разверстають,
Да нищую братью не допустятъ;
Много у нихъ будетъ убійства,
Много у нихъ будетъ кроволитства,
Промежду собой уголоствія;
Да нѣчѣмъ будетъ нищимъ питатися.
Да нѣчѣмъ имъ будетъ приодѣтися
И отъ темныя ночи приукрытися.
Дадимъ мы нищимъ—убогимъ
Имя твое святое:

Будутъ нищія по міру ходити,
Тебя—Христа, величати,
Въ каждой часъ прославляти;
Будутъ они сыты и довольны,
Обуты будутъ и одѣты,
И отъ темныя ночи пріукрыты.»
Проглаголетъ Христосъ Царь Небесный:
— «Исполать тебѣ, Іаннъ Златоустій!
Умѣлъ ты словечко промолвить
За нищую за братью — за убогую;
Да вотъ тебѣ уста золотыя!»
Мы пѣснь поемъ: алилуйя.

Запис. въ Нолинскѣ, Вят. губ.

О ВОЗНЕСЕНІИ.

Вознесеніе было Христовое,
Вознесся самъ Господь на небесы.
Съ херувимами и серафимами,
Со всей силою со небесною.
Восплакнула тогда меньшая братія:
«Батюшка нашъ, Царь Небесный!
На кого ты насъ покидаешь?
Кто насъ, Господи, будетъ поить-кормить,
У темной ночи укрывать?»
Речетъ имъ Господь Царь Небесный:
— «Не плачь, моя меньшая братія!
Создамъ я вамъ гору золотую:

Вы будете сыты и питающіе,
Одѣные и обутые,
У темныя ночи укрытыя.»
Речеть ему Иваній Златоустій:
«Охъ Господи, ты, Царь Небесный!
Не давай ты имъ гору золотую.
Не дадутъ имъ этой горой владѣти,
Отымутъ у нихъ купцы и бояра,
Вельможи, люди пребогатые.
Создай ты имъ свое іменье Христово:
Они будутъ по міру ходити,
Тебя будутъ Христа величати,
Тебя будутъ Христа прославляти.
Они будутъ сыты и питающіе,
Одѣные и приобутые,
У темной ночи приукрытыя.»
Речеть ему Господь Богъ Царь Небесный.
«Охъ ты, Иваній Златоустій!
Умѣлъ ты мнѣ рѣчи говорити,
За меньшую братію защитити,
И будь твои уста золотые,
Отнынѣ, да до вѣку.»

Зап. въ Казани.

ПРО ВОЗНЕСЕНІЕ ІИСУСА ХРИСТА.

Послѣ Свѣтлаго Христова Воскресеньица,
На шостыя да на недѣли,

Живеть праздничекъ да Вознесенъиця .
Возносилсѣ Исусъ Христосъ на нѣбеса ,
Со Ангѣлами, со Архангѣлами ,
Со всею небесною силою .
Восплачитсе меньшая братья ,
Нишшіе люди убоги :
«Ужъ ты ой еси, Исусъ Христосъ Небесной !
А куды же ты да походишь ?
На кого же ты насъ оставлеешь ?
Ише кто насъ поить, кормить буде ?
Хто буде обувати, одѣвати ?»
Проговорить Исусъ Христосъ Небесной :
«Не плацте, моя меньшая братья ,
Нишшіе люди, убоги !
Будите вы сыты и пьяны ,
Будите обуты, одѣны ,
Будите тепломъ да обогрѣны ;
Ужъ я дамъ вамъ гору золотую ,
Я даю вамъ рѣку мѣдовую ,
Я даю вамъ сады съ виноградомъ ,
Я даю вить вамъ манну небесну .»
Приговорить Иванъ да Предотецѣй :
«Ужъ ты ой еси, Исусъ Христосъ Небесной !
Позволь со Христомъ да слово молвить ,
Позволь мнѣ со Господомъ рѣчь говорити !
Не давай имъ горы золотыя ,
Не давай имъ рѣки мѣдовыя ,
Не давай имъ садовъ съ виноградомъ ,
Не давай имъ и манны небесной :

Горы-то имъ буде не раздѣлити,
Съ рѣкой-то имъ буде не совладати,
Винограду-ту имъ буде не ошшипати,
Манны-то имъ буде не пожрати;
Надъ горою-ту буде убивьсьво,
А надъ рѣкою-ту буде кроволитье.
Какъ узнають то кнезье, бояра,
Да и сильные люди, могуціе, —
Отоймутъ у ихъ гору золотую,
Отоймутъ у ихъ рѣку да мѣдовую,
Отоймутъ у ихъ сады да съ виноградомъ,
Отоймутъ у ихъ манну небесну.
Дай ты имъ Слово Христово:
Оны будутъ по-міру ходити,
Тебя, Христа, будутъ звелицяти,
Будутъ сыты и пьяны,
Оны будутъ обуты, одѣны,
Оны будутъ тепломъ да обогрѣны.»
Какъ проговоритъ Исусъ Христосъ Небесной:
«Ужъ ты ой еси, Иванъ да Предотецей!
Ты умѣлъ со Христомъ да слово молвить,
Ты умѣлъ вить съ Исусомъ рѣць говорити.
Топерь буди твои уста золотыя,
Топерь будутъ тобѣ праздники цѣстые.»

Пол. отъ акад. Срезневскаго.

О ВОЗНЕСЕНИИ.

Въ четвергъ послѣ Паски на шестой недѣли,
Христосъ Господь на небеса вознесе
Со своею небесною силою:
Со Ангелами и со Архангелами,
Съ херавимами Онъ, съ Серафимами.
Втогда ростужаться добры сиротки,
Росплацуются маленьки безродны:
«Ой же ты, Христосъ, Царь Небесные!
На кого же ты насъ да покидаешь?
Ише хто насъ буде поити да кормити?
Да хто буде одѣвати, обувати?
Да хто буде тепломъ да согрѣвати?»
Спроговорить Христосъ, Царь Небесные:
«Не плачь, моя меньшая братья,
Не тужите, маленьки-безродны!
Дамъ вить я вамъ гору золотую,
Ише дамъ вить я вамъ рѣку мѣдовую,
Я вамъ дамъ ише сады съ виноградьемъ.
Можите-ли вы горой совладати?
Можите-ль рѣку изцѣпати?
Можите-ль сады вы пошшипати?»
А проговорить Иванъ да Богословичъ:
«Ой же ты, Христосъ, Царь Небесные!
Не давай ты горы имъ золотыя,
Не давай ты рѣки имъ мѣдовыя,
Да не давай ты садовъ имъ съ виноградьемъ:

А вить съѣдутсе кнези-бояры,
Да какъ съѣдутсе паленичи удалые,—
Тутъ буде между собои убитье,
Тутъ буде велико кроволитье,
Отыймутъ у ихъ вить гору золотую,
Отыймутъ у ихъ вить рѣку мѣдовую,
Отыймутъ у ихъ да сады съ виноградемъ.
Дай-ко ты, Христось, Царь Небесные,
Дай-ко-се имъ Слово да Христовое,—
А по міру-міру да ходити,
А по свѣту Христа звелнцети:
Вить тѣмъ оны будутъ обуты, одѣны,
Тѣмъ да будутъ тепломъ обогрѣны.»
Тутъ спроговоритъ Господь. Царь Небесные;
«Ой же ты, Иванъ да Богословечъ!
Умѣлъ со Христомъ ты рѣчь говорити,
Умѣлъ вить ты по нишнихъ потужити.
За твои умѣльные за рѣци,
За твои за сладкія словеса,
Даю я те празники цястые,
Цясты твои празники цесные.»

Отъ него же.

О ДВУХЪ ЛАЗАРЯХЪ.

Жили да были два брата родные — оба Лазаря—
На вольнымъ свѣтѣ;
Единая ихъ матушка воспородила,
Да не единою долей ихъ Господь надѣлилъ:

Большому — то брату Лазарю богатства тьма,
Меньшому — то брату Лазарю убожество и рай.

Сослалъ Господи на убогаго гнѣвъ:

Лежалъ же убогъ Лазарь онъ весь во труду, весь
во гноищѣ.

Воскликнетъ онъ, восгаркнетъ громкимъ голосомъ:

— «Ой милый братецъ мой, богатый Лазарь!

За имя Господне призри ты меня,

За именье Христово напой, накорми!

Сегодня я, братецъ мой, не пилъ, не ѣдалъ,

И хлѣба я, соли въ ротъ не биралъ.»

Воскликнулъ же, восгаркнулъ богатый Лазарь

Громкимъ своимъ голосомъ:

— «Чтожъ ты за невѣжа — такой человѣкъ?

Братомъ меня нарекаешь.

А и есть у меня братья, каковъ я самъ богатъ:

Купцы — те да бояра — то братія моя;

Попы — те церковны — то хлѣбъ — соль съ ними одна у меня.

А есть у меня два люты пса;

Али они — то братья твое.

Плюнулъ же богатъ Лазарь, самъ прочь отошелъ;

Восходилъ же богатъ Лазарь въ полаты свои,

Садился богатъ Лазарь хлѣбъ — соль воскушать,

Садился богатъ Лазарь пойло испивать.

А есть у богата два лютые пса:

Подстольемъ они ходятъ,

Обронныя крошечки собираютъ,

Къ убогому Лазарю принашиваютъ,

Убогаго Лазаря пропитываютъ,

Во гноищѣ его раночки зализываютъ,
Вставалъ же убогъ Лазарь онъ весь изцѣленъ,
Вставалъ же убогой на рѣзвы ноги,
Молитву онъ творилъ самъ ко Господу:
«О Господи! услыши молитву мою,
Да восприми, Господи, на хвалы свои,
Создай мнѣ, Господи, грозныхъ Ангеловъ.
А грозныхъ Ангеловъ, все немилосливыхъ,
По мою по душеньку, по Лазареву.
Не такъ моя душенька поцарствовала,
Живучи, бывучи на вольнымъ свѣтѣ.»
Выслушалъ же Господи молитву его,
Да воспринялъ Господи на хвалы къ себѣ,
Сослалъ ему Господи тихихъ Ангеловъ,
Тихихъ Ангеловъ, милосливыхъ.
По его по душу, по Лазареву.
Вынимали его душеньку честно — хваально въ сахарны
уста,

Положили его душеньку на Божью пелену,
Воздымали его душеньку вверхъ на небеса;
Отдавали его душеньку ко Якову въ рай:
«Вотъ тебѣ, святой отецъ Іаковъ, святая душа!»
Опослѣ богатый Лазарь недолго онъ живетъ:
Охочъ былъ богачъ Лазарь пиры пировать,
Охочъ былъ богачъ Лазарь торгомъ торговать,
Охочъ былъ богачъ Лазарь проклажатися,
Охочъ былъ богачъ Лазарь похвалятися;
Пошелъ же богатъ Лазарь изъ пиру домой;
Воздымало богатаго повыше его,

Обряшило богатаго о мать о сыру землю;
Лежалъ богачъ Лазарь день до вечера,
Во всю темну ноченьку до бѣлой зари;
На бѣлую на зареньку образумилъ,
Да не узрѣлъ богачъ Лазарь свѣту вольнаго,
Да не узрѣлъ богачъ Лазарь дому своего,
Да не узрѣлъ богачъ Лазарь жены и дѣтей;
Молитву онъ творить самъ ко Господу:
«О Господи, Спасъ милостивый!
Восприми, Господи, молитву мою,
Создай ты мнѣ, Господи, тихихъ Ангеловъ,
Тихихъ Ангеловъ, все милостивыхъ,
По мою ли по душеньку, по Лазареву.
Не такъ моя душенька помаялася,
А живучи — бывучи на вольнымъ свѣту.»
Выслушалъ же Господи молитву его,
Не воспринялъ Господи на хвалы свои,
Сослалъ ему Господи грозныхъ Ангеловъ,
А грозныхъ Ангеловъ, немилостивыхъ
По его ли по душеньку, по Лазареву.
Вынимали его душеньку нечестно, нехвально
Сквозь реберъ его — костей.
Воздымали его душеньку вѣтма высокѣ,
Обряшили его душеньку во тьму глубоко,
Во тьму глубоко, во плящій огонь.
Узрѣлъ же богачъ Лазарь изъ муки въ рай,
Да узрѣлъ же богачъ Лазарь Обрамія въ раю,
Опослѣ Обрамія — брата своего.
«Ой, милый братецъ, убогій Лазарь.

Есть у тебя, братецъ, правая рука,
 На правой на рученькѣ есть мизинный пѣръсть,
 Обмокни-ко-сь, родимый, холодной водой,
 Закропи-ко-ть, родимый, мой палящій огонь!
 Кабы мнѣ, родимый мой, всему не сгорѣть!
 Отвѣтъ ему держать убогій Лазарь:
 — «Какой ты мнѣ еси братецъ, какой ты родной?
 А есть у тебя братья, каковъ ты самъ богатъ:
 Купцы-те, бояре—то братья твои,
 Попы-те церковники-то хлѣбъ-соль съ ними одна
 у тебя.»

Отвѣтъ ему держать богатый Лазарь:
 «Ой милый братецъ мой, убогій Лазарь!
 Купцы-те, бояре всѣ забросили меня;
 Попы-те, церковники миновались;
 Злато мое, сѣребро земля пожрала,
 Цвѣтное мое платице все тлѣнь воспринялъ.»
 Отвѣтъ ему держать убогій Лазарь:
 «Ой, милый братецъ мой, богатый Лазарь!
 Что же ты, родимый, на томъ свѣту не поилъ, не
 кормилъ,

У темной ноченьки не прикрывалъ,
 Съ укропною свѣчою ты меня не провожалъ?»
 Отвѣтъ ему держать богатый Лазарь:
 «Ой милый братецъ мой, убогій Лазарь!
 Чтожъ ты мнѣ, родимый, прежде не сказалъ?
 Поилъ бы я, родимый мой, поилъ бы и кормилъ,
 У темной ноченьки я бы укрывалъ,
 Съ укропной свѣчею я бы провожалъ.»

Отвѣтъ ему держать Обрамей изъ райо:
«Вспомаялся братъ, Лазарь, да не въ время!
Подернуло адъ кромѣшныи травою — муравой.»

Записано въ Казани отъ Кораблева.

О ЛАЗАРѢ.

Были два брата родные —
Одинъ братъ богатый, другой Лазарь убогой.
Пришелъ же убогой ко его ко двору,
Сказалъ же убогой братцу своему:
— «Братецъ, ты, братецъ, богатый человекъ!
Сотвори мнѣ, братецъ, святую милостинку.»
Сказалъ же богатый убогому Лазарю:
«У меня ли братьевъ такихъ въ роду нѣтъ,
А твои ли братья — подстольные псы,
Подстольныя крошечки подбиравають,
Убогую душеньку пропитываютъ.»
Сошелъ же убогой съ его со двора, —
И легъ же убогой предъ его врата;
Воззрилъ же убогой на небеса:
«Сошли ты мнѣ, Господи, скорую смерть,
Пошли ты мнѣ, Господи, грозныхъ Ангеловъ,
Грозныхъ, немилостивыхъ,
Чтобъ выпули душеньку сквозь реберъ моихъ
Желѣзными крючьями.»
Сослалъ ему Господи тихихъ Ангеловъ,
Тихихъ и милостивыхъ;

Вынули душеньку и хвадно, и честно
Въ сахарныя уста;
Положили душеньку на пелену,
Понесли же душеньку на аеръ высокò,
Понесли же душеньку къ Аврамію въ рай.
Богатый же всегда веселился
Съ гостями за трапезой,
И въ ризы златыя всегда облачался.
Пришла же къ богатому лютая болѣзнь;
Возопилъ богатый велимъ гласомъ:
«Пошли ты мнѣ, Господи, долгую жизнь!...»
Послалъ ему Господи лютую смерть;
Послалъ ему Господи грозныхъ Ангеловъ,—
Грозныхъ, немилостивыхъ;
Вынули душеньку сквозь ребра его
Желѣзными крючьями;
Понесли душеньку во адъ къ сатанѣ,
Положили душеньку на огненный костеръ.
Воззрилъ же богатый на небеса,
Узрилъ же богатый убогаго Лазаря
Въ раю съ Аврааміемъ.
Возопилъ богатый велимъ гласомъ:
«Отче Авраамій, я стражду и мучуся!
Пошли ты мнѣ, отче, съ убогимъ Лазаремъ
Единую каплю воды—
Промочить мои горячія уста!»
—Нѣтъ, чадо, неможно отсель къ вамъ перейти!
Ты, чадо, тамъ жилъ, наслаждался,
А Лазарь убогой терпѣлъ и страдалъ;

Теперь же ты будешь во адѣ вѣкъ мучиться.
А Лазарь убогой въ раю ликовать.»

Запис. въ Саратовѣ.

ПРО ЛАЗАРЯ УБОГАГО И БОГАТАГО ЧЕЛОВѢКА.

Былъ жилъ славной богатъ целовѣкъ,
Сладкую пишшу богатой воскушалъ,
Дорогу одѣжу богатой возносилъ;
Нишнимъ, убогимъ нѣ подавалъ,
По пути ходящихъ тѣпломъ не огрѣвалъ,
Во гроби лежащихъ нѣ провожалъ,
Во тюрьмы сидящихъ нѣ просвѣщалъ.

Заводитсе у богатого цесной пиръ;
Пошелъ богатой гостей называть.
Вышелъ богатой за широки ворота:
Передъ воротами Лазарь лѣжитъ
Передъ широкими—убогой целовѣкъ.
Смолилсе Лазарь брату своему:
«Братецъ ты, братецъ, богатой целовѣкъ,
Для милости Божьей наной, накорми!
Тобѣ заплатить Господь Богъ за то.»
Плонулъ богатой Лазарю въ глаза:
«Што ты за братъ, што ты за родной!
Есь у меня братья полутьше тебя,
Есь у меня братья таки же, што и я:
Кнезя да бояра—тѣ братья мои,
Гости торговы — тѣ друзья мои.»

Зазвалъ богатой гостей своихъ;
Завелсе у богатого цесной пиръ.
Было у богатого два кобеля,
Два кобеля, два лютые пса;
По подстолью ходили и крошки собирали,
Лазарю убогому крошки носили,
Тѣмъ Лазаря убогого вѣспитали,
Гноѣнныя руки зализывали.
Смолилсе Лазарь Господу Богу:
«Господи, Господи, Богъ милосливъ!
Выслушай, Господи, моленье мое,
Моленье мое, се Лазарево!
Сѡшли, Господь, двухъ Аньделѡвъ,
Сѡшли, Господь, двухъ Арханьделѡвъ,
Не кроткихъ, не смирныхъ, не милосливыхъ,
Штобъ нецесно душу мою выложили,
Крюкомъ и бокамъ душу вѣтенули,
Положили душиньку подъ лѣвое крыло,
Положили душиньку на вострое копье,
Вѣздынули душиньку къ верху высокѡ,
Опустили душиньку къ низу глубокѡ.
Положили бы душиньку въ ѡкроумьсьей адъ,
Въ кипящую смолу, да во огнѣнну рѣку.»
Выслушалъ Господь Богъ моленье его,
Моленье его, се Лазарево:
Сослалъ Господь Богъ двухъ Аньделѡвъ,
Сослалъ Господь двухъ Арханьделѡвъ,
Кроткихъ, и смирныхъ, и милосливыхъ,
Цесну его душу выложили,

Не крюкомъ, не бокомъ душу вытенули,
Положили душиньку подъ правое крыло,
Подъ правое крыло, да и на пелену,
Выздынули душиньку на небеса,
Положили душиньку во пресвѣтлой рай.
Отошелъ у богатого цесной пиръ,
Вышелъ богатой гостей провожать;
Провѣдилъ богатой гостей своихъ,
Самъ—отъ богатой домой пошелъ.
На стрѣту богатому люта хоробра ⁽¹⁾,
Люта хоробра, да немилослива.
Не спозналъ богатой двора своего,
Не двора, не жоны, не дѣтей же своихъ.
Вылѣзъ богатой на круту на гору,
Смолилсе богатой на небеса,
Смолилсе богатой Господу Богу:
«Господи, Господи, Богъ милосливой!
Выслушай, Господь Богъ, моленье мое,
Моленье мое, се богатово:
Сѡшли, Господь Богъ, двоихъ Аньделѡвъ,
Двоихъ Аньделѡвъ двухъ Арханьделѡвъ,
Кроткихъ, и смирныхъ, и милосливыхъ,
Штобы цѣсну мою душу выложили,
Не крюкомъ, не бокомъ душу вытенули,
Положили бы душиньку подъ правое крыло,
Положили бы душиньку и на пелену,
Выздынули душиньку на небеса,

(1) Хвороба—болѣзнь.

Положили бы душиньку во пресвѣтлой рай!—
А выслушалъ Господь Богъ моленье его,
Моленье его, се богатово;
Сослалъ Господь Богъ двоихъ Ангеловъ,
Сослалъ Господь двухъ Архангеловъ,
Не кроткихъ, не смирныхъ, не милосливыхъ,
Не цесно душу его выложили,
Крюкомъ и бокомъ душу вытенили,
Положили душиньку подъ лѣво крыло,
Положили душиньку на вострое копье,
Выздынули душиньку къ верху высоко,
Опустили душиньку къ низу глубоко,
Положили душиньку во окомѣсьней адъ,
Во окомѣсьней адъ, да во кипящую смолу,
Во кипящую смолу, да во огненну рѣку.
Кипить богатой въ кипящей смолы,
Горить богатой во литомъ огни;
А ходитъ убогой въ пресвѣтломъ раю.
Увидалъ тутъ богатой Лазаря въ раю,
Смолитсе богатой брату своему:
«Братецъ ты, братецъ, убогой целовѣкъ!
Оммакни, братецъ, свой мезенной персь,
И акрапи, братецъ, сахарьни уста,
Штобы моимъ устынькахъ не тосьно было!»
—«Братецъ ты, братецъ, богатой целовѣкъ!
Жили мы были на вольномъ на свѣту,—
Другъ мы друга не спознавали,
Братъ мы брата не почитали;
Ты былъ богатой, а я былъ убогъ;

Нишшимъ-убогимъ не подавали,
По пути ходящихъ тепломъ не огрѣвали,
Во гробы лежащихъ не провожали,
Во тюрьмы сидящихъ не просвѣщали,
На рѣки топящихъ не поминали.
Одна насъ матушка спородила,
Не одними сцѣсками надѣлила:
Тобѣ надѣлила, богатому,—тьму,
А мнѣ надѣлила, убогому,—рай.
Теперь воля не моя—воля Господева.»

Пол. отъ ак. Срезневскаго.

**О СВЯТОМЪ МЛАДЕНЦѢ КИРИКѢ, О МУЧЕНИИ, КАКЪ ЕГО МУ-
ЧИТЬ ЦАРЬ, ОТЕЦЪ БЫВШІЙ ЕМУ, ПО ИХНОМУ МАГОМЕТАН-
СКОМУ ЗАКОНУ.**

Во славномъ было въ городѣ въ Домостеевѣ.
Жилъ-былъ невѣрный царь Максиміанъ;
У него была честная жена Улита;
Она вѣру вѣровала ко Господу;
Избѣжала изъ-подъ городу изъ Домостеева.
Во тотъ во Евсеевъ городъ.
Невѣрный царь Максиміанъ
Онъ посланниковъ за нею посыылаетъ,
За честною женою Улитой,
Въ тотъ во Евсеевъ городъ.
Еще взяли—возвратили въ Домосеевъ городъ

Ко невѣрному царю Максиміану:
Невѣрный царь Максиміанъ
Онъ честной женѣ обрадовался;
Вставалъ онъ на ноги, на рѣзвья,
Еще сталъ ее допрашивати:
— «Честная жена Улита,
Будешь ли ты въ мою вѣру вѣровать?
Будешь ли моимъ идоламъ молиться?»
Честная жена Улита,
Жалко вопіюще, гласить:
«Невѣрный царь Максиміанъ!
Стала бы твою вѣру вѣровать,
Стала бы твоимъ идоламъ молиться.—
Есть у меня святой младенецъ Кирикъ,
Трехъ лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ;
То ко онъ станетъ твою вѣру вѣровать,
Твоимъ идоламъ молиться!»
Невѣрный царь Максиміанъ
Посланниковъ своихъ посыылаетъ
За святымъ младенцемъ за Кирикомъ.
Посланники за нимъ походили,
Нашли его во городѣ Іерусалимѣ,
У церкви у соборныя
У Петра у Павла;
Чтеть онъ книгу апостольскую.
Еще взяли—возвратили святаго младенца Кирика
Во тотъ въ Домосеевъ городъ
Ко царю ко невѣрному.
Невѣрный царь Максиміанъ

Святому младенцу Кирику обрадовался ;

Вставалъ онъ на ноги, на рѣзвыя ,

Сталъ онъ его допрашивати :

— «Святый младенецъ Кирикъ ,

Трехъ лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ !

Станешь ли мою вѣру вѣровать ?

Будешь ли моимъ идоламъ молитися ?

Твоя родимая мати

Хочетъ мою вѣру вѣровать ,

Хочетъ моимъ идоламъ молитися.»

Святый младенецъ Кирикъ ,

Жалко вопіюще, гласить :

«Невѣрный царь Максиміанъ !

Все это ты меня омманываешь.

Когда станетъ моя родимая мати

Твою вѣру вѣровать ,

Твоимъ идоламъ молитися ?

Велика наша вѣра крещеная ,

Великъ нашъ христіанскій Богъ !»

Невѣрный царь Максиміанъ

Приходитъ къ нему съ уложеніемъ (*)

Сталъ его допрашивать :

— «Святой младенецъ Кирикъ ,

Станешь ли мою вѣру вѣровать ?

Будешь ли моимъ идоламъ молитися ?

Я сострою тебѣ свѣтлую свѣтлицу ,

Дамъ тебѣ слугу вѣрную ,

*) Съ мысленными словами. Прим. пѣвца.

Еще дамъ тебѣ злата-серебра,
Еще дамъ тебѣ драгоцѣннаго, самоцвѣтнаго каменѣ.
Святой младенецъ Кирикъ,

Жалко вопіюще, гласитъ :

«Невѣрный царь Максиміанъ!

Мнѣ не надо съ тебя свѣтла свѣтлица,

Мнѣ не надо съ тебя слуга вѣрная,

Мнѣ не надо съ тебя злата-серебра,

Мнѣ не надо съ тебя самоцвѣтнаго, драгоцѣннаго
каменѣ.

Пропадешь ты на семъ свѣту

Со златомъ-съ серебромъ,

Пропадешь ты съ драгоцѣннымъ, съ самоцвѣт-
нымъ каменемъ.

Велика наша вѣра крещеная,

Великъ нашъ христіанскій Богъ!»

Невѣрный царь Максиміанъ

На святаго младенца на Кирика

Онъ на него озлобился,

Приказалъ онъ его на мученье взять,

На мученье на великое :

Приказалъ онъ буйную голову — пилить ко каменю.

Увидѣла честная жена Улита

Святаго младенца Кирика.

— «Святой младенецъ Кирикъ!

Ведутъ тебя на великое мученіе,

Пилить буйную голову ко каменю.

Для чего ради твое лице не помрачилось?

Отъ твоего бѣла лица лучи стоятъ,

Какъ отъ солнца отъ праведнаго?

Святой младенецъ Кирикъ,

Жалко вопіюще, гласить:

«Родимая моя мати,

Честная жена Улита!

Для того ради мое лицо не помрачилось,

Отъ моего бѣла лица лучи стоятъ,

Какъ отъ солнца отъ праведнаго:

Велика наша вѣра крещеная,

Великъ нашъ христіанскій Богъ!»

Невѣрный царь Максиміанъ

На святаго младенца на Кирика

Онъ пуще на него озлобился,

Приказалъ онъ его на мученье взять,

На мученье взять на великое,

Приказалъ онъ ковать обручи желѣзные,

Разжигать жаромъ—огнемъ—пламенемъ.

Ковали обручи желѣзные,

Разжигали жаромъ—огнемъ—пламенемъ,

Наложили на нихъ, на буйніи главы,

Со родимою со матерью,

Съ честной женой Улитой.

Святой младенецъ Кирикъ

Жалко вопіюще гласить

Ко Царю ко Небесному:

«Господи, Отецъ, Сынъ, Святыи Духъ!

Услышите молитву св. младенца Кирика —

Не отдайте на великое мученіе

Ко царю ко невѣрному.

Соймите съ насъ обручи желѣзные
Со родимою со матерью.»
Услышалъ Господи молитву
Святаго младенца Кирика:
Двухъ Ангеловъ на землю посылаесть.
Два Ангела на землю соходили,
Снимали съ нихъ обручи желѣзные;
Еще взяли, на ихъ главы
Возложили золотые вѣнцы.
Святой младенецъ Кирикъ,
Трехъ лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ,
Жалко вопіюще гласить:
«Невѣрный царь Максиміанъ!
Погляди-ко: на насъ золотые вѣнцы.
Велика наша вѣра крещеная,
Великъ нашъ христіанскій Богъ!»
Невѣрный царь Максиміанъ
На святаго младенца на Кирика
Онъ пуще на него озлобился,
Приказалъ онъ пригвоздить къ древу превысокому.
Ковали гвозди желѣзные,
Разжигали жаромъ—огнемъ—пламенемъ;
Еще взяли—приводили святаго младенца Кирика
Со родимой со матерью,
Съ честной женой Улитою,
Ко тому ко древу превысокому.
Святой младенецъ Кирикъ
Жалко вопіюще глаголетъ
Ко Царю ко Небесному:

«Господи, Отець, Сынъ, Святой Духъ!

Услышьте молитву святаго младенца **Кирика**,—

Не отдайте на великое мученіе

Ко царю ко невѣрному.

Отгвоздите меня отъ древа превысокаго

Со родимою со матерью,

Ради своей вѣры крещенія,

Ради своего Бога христіанскаго!»

Услышалъ Господи молитву святаго младенца **Кирика**,

Двухъ Ангеловъ на землю посылаваетъ;

Два Ангела на землю соходили,

Еще взяли—отгвоздили святаго младенца **Кирика**

Со родимою со матерью,

Съ честной женой Улитою;

На то мѣсто взяли—пригвоздили

Невѣрнаго царя Максиміана.

Невѣрный царь Максиміанъ

Святому младенцу Кирику возмолился:

— «Святой младенецъ Кирикъ,

Трехъ лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ!

Отгвозди меня отъ древа превысокаго

Ради своей вѣры крещенія,

Ради своего Бога христіанскаго.

Буду я вашу вѣру вѣровати,

Буду я вашему Богу молиться.

Велика ваша вѣра крещеная,

Великъ вашъ христіанскій Богъ!»

Святой младенецъ Кирикъ,

Жалко вопіюще, гласить:

«Невѣрный царь Максиміанъ!

Когда ты станешь нашу вѣру вѣрвать

И нашему Богу молиться?

Все ты нашего Бога оманываешь!»

Святой младенецъ Кирикъ

Отгвоздилъ его отъ древа превысокаго,

Разгвоздилъ гвозди желѣзные,

Ради своея вѣры крещенія,

Ради Бога христіанскаго.

Невѣрный царь Максиміанъ

На святаго младенца на Кирика

Онъ пуще на него озлобился;

Приказалъ онъ его на мученье взять,

На мученье на великое;

Приказалъ онъ наносить въ котель

Свинцу, смолы и олова,

Разжигать жаромъ—огнемъ—пламенемъ.

Наносили въ котель свинцу, смолы, олова,

Разжигали жаромъ—огнемъ—пламенемъ,

Заревѣлъ—закинѣлъ котель, ровно громъ загремѣлъ,

Слышно было на тридцать верстъ.

Устрашилась его родимая мати,

Честная жена Улита:

Она злую думу задумала,

Отстаётъ она отъ Спаса отъ Пречистаго,

Отъ Матери Пресвятыя Богородицы.

Она хочетъ невѣрному царю Максиміану приле-

ститися,

Она хочетъ его вѣру вѣрвать,

Она хочеть его идоламъ молитися.

Святой младенецъ Кирикъ,

Трехъ лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ

Жалко вопіюще гласить,

Ко Царю ко Небесному:

«Господи, Отецъ, Сынъ, Святой Духъ!

Услышите молитву святаго младенца Кирика,—

Не отдайте меня на великое мученіе

Со родимою со матерью

Ко царю ко невѣрному,

Уймите мою родимую мать!

Она злую думу задумала:

Отстаеъ онъ Спаса отъ Пречистаго,

Отъ Матери Пресвятыя Богородицы.»

Услышалъ Господи молитву святаго младенца Кирика.

Глаголетъ Господи честной женѣ Улитѣ:

«Честная жена Улита!

Со радости пошелъ въ котель муку мучиться

Со святымъ младенцемъ Кирикомъ.»

Оградилъ Господи котель животворящимъ крестомъ,

Выросла въ котлѣ трава-мурава,

Розцвѣли цвѣты лазоревые,

Святой младенецъ Кирикъ

Жалко вопіюще глаголетъ

Ко царю ко невѣрному:

«Невѣрный царь Максиміанъ!

Погляди-ко у насъ въ котлѣ трава-мурава,

И розцвѣли цвѣты лазоревые.

Велика наша вѣра крещеная,

Великъ нашъ христіанскій Богъ!
Еще славенъ Богъ прославися,
Прославился святой младенецъ Кирикъ,
Трехъ лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ,
Со родимою со матерью,
Съ честной женой со Улитою,
Пошла эта слава по всей землѣ,
По всей землѣ, по святой Русѣ,
Отъ нынѣшняго житья-бытья и до вѣку. Аминь.

Записано въ Нолинскѣ, Вят. губ. Сравни съ житіемъ Кирика у Св.
Димитрія Рост. подъ 15 іюля.

О ГАВРИКОВОМЪ СЫНѢ ВАСИЛІѢ.

Во славномъ градѣ Миртикіѣ
Жилъ-былъ Гаврикъ со женою;
Былъ у нихъ возлюбленный сынъ Василій
Посылаютъ они его въ соборну Божью церковь,
Возлюбленнаго сына Василья.
Отъ граду Божья церковь удалѣла;
Не близко, не далеко на пять попрыскъ.
Возлюбленный сынъ Василій
Входитъ въ соборну Божью церковь.
Воску яраго свѣщи затепляетъ,
На Николу со слезами взираетъ;
Онъ служить честные молебны.

«Ты, батюшка, Никола чудотворецъ!
Спаси и сохрани отъ бѣдъ и отъ напасти,
И помилуй отъ напрасныя смерти!»
Гдѣ не возмется невѣрная сила
Кругомъ Божью церковь обступила;
На три доли ооборъ раздѣляли:
Первую долю подъ мечъ подклоняли,
А вторую долю съ собой брали,
Третью долю продавали;
Только продали Гаврикова сына Василья
Въ Астрачинскую ⁽¹⁾ землю,
Астрачинскому князю Амиру.
Въ то время Гаврикъ со женою
На Святителя Николу прогнѣвился,
Немного, немало на три года.
Въ то время собирались къ нему сродствы и хлѣ-
боѣдцы.

И говорили Гаврику со женою:
«Что ты, Гаврикъ со женою,
На Святителя Николу прогнѣвился?
Не ходишь ты въ соборну Божью церковь,
Не служишь ты Святителю Николѣ чудотворцу
Честные молебны?
Авось Никола съ Богомъ силенъ,
Поручить ⁽²⁾ вамъ возлюбленнаго сына Василія.»
Въ то время Гаврикъ со женою

⁽¹⁾ Значить въ Австрію. Прим. пѣвца.

⁽²⁾ Вм. выручить.

Походятъ во соборну Божью церковь,
Воску яраго свѣщи затепляютъ,
На Николу со слезами взираютъ;
Они служатъ честные молебны:
«Ты, батюшко—Никола чудотворецъ!
Поручи намъ возлюбленного сына Василья!»
Возлюбленный сынъ ихъ Василій
Предъ лицемъ стоялъ у Астрачинскаго князя Амира,
Въ Астрачинскомъ платьѣ;
Въ правой рукѣ держалъ скляницу съ пойломъ,
А въ лѣвой руцѣ чару золотую.
Находила на Василья Божья воля,
Невидимо у князя его не стало,
Среди двора поставляло,
Поставилъ его батюшко—Никола чудотворецъ.
Вдругъ на него злобцы притухаютъ ⁽¹⁾.
Говорить Гаврикъ со женою
Своимъ рабамъ—челядинцамъ:
«Гой вы еси мои рабы—челядинцы!
Сходите, при дворѣ осмотрите,
На кого моя злобцы притухаютъ?»
Сходили рабы, осмотрили,—
Некого они не видали;
Такъ они Гаврику со женой и докладали:
«Некого мы на дворѣ не видали.»
Но и пуще злобцы притухаютъ.
Выходить самъ Гаврикъ со женою;

(1) По-нашему лають. Прим. пѣвца.

Увидалъ онъ возлюбленнаго сына Василья.

Говорить онъ возлюбленному сыну Василью:

«Что ты самъ предо мной явился,

Или стѣнь твоя показываетъ?»

Отвѣчалъ возлюбленный сынъ Василій:

«Ужъ ты батюшко, родитель мой великій!

Не стѣнь моя тебѣ показываетъ,

А самъ я предъ тобою явился,

Среди двора становился;

Поставилъ меня батюшко—Никола чудотворецъ.»

Говорить Гаврикъ возлюбленному сыну Василью:

«Какъ ты на семъ дворѣ явился?

Гдѣ ты столько время находился?»

Отвѣчалъ ему возлюбленный сынъ Василій:

«Батюшко ты мой, родитель великій!

Находился я въ землѣ Астрачинской,

Предъ лицемъ стоялъ Астрачинскаго князя,

Въ Астрачинскомъ платьѣ;

Въ правой рукѣ держалъ скляницу съ пойломъ,

А въ лѣвой рукѣ чару золотую.

Находила на меня Божья воля,

Невидимо меня у князя не стало,

Среди двора поставляло,

Поставилъ меня батюшко—Никола чудотворецъ.»

Тогда онъ беретъ его за бѣлыя рукѣ,

И цѣлуетъ во уста сахарны,

И ведетъ его въ бѣлокаменны палаты,

И мать его родительница обробѣла,

За бѣлыя руки брала,

На стулъ его сажала,
Все его вопрошала.
Тогда Гаврикъ со женою
Походятъ въ соборну Божью церковь,
Воску яраго свѣщи затепляли;
На Николу со слезами воззирали,
Мѣстныя иконы поднимали,
И служили честные молебны,
И много народу поятъ и кормятъ,
Серебромъ нищую братью одѣляютъ,
И всѣ-то за Василья Бога молятъ.
Слава и держава Святителю Николѣ,
Возлюбленному сыну Василью.
Во вѣки вѣковъ.

Зап. въ Нолинскѣ, Вят. губ.

ОБЪ АГЛИКОВЫМЪ СЫНѢ, ВАСИЛІѢ.

Человѣчи Божіе!
придите, послушайте:
мы про чудную-чуду сказуемъ,
про Агликова сына, про Василія,
про Святителю Николу Чудотворцу.
Какъ во градѣ во славнымъ во Тинфири
тута жилъ былъ блаженъ благочестивый мужъ съ
женою;
олъ и вѣровалъ Святителю Николѣ Чудотворцу;

посылаетъ своево сына Василия
во свяшшенную, въ соборную, апостольскую церковь
ко святителю Миколѣ Чудотворцу.

Церковь отъ града отдалѣла,
неблизко и недалеко на пять попришъ.

Будить ихъ сынъ Василій
во свяшшенною, въ соборную церкви,
у Святителя у Миколы Чудотворца;
мѣсныя свѣшши затепляить,
передъ мѣсныя иконы поставляить;
на Святителя Миколу со слезами самъ взираить:

«Святитель Никола Чудотворецъ!

Помилуй насъ отъ бѣдъ, отъ напасти,
сохрани отъ напрасною смерти!»

Гдѣ не возмется невѣрная сила,
кругомъ она церковь обступила;
много народу поплѣнила.

Раздѣлили полонъ на три доли:
первую долю подъ мечъ приклоняли,
а вторую—то долю съ собой брали,
а и третію долю продавали.

Запродали Агликова сына Василия
въ тое ли землю во Сорочицкую,
ко тому ли князю ко Гамеру.

Во то время Агликъ со женою
прогнѣвалса на Святителя Миколу Чудотворца,
прогнѣвалса немного и немало на три года.

Къ нему съѣзжалиса сродственники, хлѣбоѣсцы;
розумильно ему сродственники говорили:

«Что ты, Агликъ, не вѣришь
Миколѣ Святителю Чудотворцу?
Микола Чудотворецъ Богомъ силенъ,
онъ всѣмъ святымъ помощникъ
получить твоего сына Василия
и съ тое ли земли Сарачицкой,
отъ тово ли отъ князя отъ Гамера.»
Во то время Агликъ со женою
восходилъ въ соборную апостольскую церковь
ко Святителю Миколѣ Чудотворцу,
мѣсныя свѣшши затепляить
предъ мѣсныя иконы поставляить,
на Святителя Миколу со слезами самъ взираить:
«Святитель Микола Чудотворецъ!
Помилуй насъ отъ бѣдъ, отъ напасти,
сохрани насъ отъ напрасною смерти;
ещше помилуй нашева сына Василия
изъ тое земли изъ Сарачицкою,
отъ тово отъ князя отъ Гамера.»
Во то время былъ ихъ сынъ Василии
во Сарачицкою зѣмли,
у того у князя у Гамера;
стоялъ въ бѣлой каменной палатѣ
пиредъ тѣмъ княземъ пиредъ Гамеромъ,
пиредъ лицомъ ево доржалъ вина скляницу — поила,
во второй рукѣ чару золотую.
Во то время находила на Василия Божія воля,
поднимало Василия Святымъ Духомъ;
невидимо у князя ево нестало,

въ шестомъ часу ночи у отца на дворѣ поставляло.

На Василя псы притугали.

Во то время Агликъ со женою
проговорить громкимъ голосомъ:

«Ой вы гой есь ли, мое рабы-чароденцы!

вы подити досмотрити,
на ково псы притугають.»

Выходили рабы его — чароденцы,
ни ково на дворѣ ни усмотрили,
тово пушше псовъ раздразили.

Во то время Агликъ со свѣчою
выходилъ на крашіенное на крылечко;
онъ и узрилъ своево сына Василья:
стоялъ ево сынъ Василій въ срачицкимъ платьѣ,
въ руцѣ держалъ вина сѣляницу-пойла,
во второй чару золотую.

Тута Агликъ ужастилса.

Проговорить батюшка сыну Василью:

«Не ты ли стоишь, мой сынъ Василій,

Или стѣнь твоя мнѣ показуить?»

Отвѣчаить ко батюшкѣ сынъ Василій:

«О ты, батюшка мой родимой!

не стѣнь моя тебѣ показуить:

самъ я здѣсь объявилса.»

Ему батюшка родимой взрадовалса,
принимаетъ ево за бѣлыя руки,
долуитъ ёво во уста во сахарны,
повель ёво во свою палату.

Ему матушка родима взрадовалась,

проговорить матушка Василью:

«О ты, нашъ сынъ Василій,
какъ ты, мой сынъ, здѣся объявился?

Отвѣчать ко матушки сынъ Василій:

«О матушка родима!

по батюшкиному благословленью,

по твоей по святой по молитви,

былъ я въ Срачицкую зѣмли

у князя у Гамера.

Стоялъ я въ бѣлой каменной палаты,

передъ княземъ передъ Гамеромъ,

передъ лицомъ его держалъ вина склянницу — пойла,

во второй рукѣ чару золотую;

находила на меня Божія воля,

поднимала меня Святымъ Духомъ,

невидимо у князя меня не стало;

ничево передъ собою я не увидѣлъ,

только я видѣлъ передъ собою

— Святителю Миколу Чудотворца.»

Во то время Агликъ со женою

восходилъ во свяшшенную соборную апостоль-

скую церковь

ко Святителю ко Миколѣ Чудотворцу;

мѣсныя свѣшши затепляить,

пиредъ мѣсною иконы поставляить,

на Святителя Миколу со слезами самъ взираить.

Онъ служилъ ему чесные молебны,

онъ много народу поить, кормить,

нишнихъ вѣхъ серебромъ одѣляить;

за сына за Василья Богу молить.
Слава тебѣ Господу Богу,
Святителю Миколѣ Чудотворцу,
ево Агликову сыну Василью.
Во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Получ. отъ акад. Срезневскаго.

ПРО ЕГОРЬЯ-СВѢТА ХРАБРА.

Во седьмомъ году въ осьмой тысячѣ
Наѣзжалъ царище—Кудрянище
Ко тому ли городу Чернигову;
Онъ князей, бояръ всѣхъ повырубилъ,
Благовѣрнаго князя Феодора
Онъ подъ мечъ склонилъ, голову срубилъ.
Оставалось чадѣ милое ◆
Молодой Егорей—свѣтъ храбрый.
По локоть у него руки въ красномъ золотѣ,
По колѣни ноги въ чистомъ сѣребрѣ,
Во лбу—то солнце, въ тылу—то мѣсяцъ,
По косицамъ звѣзды переходя.
Онъ, того, собака, не пытаючи,
Началъ Егорья-свѣта мучити
Всеякими муками да разнообразными.
Началъ онъ Егорья топорами сѣчь;
Топоры—всѣ зубѣ прикрошились,
А Егорья-свѣта не уязвили,

Не уязвили, не укрававили.

Онъ, того, собака, не пытаючи,
Началъ онъ Егорья пилой пилить;

У пилы все зубье прикрошилося,

А Егорья-свѣта не уязвили

Не уязвили, не укрававили.

Началъ онъ Егорья водой топить,

Водой топить, колесомъ вертѣть;

Колесо въ щепу преломалоса,

А Егорья-свѣта не уязвило,

Не уязвило, не укрававило.

Началъ онъ Егорья въ котлѣ варить:

Егорей-свѣтъ въ котлѣ стойкомъ стоитъ,

Стойкомъ стоитъ, самъ стихи поетъ,

Стихи поетъ все херувимскіе;

Подъ котломъ растеть трава-мурава,

Цвѣтутъ цвѣточки лазоревы.

Онъ, того, собака, не пытаючи,

Копалъ погребы глубокіе

Долины погребъ — 20-ти сажень,

Ширины погребъ — 30-ти сажень,

Глубины погребъ — 40-ка сажень;

Посадилъ Егорья-свѣта со матерью

Во томъ погребъ во глубокомъ,

Задерживалъ рѣшеточки желѣзныя,

Желтымъ пескомъ призасыпывалъ,

Стрымъ камнемъ призаваливалъ,

Муравой-травой замуравливалъ.

Онъ пошелъ, собака, похваляется:

«Не бывать Егорью на Святой-Руси,

«Не видать Егорью свѣта бѣлаго,

«Свѣта бѣлаго, солнца краснаго.»

По Егорьевой было по участи

И по Божіей было по милости

Съ-тонка завѣвали вѣтры буйные

Изъ того издамече чиста поля,

Мураву-траву всю размуравило,

Стро каменье все поразвѣлило,

Желты пески всѣ приразвѣяло,

Рѣшеточки всѣ прираздѣргало.

Выходилъ Егорей на Святую-Русь,

Увидалъ Егорей свѣту бѣлаго,

Свѣту бѣлаго, солнца краснаго,

Сталъ просить благословенія

У матушки у родимыя

Поѣхать къ Кудреяну Кудреянищу

Изместить обиды всѣ родительскія.

Унимаетъ его матушка родимая:

«Не поѣзжай! У Кудреяна Кудреянища

Есть три заставы, три великія:

Первая застава великая—

Стоять лѣса темные отъ земли да до неба;

И стиглому, и сбѣглому проходу нѣтъ,

Ни удалу молодцу проѣзду нѣтъ.

И другая застава великая:

Стоять двѣ горы, двѣ высокія,

Разойдутся да вмѣстѣ стѣлкнутся;

Ни стиглому, ни сбѣглому проходу нѣтъ,

Ни удалу молодцу проѣзду нѣтъ.

Третья есть застава великая:

Течетъ рѣка огненна отъ востока до запада;

Ни стиглому, ни сбѣглому проходу нѣтъ,

Ни удалу молодцу проѣзду нѣтъ.»

—«Ой же ты, матушка родимая!

Не Божьимъ есть все изволеніемъ,

Все вражимъ наважденіемъ.»

Поѣхалъ удалой доброй молодецъ;

Пріѣхалъ онъ къ лѣсамъ темнымъ:

—«Ой же вы, лѣсы, лѣсы темные!

Полноте-ко врагу вѣровать!

Вѣруй-ко въ Господа распятаго,

Въ самаго Егорья-свѣта храбраго.»

Стали лѣсы по-старому,

Стали лѣсы по-прежнему.

Поѣхалъ Егорей-свѣтъ храбрый,

Пріѣхалъ къ горамъ высокимъ:

—«Ой вы горы, горы высокія!

Полноте-ко врагу вѣровать!

Вѣруй-ко въ Господа распятаго,

Въ самаго Егорья-свѣта храбраго.»

Стали горы по-старому,

Стали горы по-прежнему.

Поѣхалъ Егорей-свѣтъ храбрый,

Пріѣхалъ къ рѣкѣ ко огненной:

—«Ой ты рѣка огненная!

Полно-ко врагу вѣровать!

Вѣруй-ко въ Господа распятаго,

Въ самага Егорья-свѣта храбраго.»

Стала рѣка по-старому,

Стала рѣка по-прежнему.

Колотятъ платье двѣ дѣвицы,

Двѣ русскія полоняночки:

—«Ой же ты, удалой доброй молодецъ!

Есть у Кудреяна Кудреянища,

Есть три заставы, три великія.

Первая застава—сидитъ надъ крыльцомъ птица:

Унесетъ тебя во чисто поле,

Малымъ дѣтямъ на съѣденіе;

Подъ крыльцомъ сидитъ змѣя лютая:

Ухватитъ тебя на хоботъ свой,

Унесетъ тебя во чисто поле,

Малымъ дѣтямъ на съѣденіе;

Въ палатѣ у него есть мечъ-самосѣкъ,—

Отсѣкетъ у тебя буйну голову.»

—«Все это не Божьимъ изволеніемъ,

Все вражіимъ наважденіемъ!

Охъ ты, птица, лети ты въ чисто поле,

Хватай поганыхъ татаровей!

Охъ ты, змѣй, лети ты въ чисто поле,

Хватай поганыхъ татаровей.

Охъ ты, мечъ, ты сѣки буйну голову

У того Кудреяна Кудреянища.»

Изъ Сборника С. В. Максимова. Записано Арх. губ. въ д. Кал-
галакшѣ. См. житіе Св. Георгія и между прочимъ апокрифы въ
старинныхъ прологахъ. Сборникъ В. И. Григоровича заключаетъ
такой апокрифъ.

О ГЕОРГІѢ ХРАБРОМЪ.

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ,
Θедора благовѣрнаго
Жена Софія премудрая
Породила Θедору три дочери,
Четвертаго сына Георгія.
Изъ того царства Вавилонскаго
Поднимался царь Дектіанъ
На той святой Іерусалимъ градъ;
Полонилъ у Θедора три дочери,
Четвертаго сына Георгія.
Сталь онъ Георгія допрашивати:
«Ты которую, Георгій, вѣру вѣруешь:
Которому Богу молишься?»
— «Я вѣрую вѣру крещеную —
Въ Матѣ Божію Богородицу,
Въ Троицу нераздѣлимую.»
А злодѣй-царище Дектіанище,
«Ты увѣруй, Георгій, мою вѣру
Поклоняйся, Георгій, моимъ идоламъ!
Я устрою тебѣ свѣтлую свѣтлицу,
Дамъ тебѣ слугу вѣрную,
Дамъ тебѣ злата-серебра,
Драгоценная каменя.»
Святый Георгій проговариваль,
Святый храбрый проглаголаваль:
— «Злодѣй-царище Дектіанище!

Мнѣ не надо отъ тебя злата-серебра,
Не надо свѣтла свѣтлица,
Не надо слуга вѣрная.
Пропадешь на семъ свѣту на бѣлоѣмъ
Со златомъ, со серебромъ,
Съ драгоцѣннымъ каменемъ:
Велика наша вѣра крещеная,
Мать Божія Богородица,
Еще Троица нераздѣлима!»
Злодѣй-царище Дектіанище,
На святаго Георгія зло-паляюще,
Повелѣлъ Георгія на мученье взять,
На мученье взять на великое;
Приказалъ Георгія въ топоры рубить во желѣзные
У топорьевъ по обухъ лезвіѣ обломалося,—
Ничѣмъ святаго Георгія не вредить.
Георгій гласы гласить до небесъ свои:
«Велика наша вѣра крещеная,
Мать Божія Богородица,
Еще Троица нераздѣлима.»
Злодѣй-царище Дектіанище,
На святаго Георгія зло-паляюще,
Приказалъ Георгія на мученье взять на великое,
Приказалъ Георгія во пилю пилить во желѣзныя.
У пилъ зубѣѣ обломалося, —
Ничѣмъ святаго Георгія не вредить.
Онъ гласы гласить до небесъ свои:
«Велика наша вѣра крещеная,
Мать Божія Богородица,

Еще Троица нераздѣлимая!»
Злодѣй-царище Дектіанище,
На святаго Георгія зло-паляюще,
Приказалъ Георгія на мученье взять на великое,
Приказалъ Георгія въ печи жечь въ огнѣ-въ пламени.
Георгій стоитъ на вѣздустъ, —
Святаго Георгія ничѣмъ не вредить.
Онъ гласы гласить до небесъ свои:
«Велика наша вѣра крещеная,
Мать Божія Богородица,
Еще Троица нераздѣлимая!»
Злодѣй-царище Дектіанище,
На святаго Георгія зло-паляюще,
Приказалъ Георгія на мученье взять на великое,
Приказалъ Георгія въ сапоги ковать во желѣзные,
Разжигать жаромъ, огнемъ-пламенемъ.
Ковали сапоги желѣзные,
Поджигали огнемъ-пламенемъ;
Въ сапогахъ гвозди трех-верховые!
Повелѣлъ Георгію въ сапоги вставать,
Во желѣзные, во калѣные, —
Святаго Георгія ничѣмъ не вредить.
Онъ гласы гласить до небесъ свои:
«Велика наша вѣра крещеная,
Мать Божія Богородица,
Еще Троица нераздѣлимая.»
Злодѣй-царище Дектіанище,
На святаго Георгія зло-паляюще,
Приказалъ Георгія на мученье взять на великое,

Приказалъ Георгія на водѣ топить на синемъ морѣ.

Святый Георгій поверхъ воды плаваетъ,—

Ничѣмъ святаго Георгія не вредить.

Онъ гласы гласить до небесъ свои:

«Велика наша вѣра крещеная,

Мать Божія Богородица,

Еще Троица нераздѣлимая!»

Злодѣй-царище Дектіанище,

На святаго Георгія зло-паляюще,

Приказалъ Георгія на мученье взять на великое,

Приказалъ наледники копать преглубокіе—

Въ глубину копать 60 сажень,

Въ ширину копать 40 сажень,

Обшивать шитвомъ дубовымъ,

Закрывать крышой желѣзною,

Засыпать песками крутожелтыми.

Копали наледники глубокиѣ,

Въ глубину 60 сажень,

Въ ширину 40 сажень,

Обшивали шитвами дубовыми,

Закрывали крышею желѣзною,

Засыпали песками крутожелтыми.

Святаго Георгія посажаючи

На тридцать лѣтъ и на три-года,

Самъ злодѣй пескомъ притоптывалъ,

Самъ злодѣй приговаривалъ:

«Не бывать бы Георгію на бѣломъ свѣту,

Не видать бы Георгію свѣту бѣлаго,

Не узрѣть бы Георгію солнца краснаго,

Что на тридцать лѣтъ на три-года.»
Въ то время проходяючи,
Ровно тридцать лѣтъ и три-года.
Георгій возмолился:
— «Услышь, Господи, мое моленіе,
Услышь, Господь Богъ, мое терпѣніе,
Сошли съ небесъ погодушку
Со восточной сторонушки;
Раскрой крыши желѣзныя
Разнеси пески крутожелтые,
Разбей шитвы дубовыя.»
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію,
Поднималась погодушка со вихоремъ
Со восточной сторонушки.
Разнесло пески крутожелтые,
Раскрывало крыши желѣзныя,
Разшивало шитвы дубовыя.
Увидалъ Георгій свѣту бѣлаго,
Возвидѣлъ Георгій солнце красное,
Выходилъ Георгій изъ той ямы глубокія
На-землю свято-русскую.
Георгій походяючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Видитъ вдаль, въ чистомъ полѣ —
Стоитъ одна церковь соборная.
Георгій входилъ въ церковь соборную,
Поклонился Георгій чудному образу.
И стоитъ тутъ одна женщина,

Богу молится, Спасову образу, —

Его мать Соѣя премудрая.

Поклонился Георгій родной матери въ рѣзвы ноги,

— «Гой еси мать моя, Соѣя премудрая!

Гдѣ мой конь богатырскій?»

«Твой конь въ чистомъ полѣ;

На немъ вся сбруя цѣлымъ цѣла,

Сбруя несмятая, булатная.»

Поклонился Георгій чудному образу.

Георгій, походяючи

Изъ тоя церкви изъ соборныя,

Богатырска коня искаючи,

На богатырска коня сажаячись,

Георгій поѣзжаяючи,

Святую вѣру утверждаяючи,

Святой Георгій наѣхавши

На то на стадо на звѣриное —

На сѣрыхъ волковъ;

Волкъ съ волкомъ сойдутся и неразойдутся:

Нельзя Георгію проѣхати,

Нельзя святому подумати.

Святой Георгій проговариваль,

Святой храбрый проглаголивалъ:

— «Гой еси вы волки сѣрые!

Разойдитесь по всему свѣту по бѣлому

По два, по четыре и по единому,

Пейте, ѣшьте посулёное и благословлёное.»

По Георгіеву по моленію,

По его святому терпѣнію,

Расходилися волки по всему свѣту по бѣлому
По два, по четыре и по одному.

Георгій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Святой Георгій наѣхавши
На тѣ горы на толкучіа;
Гора съ горой сойдутся,
И гора съ горой не разойдутся:

Нельзя Георгію проѣхати,
Нельзя святому подумати.

Георгій проговариваль,
Святой храбрый проглаголивалъ:

«Разойдитесь, горы, по всему свѣту по бѣлому!
Я на васъ, горы, буду строиться,
Буду строить церкви соборныя и богомольныя.
По Георгіеву по моленію,
По его святому терпѣнію,
Расходились горы по всему свѣту по бѣлому.

Георгій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Святой Георгій наѣхавши
Па тѣ лѣса на дремучіе;
Къ сырой землѣ лѣса клонятся,
Отъ сырой земли не отдѣляются:

Нельзя Георгію проѣхати,
Нельзя святому подумати.

Георгій проговариваль,
Святой храбрый проглаголивалъ:

—«Гой еси лѣса дремучіе!

Отдѣлитесь, лѣса, отъ сырой земли!
Я изъ васъ, лѣса, буду строиться,
Строить буду церкви соборныя, богомольныя.»
По Георгіеву по моленію,
По его святому терпѣнію,
Отдѣлились лѣса отъ сырой земли.
Георгій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Святой Георгій наѣхавши
На то стадо на змѣиное,
На лукавое окаянное:
Нельзя Георгію проѣхати,
Нельзя святому подумати.
Строгалъ Георгій стружки дубовыя,
Самъ къ стружкамъ приговаривалъ:
«Обращайтесь, стружки въ каленыя стрѣлы,
Прибейте стадо змѣиное,
Змѣиное стадо лукавое, окаянное!»
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію,
Обращались стружки въ каленыя стрѣлы
Прибили стадо змѣиное,
Лукавое, окаянное.
Георгій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Георгій наѣхавши на трехъ пастуховъ,
Пастухи—красныя дѣвицы.
Георгій проговаривалъ,
Святой храбрый проглаголивалъ:

Гой еси пастухи—красныя дѣвицы!
Вы скажитесь, не утайтесь,
Котораго вы сами города,
Котораго отца—матери!
—«Мы—города Іерусалимскаго,
Отца—Θедора благовѣрнаго,
Мать у насъ—Софія премудрая.»
—«Ахъ вы, пастухи—красныя дѣвицы,
Мои вы родныя сестрицы!
Вы змѣннаго духа нахватились,
И на васъ тѣло, какъ дубовая кора.
Вы сходите въ Іорданъ рѣку, искупайтесь.»
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію,
Сходили онѣ—въ Іорданѣ искупалися,
Приходятъ въ царство Вавилонское.
Георгій протѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Святой Георгій доѣхавши
До того до царства до дальняго,
До того царства Вавилонскаго,
Ко тому ли царицу Дектіанищу.
Зашипѣлъ онъ, злодѣй, по змѣиному,
Заревѣлъ по звѣриному.
Устрашился у Георгія богатырскій конь,
Паль конь на сырѣ землю;
Вынимаетъ Георгій палицу боѣвую,
Бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ у него кожу дѣ-мяса,

Мясо пробиваетъ до-костей,
Пробиваетъ кости до-мозгу.
Отвѣчалъ ему конь человѣчьимъ голосомъ:

«Гой еси Георгій святой храбрый!

Вынимай свой тугой лукъ
И складывай каленú стрѣлу,
Пускай злодѣю въ челюсти,
Отбей у него легкое съ печенью,
Пролей кровь за батюшку и за матушку,
И за родныхъ сестеръ!»

Вынималъ Георгій тугой лукъ,
Вскладывалъ каленú стрѣлу,
Пускалъ злодѣю въ челюсти,
Отбивалъ легкое со печенью,
Проливалъ кровь за батюшку,
Проливалъ кровь за матушку,
Проливалъ кровь за родныхъ сестеръ.
Одолѣла кровь Георгія бусурманская, окаянная;
Стоялъ онъ въ крови не по колѣнъ, не по-поясъ,
А стоялъ онъ въ крови по бѣлы груди;
Вынимаетъ онъ копье долгомѣрное,
Ударилъ въ мать во сырú землю:

«Раступись, мать-сыра земля!

Пожри кровь бусурманскую и окаянн ую!»
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію,
Раступилася мать-сыра земля,
Пожрала кровь бусурманскую, окаянную.
Георгій проѣзжаючи,

Святую вѣру утверждаючи,
Георгій въѣхавши въ тоє царство Вавилонское,
Сколь народу Георгію поклонился,
Ко святому Георгію обратилося.
И стали они святую вѣру вѣровать —
Во Мать Божию Богородицу,
Въ Троицу нераздѣлимую.
И сдѣлали Георгію въ году два праздника.
Во вѣки. Аминь.

Зап. въ Нолинскѣ, Вят. губ.

ОБЪ АНИКЪ-ВОИНЪ.

Во славномъ градѣ во Евлестъ ⁽¹⁾,
Жилъ-былъ рабъ-человѣкъ, Аника-воинъ.
Жилъ на землѣ 222 года; воевалъ,
Много латынскія силы облатынилъ,
Много русскія силы побѣдилъ.
Добивается Аника до начальнаго царства,
Хочетъ Ерусалимъ-градъ разбивати,
Соборныя церкви нарушати,
Гдѣ Пресвятая Богородица стоитъ на престолѣ,
Гдѣ Христова гробница пребываетъ на воздусѣ,
Гдѣ съ дамыномъ съ ладаномъ выходятъ, —
То онъ хочетъ разбивати,
То онъ хочетъ нарушати,

(1) Это названіе можетъ-быть образовалось изъ г. Эфеса.

Русскую кровь проливати.

Походить Аника во чистое поле,

Имаеть себѣ добраго коня.

Садился Аника на добраго коня,

Береть онъ палицу боевую,

Повѣхаль Ерусалимъ градъ разбивати

Соборныя церкви нарушати,

Русскую кровь проливати.

До полѹпути Аника не доѣхаль,

На полѹпути Аника остановился:

Попало Аникѣ во стричу чудо чудное, диво дивное:

У чуда тулово звѣриное,

Ноги лошадиныя,

Голова человѣчья и руки человѣчьи,

Власы у чуда до пояса.

Аника чуда устранился:

«Что это за чудо чудное и за диво дивное!

«Скажи мнѣ, чудо, проповѣдуй:

«Али ты изъ царей какой царевичъ?

«Али изъ королей королевичъ?

«Али изъ богатырей какой богатырь?

«Или не русская ли сильна удалая полонида (1)?

Аникѣ чудо отверзаетъ (вм. отвѣщаетъ):

«Рабъ-человѣкъ, Аника-воинъ!

Я не царь какой, не царевичъ,

Не изъ королей королевичъ,

Не изъ богатырей какой богатырь,

(1) Вѣроятно, «паленица» (см. Др. р. ст., стр. 246).

И не русская сильна удалая полонїда;
А я есть гордая смерть сотворенна,
Отъ Христа по тебя смерть послана я:
Хочу я тебя, Анику, умертвити,
Во сырую землю положить.
Полно тебѣ, Аника, воевати,
Соборныя церкви разбивати,
Русскую кровь проливати.»
Аника на чудо не здиваетъ ⁽¹⁾,
Вереть онъ палицу боевую,
Хочетъ Аника смерть ушибити,
Во сырую землю положить.
Аникъ смерть отверзаетъ:
«Ты, рабъ-человѣкъ, Аника-воинъ!
Не хочешь ты мнѣ покориться,
И не хочешь ты мнѣ поклониться.
Былъ на землѣ богатырь Малафей,
Былъ на землѣ богатырь Соловей,
Былъ на землѣ богатырь Егоръ-Святогоръ ⁽²⁾,
Былъ богатырь надъ семидесятью землями бога-
тырь ⁽³⁾:
И то они мнѣ покорились,
И то они мнѣ поклонились.»
Вынимаетъ смерть пилы невидимы,
Подпиляетъ у Аники становыя жилы
И тѣ подъ колѣны рѣзвыя ноги.

(1) По-нашему—не дивится. Прим. пѣвца.

(2) Сынъ Самсона-ботатыря. Тоже.

(3) Это значить Самсонъ; у него были три ангельски волоса. Тоже.

Аника будто пьяный на конѣ зашатался,
Рѣзвыя ноги подвихнулись,
Бѣлыя руки опустились,
Ясныя очи помутились,
Буйная глава съ плечъ повалилась,
И Аника съ коня повалился,
О сырую землю поразился.

Аника плачетъ и рыдаетъ,
Смерть матерью родимой называетъ:
«Гордая смерть сотворенна,
Отъ Христа по меня смерть посланная!

Дай ты мнѣ стрѣлку и вѣку,

На 30 лѣтъ ты мнѣ вѣку:

Я поѣду во свой домъ, побываю.

Есть у меня, у Аники, казны много;

Я съ тобой казной подѣлюся.»

Аникѣ смерть отверзаетъ:

«Рабъ-человѣкъ, Аника-воинъ!

Есть на землѣ много изъ царей царевичевъ,

Изъ королей королевичевъ,

Изъ богатыхъ богатые:

Они бы со мной казной подѣлились,

У меня бы казны было много,

Была бы казна золотая

Отъ востоку солнца до заката.

Нѣтъ тебѣ стрѣлку и вѣку,

На двадцать лѣтъ тебѣ вѣку.»

Аника плачетъ и рыдаетъ,

Смерть матерью родимой называетъ:

«Гордая смерть сотворенна,
«Отъ Христа по меня смерть посланная!
Дай ты мнѣ стрѣку и вѣку,
На двадцать лѣтъ ты мнѣ вѣку:
Я поѣду въ свой домъ, побываю;
У меня въ дому казны много.
Я свою казну расточаю
По тѣмъ церквамъ по соборнымъ,
По тѣмъ тюрьмамъ, богадѣльнямъ,
• И по тѣмъ по бѣднымъ по людямъ,
И по всей по нищей по братьи.
Не будетъ ли моей душѣ помощь! »
Аникѣ смерть отверзаетъ:
«Рабъ—человѣкъ, Аника—воинъ!
У тебя казна не трудовая,
У тебя казна праховая,
У тебя казна слезовая,
У тебя ли съ кроволитья нажитая:
Да не будетъ твоей душѣ помощь.
Нѣтъ тебѣ стрѣку и вѣку,
На десять лѣтъ тебѣ вѣку. »
Аника плачетъ и рыдаетъ,
Смерть матерью родимой называетъ:
»Гордая смерть сотворенна,
Отъ Христа по меня посланная!
Дай ты стрѣку и вѣку
На десять лѣтъ ты мнѣ вѣку:
Я поѣду въ свой домъ, побываю.
Я сниму твой ликъ на икону,

Поставлю во церковь во соборну,
Будемъ мы тебѣ покланяться,
И будемъ тебѣ всѣ покаряться,
Будемъ тебѣ молебны исправляти,
И будемъ въ канонѣ тебѣ читати.»

Аникѣ смерть отверзаетъ:

«Рабъ-человѣкъ, Аника-воинъ!

Нельзя мнѣ во церкви стояти,
Нельзя мнѣ молебны исправляти,
Нельзя мнѣ въ канонѣ читати.

Нѣтъ тебѣ стрѣку и вѣку,
На пять лѣтъ тебѣ вѣку.»

Аника плачетъ и рыдаетъ,
Смерть матерью родимой называетъ:

«Гордая смерть сотворенна,
Отъ Христа по меня смерть посланная!

Дай ты мнѣ стрѣку и вѣку,
На пять лѣтъ ты мнѣ вѣку:

Я поѣду въ свой домъ, побываю;

Есть у меня казны много,

Есть у меня отецъ—мати,

Есть у меня родъ и племя,

Есть у меня друзи—братья.

Я поѣду съ ними распрощуся.»

Аникѣ смерть отверзаетъ:

«Рабъ-человѣкъ, Аника-воинъ!

Нѣтъ у меня у смерти ни отца—ни матери,
Ни роду—ни племени,
Ни друзи—ни братіи.

Нѣтъ тебѣ стрѣку и вѣку,
На три часа тебѣ вѣку.
Гдѣ я раба застигаю,
Тутъ раба я искушаю ⁽¹⁾,
Хотя я при церкви—при соборной,
Хотя при торгу—при базарѣ,
Хотя я при пиру—при бесѣдѣ ⁽²⁾,
Хотя я при пути—при дорогѣ,
Хотя я во чистомѣ во полѣ,
Хотя во темномѣ во лѣсѣ,
Хотя на синемѣ на морѣ,
Тутъ я раба застигаю.
Тутъ я раба искушаю.
Нѣтъ тебѣ стрѣку и вѣку,
На три минуты тебѣ вѣку.»
Солетали съ небесъ ангелы Господни,
Вынимали Аникину душу.
Аникѣ слава и держава во вѣки вѣковъ.

адобно думать, что сказаніе объ Аникѣ-воинѣ возникло изъ прозаической повѣсти, которая встрѣчается въ рукописныхъ сборникахъ XVII—XVIII ст. (Сборникъ Царскаго № 410, л. 272—278. «Бѣ нѣкій человекъ—воинъ удалый, ѣздилъ по полю чистому и по раздолью широкому, избивалъ полки многіе . . .»; Сб. Толстаго № 442. 2, л. 4—8; Погодина № 1773, л. 80—84); заглавіе ея.: «Преніе смерти съ животомъ», или «Повѣсть о бодрости человѣческой».

(1) Искошаю, отъ сл.—косить. См. «Р. Слово» 1859. VI. Смѣсь, стр. 93.

(2) Это по-нашему по деревенскому. Пр. пѣвца.

Эта прозаическая повесть, также точно какъ иныя житія Святыхъ, какъ напр. житіе Алексѣя Божія челоуѣка (см. Анеологіонъ Арсенія Грека, М. 1660 г. стр. 5—37, марта 17), приняла стихотворную форму, заимствуя одни черты отъ былинъ, другія—отъ духовныхъ стиховъ. Благочестивая мысль, которая положена въ основаніе разсказа, дала поводъ слѣпцамъ воспользоваться этимъ мотивомъ и внести его въ кругъ духовныхъ стиховъ; они придали религиозный характеръ подробностямъ и прибавили заключительныя черты:

«Солетали съ небесъ ангели Господни,
Вынимали Аникину душу.

Аникъ слава и держава (?) во вѣки вѣковъ.»

Кромъ начала, изъ былинъ внесены сюда имена богатырей и нѣсколько эпическихъ приемовъ (см. «Др. росс. ст.», М. 1818 г., стр. 358—богатыри: Соловей, Самсонъ, Свѣтогоръ; также «Пам. и «образцы л. х.» стр. 146). Имя Аники внесено народной памятью изъ какого-нибудь преданія.

Стихъ объ Аникѣ, безъ начала и гораздо сокращеннѣе нашего, напечатанъ въ «Русскомъ Словѣ» 1859 г. № 1-й стр. 92—94; напрасно издатель помѣстилъ при немъ вступленіе, въ которомъ онъ очень подробно разсуждаетъ о неопредѣленной рельефности и неуловимой образности, о томъ, какъ «болѣзненно дрогнула преступная душа» и т. п.; эти высшіе взгляды нисколько не поясняютъ дѣла. У насъ есть также лубочныя картины, изображающія «Анику-воина и смерть» (см. нѣсколько замѣчаній г. Погодина въ «Москвит.» 1843 г. № 11, стр. 245—246 и г. Пыпина «Очеркъ лит. исторіи . . » стр. 135—136). Текстъ нашъ записанъ въ Вятской губерніи, въ г. Нолинскъ.

СМЕРТЬ ОНИКИ-ВОИНА.

Быль-жилъ — Оника-воинъ богатые,
Проживалъ Оника 390 лѣтъ,
А все пасса да берегсе цюда цюднаго —
Смерти цюдные, смерти страшные;
А самъ-отъ все пустыни да монастыри разорялъ.
Положилъ свое злобно намѣренье
Святая святыхъ да роззорити,
И по цисту полю бревна розвозити.
На стрѣчу-ту Оники цюдо цюдное, диво дивное:
Ноги-ты у цюда-та звѣриныи,
Голова-та у цюда целовѣцеська,
А тулово у цюда лошадиное.
Говорилъ Оника таковы слова:
«Што ты тако, цюдо цюдное,
Што ты тако, диво дивное?
Али ты еси царь, али царича ты?
Али князь еси ты, али кнеиня ты?
Али ты еси паленича да удалая?
Али ты хресьенина жона хресьеньская?»
Отвѣцало цюдо цюдное, диво дивное:
«Я не царь, да и не царича-вить,
Я не князь, да и не кнеиня же,
Я не паленича да, удалая,
Да не хресьенина жона я хресьеньская;
А я вить есь смерть, да смерть престрашная.»
Становилсе тутъ Оника противу цюда цюднаго,

Говорить Оника-воинъ таковы слова:

«Я вить тебя, цюдо, конемъ стопцю,

Да я вить тебя, цюдо, копьемъ сколю.»

Отвѣцало цюдо цюдное, диво дивное:

«Были богатыри-то славнѣ тебя:

Быль Самсовъ богатырь—тотъ славнѣ тебя;

Быль Полканъ богатырь—тотъ славнѣ тебя,—

И тѣ сдалисе вить, склонилисе,

Подъ мою вить руку приклонилисе,

Да и тобѣ, Оника, быть подъ моей рукой!»

А втогда Оника подѣ конемъ лежить,

А цюдо на Оникѣ наверху сидить.

Какъ просилъ Оника у цюда цюднаго

Времени только на три годы,

Штобы ему имѣнье-богатесьво

По пустынямъ и монастырямъ развозить.

Отвѣцало цюдо цюдное, диво дивное:

«Да не дамъ я те строку на три годы:

У тебя вить имѣнье несправедно,

Да твоей души польза не буде.»

Какъ просилъ Оника у цюда цюднаго времени

Только на три мѣсеца,

Штобы ему имѣнье-богатесьво

По пустынямъ и монастырямъ развозить.

И спасти ему душа грѣшная.

Отвѣцало цюдо цюдное, диво дивное:

«Да не дамъ я те строку на три мѣсеца:

У тебя вить имѣнье несправедно,

Да твоей души польза не буде.»

Какъ просилъ Оника у цюда цюднаго
Только стрѣку на три цяса,
Штобы ему имѣнье-богатесьво
По пустынямъ и монастырямъ развозить,
Да спасти ему душа, душа грѣшная.
Тутъ цюдо опять отговаривало:
«Да не дамъ я те стрѣку и на три цяса:
Вить твое-то имѣнье несправедно,
Да твоей души польза не буде!»
Тутова Оника и преставилсе,
Тутова Оники и славы поють,
Славы поють, да и Дунай поють,
Поють Дунай, да и впередъ не знай.

Получено отъ акад. Срезневскаго.

ПРО АНИКУ-ВОИНА.

Жилъ на землѣ храбрые челоувѣкъ Аника-воинъ.
Много Аника по землѣ походилъ,
и много Аника войны повоевалъ,
и много Аника городовъ раззорялъ;
много Аника церквей растворивши,
и много Аника ликъ Божіихъ поругавши;
и много Аника святыя иконы переколовши;
много Аника христіанскія вѣры облатынилъ.
Добирается Аника до начальнова граду Ерусалиму;
и хочетъ Аника начальной градъ Ерусалимъ раззо-
рети,

и соборную церкву растворити;
и хочеть ликъ Божій поругати,
и святыя иконы хочеть переколоти,—
и гдѣ на воздѣхъ гробница пребывала,
гдѣ демьянъ-ладанъ изъ кадила вонъ не выходитъ,
и гдѣ горять свѣчи неугасимы.

И поѣхалъ Аника домою,
садился Аника на дѣброва коня,
и поѣхалъ Аника въ чистое поле погуляти,
начальной градъ Ерусалимъ раззоряти.
До половины пути начальнова граду Ерусалима не
доѣхалъ:

при пути, при дороги
Аники же чудо объявилось:
у чуда ноги лошадины,
у чуда тѣлово звѣрино,
у чуда буйна глава человѣчья;
на буйной главѣ власы до споясу.

На то же Аника удивилса,
и тому же Аника разсмѣхнулса.
«Скажи ты мнѣ, чудо, проповѣдай:

царь ли ты, царевичъ, король ли ты, королевичъ,
али ты русская, могучая удалая поленица?»

Аникъ же смерть проглаголила:

«Ты, храбрые человѣкъ Аника-воинъ,
я ни царь, ни царевичъ, ни король, королевичъ,
я и не русская могучая удалая поленица:
я—гордая смерть сотворѣнна,
отъ Господа Бога поущѣнна

Сборникъ.

по тѣю, по Аникину, душу.

Хочу тебя, Аника, искусити (искосити),

на мать на сырую землю поразити.»

Аника на то же удивился,

Аника тому же разсмѣхнулся.

«Я прежде про смерть слыхомъ не слыхалъ

и видѣмъ не видѣлъ;

а теперя я предъ собою ее вижу.

Сказали мнѣ про смерть,—

Страшна, грозна и непомѣрна:

я этою смерти не боюся,

на главу палицу боѣвую воздыму,

и тебя, смерть, я ушибу,

и на мать на сырую землю поражу.»

И Аникѣ же смерть проглаголела:

«Ты, храбрые человекъ Аника-воинъ!

Жилъ на землѣ сильной могучой Святигоръ-богатырь;

жилъ на землѣ сильной могучей Молоферъ-богатырь;

жилъ на землѣ сильной могучой и Самсонъ-богатырь:

и тѣ мнѣ, смерти, покорилися,

и тѣ мнѣ, смерти, поклонилися;

а ты же, храбрые человекъ Аника-воинъ,

и не хошь ты мнѣ, смерти, покоритися,

и не хошь ты мнѣ, смерти, поклонитися.»

Аника на то же не взираетъ,

и палицу боѣвую на главу воздымаетъ;

и хочетъ смерть ушибити,

на мать на сырую землю поразити:

и смерть вынимала пилы неувидимы,

и подпилила у Аники въ рукахъ и въ нозяхъ ста-
новныя жилы.

У Аники въ стремянахъ рѣзвыя нозе подогнулись,

у Аники бѣлыя руцы опустились,

у Аники бѣло лицо помрачилось,

у Аники очи ясныя помутились,

Аники буйна глава долой съ плечъ покатилаь,

и яко пьяныя Аника на конѣ зашаталса.

Упалъ же храбрые человекъ Аника-воинъ,

на мать на сырую землю;

плачетъ, рыдаетъ храбрые человекъ Аника-воинъ;

онъ смерть матерью родною называить:

«Ты, гордая мать сотворѣнна,

отъ Господа Бога попущенна!

Дай ты мнѣ вѣку на двадцать лѣтъ,

и домю дай уѣхать:

я поѣду въ домъ-отъ свой, побываю,

и много въ дому у меня житья-бытья,

много злата и сѣребра:

я расточу свою казну

по церквамъ, по монастырямъ,

и по нищсе братіе.

Хочу своей душѣ пользы получитьи

на второмъ суду, на пришествіи.»

Аникъ же смерть проглаголела:

«Ты, храбрые человекъ Аника-воинъ!

Твоя казна не трудовая,

твоя казна пороховая,

и Святъ Духъ дохнѣтъ,—

*

твоя казна прахомъ пройдетъ , провалится ,
и не будетъ твоей душѣ пользы
и на второмъ суду , на пришествіи .»

Плачетъ , рыдаетъ храбрые человѣкъ Аника-воинъ ;
онъ смерть матерью родною называетъ :

«Ты , гордая мать сотворѣнна ,
отъ Господа Бога попущенна!
Дай ты мнѣ вѣку на десять лѣтъ ,
домою дай уѣхать .

Я поѣду въ домъ-отъ свой , побываю :
у меня въ дому много житья-бытья ,
много злата и сѣребра ;
я съ тобою бы казной подѣлился —
что тебѣ надобно , то съ меня возми .»

Аникѣ же смерть проглаголела :

«Ты , храбрые человѣкъ Аника-воинъ !
мрутъ на землѣ цари и царевичи ,
мрутъ на землѣ короли и королевичи ,
мрутъ на землѣ сильны и богаты ,
и всѣ православные христіани ;
и тѣ бы мнѣ казной подѣлялись :

ко бы мнѣ со всякова человѣка казны брати ,
была-бы у меня гора золотая наложена
Отъ востоку сонцу и до западу .»

Плачетъ , рыдаетъ храбрые человѣкъ Аника-воинъ ;
онъ смерть матерью родною называетъ :

«Ты , гордая мать сотворѣнна ,
отъ Господа Бога попущенна !
Дай ты мнѣ вѣку на три года ,

домю дай уѣхать.

Я поѣду въ свой-отъ домъ, побываю:
у меня въ дому житья-бытья много,
много злата и сѣребра;
я сооронилъ бы тебѣ соборную церкву,
я сплещу твой ликъ на икону,
и поставлю твой ликъ въ Божію церкву на престолѣ;
и стануть къ тебѣ сѣзжатса цари и царевичи,
короли и королевичи,
сильные и богатые,
и всѣ православные христіани;
стануть на тея Богу молитса,
и стануть и теѣ мѣсны молебны служити,
частой канунъ говорити,
и стануть тея украшати
каменьями драгоцѣнными.»

Аникѣ смерть же проглаголела:

«Ты, храбрые человекъ Аника-воинъ!

Неможно мнѣ строить соборную церковь,
не можно мой ликъ писать на иконахъ,
не можно мнѣ стоять во Божьей церкви на престолѣ
и не можно на меня Богу молитца,
не можно мнѣ мѣсны молебны служити,
частой канунъ говорити,
и не можно меня украшати
каменьями драгоцѣнными.»

Плачетъ, рыдаетъ храбрые человекъ Аника-воинъ;
онъ смерть матерью родною называетъ:

«Ты, гордая мать сотворѣнна,

отъ Господа Бога попущённа!
Дай ты мнѣ вѣку на единый часъ, на единую минуту.
Я поѣду въ домъ-отъ свой, побываю,
у меня въ домѣ есь отецъ и мать:
есь и малыя дѣти,
есь молодая жена,
есь и сродники и пріятели;
я съ отцомъ бы, со матерью простилса,
и попросилъ бы великое благословенье,
и благословилъ бы я своихъ малыхъ дѣтокъ,
и простилса бы съ своей молодой женой,
и съ сродниками, и съ пріятелями.»
Аникъ смерть же проглаголеа:
«Ты, храбрые челоувѣкъ Аника-воинъ!
Нѣтъ у меня, у смерти, не отца и не матери,
нѣтъ и малыхъ дѣтокъ,
нѣту и молодой жены,
нѣтъ ни сродниковъ, ни пріятелѣвъ.
Меня Господь возлюбилъ,
и по землѣ попустилъ:
я всякова раба вознимаю,
я всякова раба воскушаю;
я гдѣ раба застигаю,
я тутъ раба воскушаю:
хоть во чистымъ полѣ,
хоть на синѣмъ морѣ,
хоть въ тѣмнымъ лѣсѣ,
хоть при пути, при дороги:
я тутъ раба и воскушаю;

гдѣ тужутъ, плачутъ,—
тутъ мнѣ смерти и прѣзникъ.»
Сослалъ Господь по Аникину душу
двухъ ангеловъ, двухъ архангеловъ;
и вынули Аникину душу
сквозь рѣберъ, костей,
и нечѣсно, не хвально, и не радушно;
посадили Аникину душу на копѣе.
и вознесли Аникину душу вельмы высоко,
и возрынули Аникину душу во тьму глыбоко,
въ муку вѣчную, во плящай огонь.
Славенъ Господи, Богъ прославилса,
и велика его милость Господня.

Отъ ак. И. И. Срезневскаго

СТИХЪ ПРО УДАЧУ-ДОБРАГО-МОЛОДЦА.

(ПО ДВУМЪ ВАРИАНТАМЪ.)

I.

Какъ были жары жаркіе;
Со тѣхъ жаровъ, со жаркіевъ
Заходили тучи грозныя,
Выпадали дожди дробные,
Протекала рѣчышка Смородушка.
На той на рѣчышкѣ на Смородушкѣ
Тамъ былъ мостичекъ калиновой.

За той за рѣчкой за Смородовкой —
Тамъ жила-была молода вдова.
У вдовушки у сиротушки
Былъ одинъ сынокъ добрый молодецъ.
Онъ по мостичку похаживалъ,
По калиновому самъ погуливалъ.
Онъ самъ себя выхвалявалъ:
«Нѣту ни росту, ни пригоству,
«Нѣту молодцу горюшка и кручинушки.»
Гдѣ ни взялося къ ему горюшко
Съ-подъ бѣлаго съ-подъ камешка,
Съ-подъ ракитоваго съ-подъ кустышка.
Во отопочкахъ идетъ горе подобувши,
Мочаленой подпояхавши.
Молодецъ отъ горя въ старцы пошелъ,—
За имъ горе съ шалгуномъ идетъ, и костылекъ несетъ:
«Ты постой, удача-добрый-молодецъ!
«Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;
«Горя горькаго вѣчно не смыкати.»
Молодецъ отъ горя во темны лѣса,—
За имъ горе съ топоромъ идетъ:
«Ты постой, удача-добрый-молодецъ!
«Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;
«Горя горькаго вѣчно не смыкати.»
Молодецъ отъ горя въ шелкову траву,—
За имъ горе со косою идетъ:
«Ты постой, удача-добрый-молодецъ!
«Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;
«Горя горькаго вѣчно не смыкати.»

Молодецъ отъ горя въ быстру рѣку,—

За имъ горе съ неводомъ идетъ:

«Ты стой, удача-добрый-молодецъ!

«Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;

«Горя горькаго вѣчно не смыкати.»

Молодецъ отъ горя во солдатушки,—

За имъ горе со ружьемъ идетъ и ранецъ несетъ:

«Ты стой, удача-добрый-молодецъ!

«Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;

«Горя горькаго вѣчно не смыкати.»

Молодецъ отъ горя во царевъ кабакъ,—

За имъ горе съ кошелькомъ бѣжить и грошамъ бря-
читьъ.

«Ты стой, удача-добрый-молодецъ!

«Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;

«Горя горькаго вѣчно не смыкати.»

Молодецъ отъ горя во застѣчекъ,—

За имъ горе со стаканчикомъ, со хрустальнымъ,

«Ты стой, удача-добрый-молодецъ!

«Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;

«Горя горькаго вѣчно не смыкати.»

Молодецъ отъ горя винца выкушалъ

И съ того винца во *хворобу* слегъ,—

За имъ горе въ головахъ сидитъ:

«Ты стой, удача-добрый-молодецъ!

«Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;

«Горя горькаго вѣчно не смыкати.»

Молодецъ отъ горя переставился,—

За имъ горе на погостъ идетъ и поповъ ведетъ,

И съ ладаномъ идетъ и кутью несётъ:
«Ты постой, удача-добрый-молодецъ!
«Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ;
«Горя горькаго вѣчно не смыкати.»
Молодецъ отъ горя во сырѹ землю,—
За имъ горе съ лопатамъ идетъ.
Передъ имъ горе низко кланяется:
«Ты спасибо, удача-добрый-молодецъ,
«Что носилъ горе, не кручинился и не печалился!»
Пошелъ молодецъ въ сырѹ землю,
А горюшко по бѣлѹ свѣтѹ
По вдовушкамъ и по сиротушкамъ,
И по бѣднымъ по головушкамъ.
Горю слава во вѣкъ не минуется.

Получено отъ ак. И. И. Срезневскаго.

Ср. съ стихомъ о горѣ-злосчастіи, пѣснями о горѣ, и помѣщен-
ной у Кири Данилова пѣсней: «Когда было молодцу...»

СТИХЪ ПРО УДАЧУ-ДОБРАГО-МОЛОДЦА.

(ПО ДВУМЪ ВАРИАНТАМЪ.)

II.

Напущалъ Господь Богъ на сырѹ землю
Жары жаркіе, тучи грозныя,
И со тыхъ со тучъ со грозныхъ
Какъ пошли дожди, дожди дробные;

Со тыхъ дождёвъ, да со дробныхъ
Протекла рѣка Смородыня.
Возлѣ той рѣки, возлѣ Смородыни
Тутъ жила-была молода вдова,
Да у этой у вдовы былъ единый сынъ,
Онъ единый сынъ, самъ любимый былъ.
Онъ по мостичку-сынъ похаживалъ,
Самъ себя онъ мѡлодецъ восхвалявалъ:
«Не бывать удачи-доброму-мѡлодцу
«Ни въ горюшкѣ, ни въ кручиннушкѣ,
«Ни въ нужды мнѣ небыть, ни въ печалюшкѣ.»
Со того слова съ мѡлодецкаго
Накасалоя, навязалоя
Къ ему горюшко, горе горькое,
Изъ-подъ мостичку горе, съ-подъ калиноваго,
Изъ-подъ кустышка, съ-подъ ракового,
Во отопочкахъ горе во лозовенькихъ,
Во оборочкахъ горе во мочальненькихъ.
Мочалой горе пріонутавши,
Оно лыкомъ горе опоясавши.
«Постой, удача-добрый-мѡлодецъ,
«Никуды отъ горюшка тебѣ не сбѣгати,
«Великаго горюшка не смыкати.»
Молодецъ отъ горюшка во чисто поле,—
А горе за нимъ со буйнымъ вѣтрамъ:
«Постой, удача-добрый-мѡлодецъ.
«Никуды отъ горюшка тебѣ не сбѣгати,
«Великаго горюшка не смыкати.»
Молодецъ отъ горюшка въ темны лѣса,—

А горе за нимъ съ топоромъ идетъ.

«Постой, удача-добрый-молодецъ!

«Никуды отъ горюшка тебѣ не сбѣгати,

«Великаго горюшка не смыкати.»

Молодецъ отъ горюшка въ ковыль-траву,—

А горе за нимъ съ кѣсой идетъ,

Оно съ кѣсой идетъ за нимъ со вострою:

«Постой, удача-добрый-молодецъ!

«Никуды отъ горюшка тебѣ не сбѣгати,

«Великаго горюшка не смыкати.»

Молодецъ отъ горюшка въ солдаты идетъ,—

А горе за нимъ ружье несетъ:

«Постой, удача-добрый-молодецъ!

«Никуды отъ горюшка тебѣ не сбѣгати,

«Великаго горюшка не смыкати.»

Молодецъ отъ горюшка въ постелю слегъ,—

А горе ему изголовье кладетъ,

Изголовье кладетъ и его одѣтъ:

«Постой, удача-добрый-молодецъ!

«Никуды отъ горюшка тебѣ не сбѣгати,

«Великаго горюшка не смыкати.»

Молодецъ отъ горюшка переставился,—

А горе у его въ головахъ стоитъ:

«Постой, удача-добрый-молодецъ!

«Никуды отъ горюшка тебѣ не сбѣгати,

«Великаго горюшка не смыкати.»

Молодецъ отъ горюшка въ Божью церкву,—

А горе за нимъ со свѣчей идетъ:

«Постой, удача-добрый-молодецъ!

«Никуды отъ горюшка тебѣ не сбѣгати,
«Великаго горюшка не смыкати.»
Молодца отъ горюшка хоронить несутъ,—
А горе за нмъ съ заступамъ идетъ,
Съ заступамъ идетъ и съ лопатами:
«Спасибо те, удача-добрый-молодецъ!
«Сносилъ горюшко ты ни въ печалюшкѣ,
«Ни въ печали ты и ни въ кручинушкѣ.

Отъ него же.

СТИХЪ О ПРЕКРАСНОМЪ ІОСИФѢ.

Блаженъ еси, Іакове,
Имѣлъ еси дванадесять сына
И меньшаго любилъ еси
Прекраснаго Іосифа.
Іосифъ еси, въ дому сѣдя,
Отчу старость утѣшаше;
Старѣйшая его братья
Въ долину овцы пасяше;
Іаковъ же Іосифа
Посла братью посѣтити.
Увидѣвши его братья
Приближающагося къ нимъ,
Нача на нь помышляти.
Како его въ ровъ вовреши бы.
Похватиша, яко волцы
Нежалостно ризу совлекоша.

Іосифъ же цѣлова ихъ,
Носяще миръ отъ отца.
Братя же его лукави
Зубы на него скрежетаху,
Хотяху жива пожрети
Прекраснаго Іосифа.
Іосифъ же, видя себя
Отъ братіи поругана,
Нача молитися братіи
Со слезами глаголаше:
«О братія любимая!
Что на мя руцѣ прострѣша?
Молюся всѣмъ вамъ, братіе!
Примите рыданіе мое,
Пустите меня отъ себе,
Да поиду ко Іакову,
Да возвѣщу ему о васъ,
Яко вси здрави есте.»
Здѣ похватиша его братія
И въ ровъ глубоко ввергоша.
Іосифъ же, въ ровъ сѣдя,
Слезы съ рыданьи испущаше
И плачяся глаголаше:
«Разлучихся отъ отца моего.
Отче, отче, Іакове!
Услыши гласъ плача моего
И болѣзнь сердцу моему.
Се нынѣ азъ въ ровъ вверженъ,
Желаю старость твою зрѣти,

Се нынѣ чаши
Мене къ себѣ скоро возвратитися;
Се нынѣ азъ въ ровѣ сѣдя
Горше мертведа погребенъ естъ.
Восплачися, Іакове,
О разлученіи моемъ отъ тебе.
Кто бы ми далъ голубицу
Вѣщающую бесѣдами ко отцу моему,
Да прилетѣвшу возвѣстити старости
Твоей слезы мои.
Уже бо не зриши мене
Утѣшающая старость твою,
Ни гласа моего слышиши
Глаголюща предъ тобою, отче мой!»
Братіе же его лукавіи
Совѣтъ себѣ сотвориша,
Како бы отцу сказать
О прекрасномъ Іосифѣ.
Козла въ стадѣ зарѣзаша
И ризу его окровавиша,
Понесоша ю ко отцу Іакову,
Глаголюще ему:
«Отче, отче, Іакове!
Сія риза брата нашего
Прекраснаго Іосифа;
Обрѣтохомъ ю на полѣ
Лежащу, окровавлену.»
Іаковъ же взять ризу его;
Слезами ризу обмывая, глаголя:

«Гдѣ ты, чадо, убіенъ бысть?
Да шедъ бы азъ плакался
Надъ твоею красотою.
Кому повѣмъ печаль свою?
Кого призову къ рыданію своему.
Увы мнѣ! увy мнѣ!
Сыне прекрасный мой, Іосифе!
Утроба моя мятется
Тебе ради сына моего.
Аще, чадо, убіенъ бысть,
Не бы твоя риза осталася.
Аще, чадо, звѣрь ты изъѣлъ,
Знати бы было на ризѣ
Хватаніе, торганіе
Лютаго звѣря зубнаго.»
Большая же его братія
Продаша купцемъ во Египетъ
Прекраснаго Іосифа,
И бысть царемъ во Египтѣ.
И богоугодно скончася.

Изъ Вѣжецкой рукописи XVIII ст., при-
надлежащей В. И. Гигоровичу.

ПЛАЧЬ ІОСИФА ПРЕКРАСНАГО.

Кому повѣмъ печаль мою,
Кого призову ко рыданію?
Токмо тебѣ, владыко мой,
Извѣстна тебѣ печаль моя,

Моему Творцу Создателю
И всѣхъ благихъ подателю!
Буду просить я милости
Отъ всей своей отъ крѣпости:
Кто бы мнѣ далъ источникъ слезъ!
Я плакалъ бы и день и ночь,
Рыдалъ бы я о грѣхахъ своихъ,
Проліялъ бы я слезы отъ очю,
Аки рѣки эдемскія,
Погасилъ бы я геенскій огонь.
Буду просить я милости
Отъ всей своей отъ крѣпости:
Кто бы мнѣ далъ голубицу,
Вѣщающую бесѣдами!
Послалъ бы я ко Іакову,
Отцу моему, Израилю.
«Отче, отче, Іакове святыи!»
Пролей слезы ко Господу
О своемъ сынѣ Іосифѣ.
Твоя дѣти, моя братія
Продали меня во иную землю
Злымъ купцамъ Агаряномъ,
Агаряномъ поганыемъ.»

Запис. въ Саратовѣ.

О МИХАИЛѢ АРХАНГЕЛѢ.

Еще зналъ бы человекъ житіе вѣку себѣ,
Своей бы силой поработалъ,

Равное свое житье-бытье бы пораздавалъ.
На нищую на братію на убогую.
Речеть Михаилъ Архангелъ,
Грозныхъ силъ воевода:
«Еще кто у насъ, братія,
У Христа есть во плоти?
У Христа есть во плоти свѣтъ Илья пророкъ,
Взошелъ онъ на гору на Сіонскую,
Указалъ онъ многимъ грѣшнымъ муку и рай,
Всякому человѣку мѣсто изготовлено,
Тѣмъ вораъ и разбойникамъ,
Блудникамъ и бражникамъ,
Еретникамъ, клеветникамъ, ненавистникамъ.
Течеть имъ рѣка огненная
Отъ востоку солнца до запада,
Пламя пышетъ отъ земли до небеси.
Праведные идутъ черезъ огненную рѣку,
Идутъ они ровно по-суху и ровно по-землѣ,
Огнемъ ихъ, пламенемъ лице не поѣжираетъ,
Поютъ они пѣсню херувимскую,
Еще поютъ серафимскую;
Гласы гласятъ все по-ангельскому,
Свѣтъ несутъ по-божественному,
Хвалятъ Христа-Царя Бога Небеснаго,
Надѣются на Спаса на пречистаго,
На Мать Божию, Богородицу,
Хвалу несутъ дѣти отцу-матери:
«Спасибо тебѣ, батюшка со матушкой!
Умѣли насъ вспоить-вскормить,

Умѣли на добрыя дѣла научить,
Призрили намъ царство небесное—рай.»
Грѣшныя рабы беззаконныя
Оставались за рѣкой за огненною,
Вопіяли во многіе разныя голоса:
«Свѣтъ нашъ Михаилъ Архангелъ,
Грозныхъ силъ воевода!
Переведи насъ черезъ огненную рѣку,
Возьми ты отъ насъ злата-серебра,
Мелкаго скатнаго жемчугу;
Пускай насъ во царство, во небесной рай.»
Речетъ имъ Михаилъ Архангелъ,
Грозныхъ силъ воевода:
«Вы гой еси многогрѣшныя, рабы беззаконныя.
Здѣсь судья вамъ не подеудливая,
Здѣсь судья вамъ съ Богомъ праведная.
Судъ судимъ мы по-праведному.
Дѣлаемъ повелѣнное;
Не беремъ ни злата, ни серебра,
Ни скатнаго мелкаго жемчугу,
А беремъ только души праведныя,
Отдаемъ во царство небесное
Къ святому Абрамѣю—отцу праведному.»
Речетъ Михаилъ Архангелъ,
Грозныхъ силъ воевода:
«Гой еси многогрѣшныя рабы, беззаконныя!
У васъ тамъ было на вольномъ на свѣтѣ,
У васъ были судьи немилосливыя,
Судъ судили не по-праведному,

Дѣлали не повелѣнное, —
Правого ставили въ виноватые,
Виноватаго ставили во правые;
Съ виноватаго брали злата-серебра,
Копили казну себѣ несчетную;
Ваша казна будетъ явиться
На второмъ на Христовомъ пришествіи.»
Пошли грѣшныя въ огнениу рѣку,
Они плачучи и возрыдаючи,
Въ тоскахъ тѣлеса свои обрываючи,
Къ сырой землѣ припадаючи.
Клянутъ-бранятъ дѣти отца съ матерью:
«Не спасибо вамъ, отецъ съ матерью!
Умѣли вы насъ породити,
И умѣли вспоить-вскормить,
Да не умѣли на добрыя дѣла научить, —
Призрили намъ муку превѣчную.»
Вопіяли грѣшныя
Во многіе разные гóлосы:
«Свѣтъ нашъ Михаилъ Архангелъ,
Грозныхъ силъ воевода!
Зачѣмъ мы на томъ свѣту родилися?
Зачѣмъ съ-измалѣшенка мы не померли?
На роду насъ родная мать зачѣмъ не рѣстонтала?
На бѣлый бы свѣтъ насъ не пускали.
Не слыхатъ бы намъ грѣшнымъ слова грознаго,
Не терпѣть бы муки превѣчная.»
Речетъ имъ Михаилъ Архангелъ,
Грозныхъ силъ воевода:

«Вы гой еси многогрѣшные рабы, беззаконные!
Топерь, рабы, вы росылакалися,
Топерь, рабы, вы воспокаялися.
Некогда вамъ, грѣшнымъ, душа спасти;
Некогда вамъ, грѣшнымъ, во рай войти.
У васъ—то было на вольномъ на свѣтѣ,
У васъ были церкви соборныя,
Во церквахъ были книги божественныя,
Во книгахъ было написано,
Написано и напечатано
Чѣмъ душа спасти, какъ во рай войти,
Душа спасти есть святымъ постомъ и молитвами,
Въ рай войти—честной милостиной,
Честной, не ожуренною (не укорительной);
При церквахъ попы были, священники,
Пастыри ваши поучители.
Для чего поповъ—отцевъ не слушались,
Ко Божьей церкви не прихаживали,
Страху Господня не послушивали,
Писанію Божію не вѣровали,
Раннія заутрени просыпывали,
Священныя обѣдни прогуливали,
За смиренною вечернею не ставали,
Со слезами Богу не маливались,
Земныхъ поклоновъ не кладывали
Отъ бѣлаго лица до сырой земли.»
Речетъ имъ Михаилъ Архангелъ,
Грозныхъ силъ воевода:
«Вы гой еси многогрѣшные рабы, беззаконные!

Пожили вы вѣки долги,
Своимъ душамъ добра не дѣлавали,
Не имѣли вы ни среды, ни пятницы,
Ни того воскресенья тридневнаго,
Ни тѣхъ годовыхъ честныхъ праздниковъ.
Не тѣ ли грѣхи ваши объявляются,
Огненна рѣка къ вамъ приближается —
Палить лице многогрѣшное,
Палить лице огнемъ-пламенемъ.»
Михаилу Архангелу Ангелу славу поемъ.
Во вѣкъ ему слава не минуется. Аминь.

Зап. въ Нолинскѣ, Вятской губерніи.

О ДУШѢ ГРѢШНОЙ.

Жила душа грѣшная на вольномъ свѣту,
Бранилася, корилася,
Умерла душа — не простилася.
Сослалъ Господь по тоѣ душу грѣшную
Двухъ ангеловъ-архангеловъ;
Понесли во муку вѣчную
Мимо раю пресвѣтлаго,
Мимо царствія небеснаго.
Речетъ самъ Господь Іисусъ Христось:
«Что, душа грѣшная, ко мнѣ во рай не зашла?
У меня въ раю птицы райскіе
Поютъ стихи херувимскіе;
Ангелы — архангелы

Веселятъ души праведныхъ;
Стоять древа кипарисовы.»
Не роскайлась душа грѣшная,
Опустили въ муку вѣчную;
Ходила душа грѣшная
Тридцать лѣтъ и три года,
Не нашла себѣ пристанища,
Не ложечки воды, не капельки росы;
Тутъ душа грѣшная воспокаялась:
«Легче бы я жила на вольномъ свѣтѣ
Тридцать лѣтъ и три года;
Носила бы камни великіе,
Пески неусыпные,
За свое великое прегрѣшеніе!»

Зап. въ Казани отъ нищаго старика изъ
подгородняго села Алексѣевска.

О ДУШѢ ГРѢШНОЙ.

Жила душа грѣшная на вольномъ свѣтѣ,
Бранилася, да не простилася.
Сослалъ Господь по душу грѣшную двухъ ангелей:
Взяли душу грѣшную,
Понесли по воздуху небесному.
Принесли душу къ Божіей лѣстницѣ.
Ступала душа грѣшная на первую ступень,—
Пятьдесятъ бѣсей возрадовались, сами къ ней бѣгутъ

Грѣхи раскатываютъ и рассказываютъ:

«Постой, говорятъ, душа грѣшная:

Ты наша сродница;

Ты нашу волю творила,

Бранилася, да не простилася.»

**Повелѣлъ Господь связать душу грѣшную по руцѣ и
по ногѣ.**

Бросили душу грѣшную во тьму во кромѣшную.

Ходила душа грѣшная во тьмѣ во кромѣшной,

И не нашла душа грѣшная себѣ пристанища,

Ни ложки воды, ни капли росы.

«Не чѣмъ мнѣ, душѣ грѣшной, уста промочить;

У — горе мнѣ! у — горе мнѣ!

Лучше бы я, душа грѣшная, жила на бѣломъ свѣтѣ!

Лучше мнѣ тридцать лѣтъ камень носить

Али пятьдесятъ лѣтъ щекой на колу провисѣть,

Али мнѣ, душѣ грѣшной, сто лѣтъ въ огнѣ прогорѣть,

Не въ здѣшней бы мнѣ мукѣ маяться единый часъ!»

Отъ ак. Срезневскаго.

СТИХЪ О ГРѢШНОЙ ДУШѢ.

По морю по синему по Хвалынскому

Тутъ ишли, пробѣгали черезъ корабли;

Во этихъ карабляхъ святыя ангелы сидятъ;

На встрѣчу имъ самъ Іисусъ Христосъ,

Самъ Небесный Царь.

Сталь онъ въ (у) ангелахъ (ловъ) выпрашивать и
вышнывать:

«Святые ангели, архангели, гдѣ вы хаживали, гдѣ гу-
ливали,

«Что слышивали, что виживали?»

— Самъ Иисусъ Христосъ, самъ Небесный Царь!

Мы хаживали на вольномъ на свѣту,

Много слышали, много видѣли,

Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася,

Разставши душа сама прочь пошла,

И отошедши душа взворотилася,

Со своимъ съ бѣлымъ тѣломъ попросилася:

«Ты прости, мое тѣло бѣлое,

Прости беззаконіе мое!

Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,

Червамъ, тѣло, на источеніе;

Вы, кости, земли на преданіе,

А я, душа, къ самому Христу на спокойіе.»

На стрѣчу души самъ Иисусъ Христосъ:

— «Почаму же ты, душа, грѣхи угадываешь?»

«Потому я, душа, грѣхи угадываю,

Что жила я на вольномъ на свѣту.

Еще душа Богу согрѣшила:

Изъ коровушекъ молоки я выкликивала,

Во сырое коренье я выдаивала.

Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася.

Еще душа Богу согрѣшила:

Смалешеньку дитя своего проклинывала,

Во бѣлыхъ во грудяхъ его засыпывала,
Въ утробы младенца запарчивала.
Въ этихъ во грѣхахъ Богу не каялася.
Еще душа Богу согрѣшила:
Мужа съ женой я поразваживала,
Золотые вѣнцы поразлучивала.
Въ этихъ во грѣхахъ Богу не каялася.
Еще душа Богу согрѣшила:
По улицамъ душа много хаживала,
По подѣконью душа много слупчивала:
Хоть не слышала, скажу — слышала,
Хоть не видѣла, скажу — видѣла.
Въ этихъ грѣхахъ Богу не каялася.
Еще душа Богу согрѣшила:
Середы и пятницы не пащивалась,
Великаго говлѣнія не гавливалася,
Зоутрени, вечерни просыпывала я,
Въ воскресный день обѣдни прогуливала.
Въ полюшкахъ душа много хаживала,
Не по-праведну землю роздѣливала:
Я межу черезъ межу перекладывала,
Съ чужой нивы земли украдывала.
Въ этихъ во грѣхахъ Богу не каялася,
И отцу духовному не сказывала;
Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
Еще душа Богу согрѣшила:
Не по-праведну покосы я роздѣливала,
Вѣшку за вѣшку позатаркивала,
Чужую полосу позакашивала.

Въ этихъ во грѣсахъ Богу не каюлася,
Отцу духовному и проч.

Еще душа Богу согрѣшила:

Въ соломахъ я заломы заламывала,
Со всякого хлѣба споръ отнимывала.

Въ этихъ во грѣсахъ.

Еще душа Богу согрѣшила:

Я во поляхъ, душа, много хаживала,
Проворы во поляхъ пораскладывала,
Скотину въ поле понапущивала,
И добрыхъ людей оголаживала.

Въ этихъ во грѣсахъ.

Еще душа Богу согрѣшила:

По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьями обрачивала.

Въ этихъ во грѣсахъ.

Еще душа Богу согрѣшила:

По игрищамъ душа много хаживала,
Подъ всякія игры много плясывала,
Самого сотану воспотѣшивала,

Въ этихъ во грѣсахъ.

Еще душа Богу согрѣшила:

Напилася душа зеленаго вина,
Отъ зеленаго вина душа пьяна была.»
Померла эта душа безъ покаянія,
Безъ того ли безъ пона безъ духовнаго.
Провалилася душа въ преиснодній адъ;
Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться

•

За свое великое согрѣшеніе,

За свое великое беззаконіе.

Отъ ак. Н. Н. Срезневскаго.

Сравни белорусскій стихъ о томъ же. У Кар. XXIV, XXVII.

ПРО МИХАЙЛА АРХАНЪДЕЛА

1.

Ужъ ты выйди, целовѣце, на Сіонъ на горѣ,
Посмотри, целовѣце, на мать сыру землю, —
Ише цимъ земля да изукрашенная,
Ише цимъ земля да изнаполненная,
Ише цимъ земля да изнакацѣнная?
Изукрашена земля да Божьима церквами,
Изнаполнена земля да Божьей милосью,
Изнакацѣна земля да скатнымъ женьцюгомъ.
Протекала тутъ рѣка, рѣка огненная,
Какъ по той-тамъ рѣки, рѣки огненныя,
Да тутъ ѣздитъ Михайло Арханъдель царь,
Перевозить онъ души, души праведныя,
Перезъ огненну рѣку ко пресвѣтлому раю,
Ко пресвѣтлому раю да ко пресолнысьнему,
Да къ Овраму, къ Исаку, къ Іакову въ рай,
Къ самому Христу, Царю Небесному.
А гласы-ты гласятъ, вить, все Андельскіе,
А пѣсни-те поють да Херавиньскіе.

А какъ грѣшны-ты души остаются,
Ужъ грѣшныя-те души да расплачутся:
«Ужъ ты ой еси, Михайло Архангелъ царь!
Ужъ ты што насъ не перевозилишь черезъ огненну
рѣку,

Черезъ огненну рѣку да ко пресвѣтлому раю,
Ко пресвѣтлому раю да ко пресолнысьному,
Да ко Овраму, къ Исаку, къ Іакову въ рай?»
А спроговорить Михайло Архангелъ царь:

— «Ужъ вы, души, вы, души грѣшныя!

Ужъ какъ жили вы, были на вольномъ свѣту,
Ницего, вить, вы добраго не дѣлывали,
Ни середи, ни петничи не требовали,
Ни Христова Воскресенья не праздновали,
Въ Божьи вы церкви не хаживали,
Вольнаго прицѣсья не принимывали,
Нишшихъ, убогихъ не поили, не кормили,
Ногихъ и босыхъ не одѣвали,
И во пути сѣдящихъ не посящали,
А во гроби умершихъ не провожали.

Вы бредите-тко, души грѣшны, черезъ огненну
рѣку!»

Побрели какъ души грѣшны черезъ огненну рѣку,—

Тѣла-те у ихъ да спалеются,

А власы-те на главахъ да загорѣются.

Покидались побрасались на мать сыру землю:

«А на што вы насъ, отецъ да мать, породили?

А пошто мы во младеньсьви да не умерли?»

2.

Взойди, целовѣце, на Сіонъ горѹ,
Посмотри, целовѣце, на мать сырѹ землю,
Цимъ мати земля да изукрашенная,
Цимъ мати сыра да изнаполненная?
Изукрашена земля Божьима церквами,
Божьима церквами, сонъчемъ праведнымъ.
Изнаполнена сыра да беззаконниками.
Протекала тутъ рѣка, да рѣка огненна,
Отъ истока рѣка да и до запада,
Отъ запада рѣка да и до сивера.
По той-ли по рѣки да по огненной
Ише ѣздитъ Михайло Архангелъ свѣтъ,
Перевозитъ онъ души, души праведныхъ.
Праведныя души, души радуются,
Пѣснь-ту поютъ Херавиньскую,
Гласы-те гласятъ Серафиньскіе.
А вить, грѣшныя-ты души остаются.
Какъ спроговорятъ души, души грѣшныя:
«Ужъ ты ой еси, Михайло Архангелъ свѣтъ!
Перевези ты насъ черезъ огненну рѣку,
Черезъ огненну рѣку да ко пресвѣтлому раю,
Ко Овраму, къ Исаку, ко Якову въ рай!
Хочитсе намъ видѣть самого Христа,
Самого Христа, Царя Небеснаго.»
Какъ спроговоритъ Михайло Архангелъ свѣтъ:
«Ужъ вы ой еси, души, души грѣшныя!
Жили вы, были на вольномъ на свѣтѹ,—

Вы ни сѣреды, ни петвичи не требовали,
Да ни Свѣтлаго Христова Воскресеньица,
Поздо говѣнье все ложью считали,
Въ Божью церкву не хаживали,
Христовскаго пѣтя вы не слушивали,
Тайной Господней не пріймывали,—
Вы бредите-тко, души, черезъ огненну рѣку,
Черезъ огненну рѣку да ко пресвѣтлomu раю,
Да къ Овраму, къ Исаку, ко Якову въ рай,
Увидите вы тамъ да самого Христа,
Самого Христа, Царя Небеснаго!»
Побрели-то какъ души, души грѣшныя
Черезъ огненну рѣку да ко пресвѣтлomu раю,—
Тѣлеса-та у нихъ стали обжигатисе,
Волоса-та на ихъ стали загорятисе.
Бросились души о мать сыру землю,
Тутъ же душиньки росплакалисе:
«Пѣшто же отецъ — мать, насъ спорѣдили?
На доброе-то дѣло насъ не учили?
Поцему мы младѣнеми не умерли?»

Оба стиха отъ ак. И. И. Срезневскаго.

СТИХЪ БОГОРОДИЦѢ.

Чудная Царице, Богородице!
Услыши молитву рабъ своихъ,
Пріими наши слезы горячія,
Не лиши насъ царства небеснаго,
Избави насъ муки вѣчныя!

Земля еси, земля, сыра матерая,
Да всѣмъ еси намъ грѣшнымъ земля отецъ и мать;
Гроби есте, гроби, колоды дубовыя,
Всѣмъ намъ еси (есте) гроби домовища превѣчныя!
Черви еси, черви неусыпающая,
Всякому еси человѣку встрѣча первая!
Муки еси, муки вѣчныя,
Не мене ради муки сотворены естъ,
Сотворены муки сотоны ради діаволя.
Сего ли себѣ. человѣче, не разсудиши:
Жити долго, умерети же,
Великому богатству остатися,
Не защита отъ смерти богатство,
Не замѣна отъ смерти други сердечныя,
Ни слезами отъ смерти не отплакаться,
Ни моленіемъ отъ смерти не отмолитися,
Время тебѣ, человѣче, покаятися,
Призвати отца духовнаго
И вся своя злая дѣла исповѣдати,
Воззрѣти на образъ Создательевъ,
Просити отпущенія своимъ злымъ грѣхомъ.
Создатель человѣколюбецъ, Богъ милостивъ —
Пріиметъ наше рыданіе слезное,
Покрыетъ грѣховъ множество,
Избавитъ муки вѣчныя.
Аще ли хочеши получитьи царство небесное,
Отрекися міра прелестнаго
И иди въ пустыню дальнюю,
Постригися въ ризу черную,

Призывай Бога на помощь
Аще ли хочеши претерпѣти до конца,
Наслѣдникъ будеши царствія небеснаго.
Не лжетъ божественное Писаніе:
На семь свѣтъ не долго намъ жити,
Долго будетъ во вѣки мучиться.
Уже животъ твой, человѣче, скончается,
Душа съ бѣлымъ тѣломъ розстается,
Ясныя очи затворяются,
Составы съ костями раступаются,
Умъ съ головою прощается,
Лѣпота лицу премѣняется,
Любимые други оставляются,
День къ вечеру приближается,
Солнце идетъ къ западу,
Сѣкира лежитъ при корени.
Уже время торгу содѣвается,
И купля людемъ минуется,
А граду врата затворяются,
Приходятъ времена послѣдняя,
Нашему житію конецъ приближается.
Горе человѣку умерети не покаявшуся!
Придетъ смерть безъ милости
И возмутъ душу изъ тѣла ангели немилостивіи,
И пронесутъ мытарства лютая многая,
И потомъ покажутъ муки лютыя,
И потомъ покажутъ царство небесное,
А праведнымъ радость и веселіе неизреченное,
А грѣшнымъ плачь и рыданіе неутѣшимое,

И, показавъ муки, посадятъ въ мѣста темная
До страшнаго суда и до втораго Христова пришествія.
А въ послѣднее время будетъ антихристово при-
шествіе,

И съ нимъ будутъ злые его мучители,
Ангели, бѣси темные,
И будетъ его царства на три годы,
И велитъ сотона антихристъ сотворити по воли своей.
Тогда наполнится земля беззаконія всякаго,
И снидутъ пророци Божіи,
И учнутъ христіаномъ глаголати,
Чтобъ не вѣровали антихристову ученію,
И обличати его злое ученіе и ухищреніе,
И познають вси, яко антихристъ сынъ пагубный,
И тогда приступятъ бѣси темные
И побіють пророковъ Божіихъ,
И послѣ убіенія пророческаго
Повелѣніе Божіе—загорится вся земля,
И выгоритъ въ глубину на шестьдесятъ локтей
За наше великое беззаконіе.
прости и пощади, Христе Боже,
Православный родъ христіанскій
Моленіемъ Пречистыя Матере
И всѣхъ святыхъ небесныхъ силъ и праведныхъ.

Изъ Бѣжецкой рукописи В. И. Григоровича. Ср. текстъ напеч.
въ Ръчи пр. Буслаева по рук. Сян. Библ. XVII в.

СТИХЪ БОГОРОДИЦЪ.

Чудная Царица, Богородица!
Прими молитву души рабъ твоихъ!
Увидь наше рыданіе слезное!
Не лиши насъ царства небеснаго!
Чтобы намъ, грѣшнымъ, во вѣки не мучиться!
Земля, земля, мати сырая!
Всякому человѣку земля — отецъ и мать;
Гробы-колоды — всякому человѣку домовище пре-
вѣчное,
До страшнаго суда Божія!
Черви вы, черви не высыкающіе —
Всякому человѣку встрѣча первая!
Злая мука превѣчная! Не ради насъ мука сотворена:
Сотворена мука сатанѣ со дьяволами,
Того ради человѣка многогрѣшнаго.
Что ты живешь, человѣче, на вольномъ свѣтѣ,
Что ты человѣче, не разсудишь себя?
Пора бы тебѣ, человѣче, спокаятися,
На истинную путь бы возвратити себя!
Что твое дружье, братья сердечныя,
Что твое житье и богатство,
Что твое злато и серебро?
Братья сердечные не помогутъ тебѣ;
Житьемъ-бытьемъ отъ смерти — не защитишь себя;
Златомъ, серебромъ отъ смерти не откупишь себя.
Возьмутъ душу твою ангелы безъ милости;

Понесутъ ее по мукамъ по разнымъ, по мытарствамъ
различнымъ;
Посадятъ душу твою въ темную темницу.

Пол. отъ ак. Срезневскаго.

О ПОКОЯНІИ.

Душа-ль моя, душа грѣшная!
Не пора ли тебѣ возвратитися,
Докалѣ намъ терпитъ Небесный Царь,
Докалѣ насъ не свелъ живыхъ во адъ?
Воспокайтесь вы, души грѣшныя!
Господній престолъ съ небесъ снимается,
На святую землю постановляется,
Воску яраго свѣчи затеплятся,
Евангельскія книги открываются,
Всѣ тайныя наши грѣхи являются.
Не есть во плоти моленіе.
Не будетъ въ смерти покоянія.

Зап. въ Казани, отъ Кораблева.

ПЛАЧЪ ДУШИ.

Да восплачется душа моя грѣшная,
Да востужится тѣло грѣшное
Передъ Спасовымъ образомъ,
Передъ Матушкой Владычицей,

Ай увы горе душѣ моей!
Еще какъ мнѣ на тотъ свѣтъ притти,
На второе на Христовое на пришествіе?
Не помогутъ душѣ моей
Ни отецъ, ни мать и не сродники,
Ни дружья-братья сердешные,
И ни злато, ни сѣребро;
Помогутъ душѣ моей
Поклоны полувѣшныя,
Тихомирная святая милостыня.
Тѣмъ наслѣдуетъ душа грѣшная
Себѣ царствіе небесное.

Тамъ же записано.

ЧТО НУЖНО ДЛЯ ДУШИ?

Да расплачитсе душа моя,
Да ростужится грѣшная
Передъ Спасовымъ образомъ,
Передъ Христовымъ пришествіемъ.
Не поможетъ души моей
Ни имѣнье, богатесьво;
Не поможетъ души моей
Ни дружіе, ни братіе;
Не поможетъ души моей
Ни гордось, высокоуміе:
Какъ поможетъ души моей

Тѣхъ плацъ, покаёніе,
Да поклоны всеносыные,
Да тихомирная милѣстныя,—
Введетъ въ царство небесное,
Въ житіе вѣковѣсное.

Отъ ак. Срезневскаго.

О СПАСЕНІИ ДУШИ.

Да проречетъ намъ истинный Христосъ:

«Чада вы мои любезные!

Заповѣдаю я васъ своей Господней заповѣдью:

Поимѣйте вы мою страшную недѣлю,

Среду и пятницу,

Отъ великаго четверга вплоть до Свѣтлаго Христова
Воскресенія.

Чада вы мои любезные!

Что вы слезно плачете,

Горько рыдаете,

На страшной судъ помышляете?»

—«Намъ страшный судъ готовится,

Послѣднее время приближается.»

«Охъ чада вы мои любезные!

Попоститесь вы, помолитесь

Для своей души спасенія.

Поимѣйте вы въ недѣлю среду и пятницу,

Трехдѣнное Христово Воскресеніе!»

Зап. въ Казани.

О СТРАШНОМЪ СУДѢ.

Речеитъ къ намъ истинный Христосъ:

«Чады мое любезные!

Что вы все горько плачете,—

Али на страшень судъ помышляти!

Чады мое любезные!»

—«Послѣднее время къ намъ приближается,

Страшенъ судъ къ намъ готовится.»

«Чады мое любезные!

Поимѣйи вы другъ друга,

Почтити вы братъ брата своего,

Отца и мать свою;

Почтити въ недѣлѣ три дня: среду и пятницу,

Трехдневное воскресеніе.

Чады мое любезные!

Почтите мой великой постъ

Со первою недѣли со Федоровской
До Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Чады мое любезныя!

Попоститися, помолитися

Исповѣдайтесь и причаститесь,

Сквернымъ словомъ не бранитесь.

Если единожды въ день мужецкій полкъ избранится,

То не должно съ нимъ по три дни не пити и не ясти

Не вкушъ Богу молитися;

Если женскій полкъ единожды въ день избранится,

Престолъ Господень съ мѣста подвигантса,

Пресвятая Госпоже Богородице вострепешнитса,
Ждетъ къ себѣ многогрѣшныхъ на покаяніе.

Отъ ак. И. И. Срезневскаго.

ПЛАЧЪ ДУШИ.

Вечоръ я со другомъ сидѣла,
Поутру мое тѣло водой моютъ,
Водой моютъ во гробъ кладутъ,
Мою душу на судъ ведутъ —
Мимо раю пресвѣтлаго,
Мимо царства небеснаго.
Плачетъ душа грѣшная,
Плачетъ она рыдаючи:
«Охъ, горе мнѣ великое!
Не завѣдала я царства небеснаго,
Завѣдала я ада кромѣшнаго.
Жила я была на вольномъ свѣтѣ,
Отца и мать не почитала,
Христа Бога роздражала,
Сотону я спотѣшала.
Охъ, горе мнѣ великое!
Завѣдала я себѣ ада кромѣшнаго,
Запустили меня — душу, душу грѣшную,
Во тьму глубокую, во пляшій огонь.»

Зап. въ Казани.

**КАКОГО ТЯЖКАГО ГРѢХА ЗЕМЛЯ НЕ МОЖЕТЪ
ПРОСТИТЬ.**

Ужъ какъ каелсе молодець сырой земли:
«Ты покаяй, покаяй, матушка сыра земля!
Есь на души три тяжкіе грѣха,
Да три тяжкіе грѣха, три великіе:
Какъ первой на души великъ—тяжекъ грѣхъ—
Я бранилъ отца съ родной матерью;
А другой на души великъ—тяжекъ грѣхъ—
Ужъ я жилъ съ кумой хрестовою,
Ужъ мы прижили младаго отрока;
А третей—отъ на души великъ—тяжекъ грѣхъ—
Я убилъ въ поли брателка хрестоваго,
Порубилъ ишо чѣлованьицѣ хрестноѣ!»
Какъ спроговорить матушка сыра земля:
«Во первомъ грѣху тебя Богъ простить,
Хощь бранилъ отца съ родной матерью,—
Втогда глупой былъ, да неразумной слылъ;
И во другомъ—то грѣху тебя Богъ простить,
Хоша жилъ со кумой со хрестовою,
Хоша прижили младаго отрока,—
Втогда холостъ жилъ, да нежонатой слылъ;
А во третьемъ—то грѣху не могу простить,
Какъ убилъ въ поли братѣлку хрестоваго,
Порубилъ чѣлованьицѣ хрестноѣ!

Отъ ак. И. И. Срезневскаго.

Ср. въ Сборникъ Н. И. Костомарова, 1-ю пѣсню о Стенькѣ Разинѣ.

О СТРАШНОМЪ СУДѢ.

Отца нашего Трифона Преподобнаго
 Во книгахъ было писано,
 Писано есть явленіе,
 Слово Божіе объ нынѣшнемъ времени,
 А въ нынѣшнемъ было времени
 Прежде Ангельскаго пришествія,
 А и нынѣ, душа, возрастися,
 Предъ Богомъ, душа, слезно расплачься.
 До страшнаго Христова до пришествія
 Снадутъ съ неба на землю часты звѣзды;
 Небо и земля потрясется,
 То каменныя грады разрушатся,
 Ключи, источники изтекутъ.
 Да солнце, мѣсяцъ померкнутъ,
 Луна съ кровью претворится;
 Отъ небесъ моря возмутятся,
 Тогда Ангелы—Архангелы всѣ устрашатся;
 Херувимы и Серафимы всѣ подвигнутся,
 Небесная сила восколыбнется.
 Со небесъ сойдетъ Мати Всепѣтая,
 Госпожа Владычица Богородица
 Со своею силой со небесною,
 Со Ангеламъ, со Архангеламъ,
 Со всѣми съ Херувимами.
 Среди земли престолъ Божій поставится,
 На престолъ сойдетъ самъ Исусъ Христосъ,

Самъ Исусъ Христосъ, Небесный Царь, Судья пра-
ведный.

Онъ будетъ насъ судить живыхъ и мертвыхъ.

Тогда Ангелы-Архангелы,

Вострубить въ трубу небесную,

Еще небесную, духовную,

Живыхъ и мертвыхъ всѣхъ разбудятъ;

Мертвые изъ гробовъ возстанутъ,

Пойдутъ на страшный судъ,

На Христово второе пришествіе.

Да праведники станутъ въ одесну страну;

У праведныхъ лице просвѣтится солнцемъ правед-
нымъ.

Грѣшные станутъ во ночну страну,

У нихъ лице помраченно, какъ и тьма ночна.

Проглаголетъ Господи ко праведнымъ

Со престола со Божьяго:

«Аминь, аминь глаголю вамъ.

Мои вы праведные подите,

Мои христолюбимые, подите!

Отцы и матери, сестры и братія, подите!

Мои скимницы и пустынницы!

Что скитались въ долахъ, въ горахъ, во вертепахъ,

Мои скимницы, пустынницы,

Что скитались въ долахъ, въ горахъ, во пустыняхъ.

Все ради Христа,

Вы ѣли коладу гнилую все ради Христа,

Вы пили воды болотныя,

Болотныя воды со ржавчиной—все ради Христа.

Вы терпѣли слова неудобныя
 Отъ всякаго злаго челоуѣка,
 Да все ради Христа.
 Меня вы Бога находите,
 Меня Бога поспѣтите,
 Алчнаго ради Христа накормите,
 Жаднаго ради Христа напоите,
 Нагаго ради Христа одѣйте,
 Босаго ради Христа обушите,
 Въ темной темницѣ ради Христа-Бога поспѣтите:
 Изготовлено вамъ царствіе небесное,
 Да пища райская.
 Одежда-риза во вѣкъ неизносимая;
 Въ раю винограды — дѣрева зеленныя,
 Да птицы райскія.
 Всѣмъ праведнымъ моимъ душамъ на утѣшеніе.
 Возглаголетъ Господи ко грѣшникамъ,
 Со престола со Божьяго:
 «Вы, грѣшныя рабы, беззаконныя!
 Отойдите прочь, рабы проклятыя!
 Не могу я васъ грѣшныхъ рабовъ навидѣти.
 На второмъ на Христовомъ на пришествіи,
 Изготовлена вамъ мука вѣчная,
 Огонь-пламя неугасимое,
 Вамъ пронасти несповѣдимыя!»
 И расплачутся многи грѣшныя,
 Со нощу страну:
 «Насъ, Господи, грѣшныхъ рабовъ помилуй!
 Таковаго народа многогрѣшнаго погибающаго,

Отъ злыя муки вѣчныя,
Отъ огня-пламя неугасимаго,
Отъ пропасти несповѣдимыя.»
Не можетъ Господи грѣшныхъ рабовъ помиловать
Отъ злыя муки вѣчныя,
Отъ огня-пламя неугасимаго,
Отъ пропасти несповѣдимыя.»
И расплачутся многи грѣшныя со нощу страну,
Госпожѣ Владычицѣ Богородицѣ:
«Ой ты Мати наша Всепѣтая,
Госпожа, Владычица и Богородица!
Помолися Ты о насъ о грѣшникахъ
У своего сына у распятаго,
У Христа Царя Богонеснаго.
Дабы насъ Господи грѣшныхъ рабовъ помиловалъ
Отъ злыя муки вѣчныя,
Отъ огня-пламя неугасимаго,
Отъ пропасти несповѣдимыя.
Да все ради Тебя,
Госпожи Владычицы и Богородицы.»
Притечетъ Мати Всепѣтая,
Ко престолу ко Божьему;
Проглаголетъ Мати Всепѣтая,
Госпожа Владычица и Богородица:
«Исусъ Христосъ пресладкій сынъ,
На престолѣ Судья праведный!
Мои ради меня грѣшныхъ рабовъ помиловать
Отъ злыя муки вѣчныя,
Отъ огня-пламя неугасимаго,

Отъ пропасти несповѣдныя.
Да все ради меня,
Госпожи Владычицы и Богородицы.
Проглаголетъ Господи ко Матери
Со престола со Божьяго:
«Ой ты, Мати моя Всепѣтая,
Госпожа, Владычица и Богородица!
Могу ради тебя грѣшныхъ рабовъ помиловать
Отъ злыя муки вѣчныя,
Отъ огня-пламя неугасимаго,
Отъ пропасти несповѣдныя
Да все ради тебя,
Госпожи Владычицы и Богородицы;
Да можешь ли, Мати, меня видѣти
Во-вторые на Христовѣ на распятіи?»
И расплачется Мати Всепѣтая
Надъ многими надъ грѣшными.
Проглаголетъ Мати Всепѣтая:
«Исусъ Христосъ пресладкій сынъ,
На престолѣ Судья праведный!
Не могу я тебя видѣти
Во-вторые на Христовѣ на распятіи;
Не могу забыть твое прежнее помученіе;
Не могу я ту чару выпити,
Горькими слезами плачучи.
Не жаль мнѣ таковаго народа многогрѣшнаго,
А жаль мнѣ своего сына родимаго,
Христа Царя Богонебеснаго.»
Проглаголетъ Господи ко грѣшникамъ

Со престоу со Божьяго:

«Вы, грѣшныя рабы, беззаконныя!

Отойдите отъ меня прочь, рабы проклятыя,

Напасти вы земляныя,

Пошолте вы къ отцу и къ матери,

Къ сотонѣ и ко дьяволу,

Кому на томъ свѣту дѣлали, работали,

Скачучи, пляшучи, играючи,

Сотону со дьяволомъ утѣшаючи.

Изготовлена вамъ мука вѣчная.

Огонь—пламя неугасимое,

Вамъ пропасти неисповѣдимыя.

Подымутся съ неба волменскій громъ (молнія и
громъ)

Волменскій нетры громъ трикающій (молнія, вѣтры).

Приразитъ народу много грѣшнаго ко сырой землѣ,

Росшибетъ мать сыру землю на двѣ полосы.

Роступится мать сыра земля на четыре четверти;

Протечетъ грѣшнымъ рабамъ рѣка огненна

Отъ востоку солнца до запада,

Пламя пышетъ отъ земли и до небеси;

Со небесъ сойдутъ на землю святы Ангелы,

Ударятъ грѣшныхъ рабовъ скипетрамъ желѣзными

И прутьямъ калеными,

Погонятъ грѣшныхъ рабовъ въ рѣку огненну.

Они свяжутся своими грѣхами тяжкими.

Еретникъ съ еретницею (по-нашему колдунъ),

Клеветникъ съ клеветницею,

Ненавистникъ съ ненавистницей,

Блудникъ со блудницею,
Пьяница со пьяницею.
Понесетъ грѣшныхъ рабовъ рѣка огненная
На муки разныя, на муки разноличныя!
Кому Господь создалъ по дѣламъ душамъ мученіе,
По грѣхамъ различеніе.
Тогда сядетъ самъ Иисусъ Христосъ
На престолѣ, Судья праведный,
Задержитъ грѣшныхъ рабовъ
Святымъ Духомъ Господнимъ,
Землей, травой и муравой,
Чтобы отъ грѣшныхъ отъ рабовъ не слышати
Госпожѣ Владычицѣ и Богородицѣ
Не писку, не визку, не взраду
И не зубнаго скрыданія,
И не слезнаго рыданія
Госпожи Владычицы и Богородицы.
Яко славенъ Богъ прославися. Аминь.

Записано въ Вятской губ. въ г. Нолыскѣ.

О ВТОРОМЪ СУДѢ.

Проглаголетъ самъ Иисусъ Христосъ:
«Что вы, чада, слезно плачете,
На второй судъ помышляете?
Второй судъ вамъ готовится.
Что ваша златѣ казна—рѣка огненная.

Сошлю я на васъ остропилателей,
Судьи вамъ немилосливые,
За ваше за великое согрѣшеніе.
Чада вы мои любезныя!
Поимѣйте, чада, вы другъ друга и братъ брата,
Сынъ-отца и мать свою,
Меньшую свою братію.
Сошлю на васъ сподателей,
Птицу — главину, крылья орлины, ноги желѣзныя,
Власы на нихъ женскія;
Расточать вашу кровь христіанскую
За ваше за великое согрѣшеніе.
Молится объ васъ Пресвятая Богородица,
Слушаетъ Господи ея умоленіе,
Терпитъ великое наше согрѣшеніе
На жизнь свою, на покаяніе.
Поемъ славу тебѣ великую,
Поемъ славу Христу Царю Небесному.

Записано тамъ же.

О ВТОРОМЪ ПРИШЕСТВІИ.

Да воскреснетъ Богъ и вознесется его руца
На превышнія небеса.
Сойдетъ къ намъ Небесный Царь
На мать на сыру землю
Судить души грѣшныя,

Сборникъ.

Рабовъ беззаконныхъ.
Съ восточныя стороны
Идутъ души вѣрныя,
Идутъ всѣ спасёныя,
Рабы умолённые,
Стрѣчать ихъ Небесный Царь,
Стрѣчать ихъ Судья праведный:
«Идите вы, вѣрные,
Идите вы всѣ, спасённые,
Ко мнѣ во прекрасенъ рай;
Прекрасенъ рай красуется,
Двери утверждаются,
Свѣчи затепляются.»
Съ западной стороны
Идутъ души грѣшныя,
Рабы беззаконные,
Плачутъ они рыдаючи:
— О злая намъ мѹка превѣчная,
Огонь—пламень неугасимые!»
Славенъ Богъ нашъ прославися!
Велика его милость для насъ была Господняя!

Записано въ Казани.

СТІХЪ О СТРАШНОМЪ СУДѢ.

Идутъ лѣта сего свѣта,
Приближается конецъ вѣка,
Восплачются вси грѣшницы,

Міра сего прелестницы,
Падуть, падуть предъ ногами
Богу Отцу со слезами:
«Боже, Отче, ты нашъ Творче,
Не будетъ ли намъ прощеніе
За наше великое прегрѣшеніе?»
— О горе вамъ, окаянные,
Отъ всѣхъ святыхъ удаленныя,
И отъ царствія отчужденныя!
Вмѣсто радости и покою
Посылаю я васъ съ сатаною
И со прелестными его бѣсы —
Въ муку вѣчную, безконечную.
И во вѣки аминь.

СТИХЪ ИНОЙ О СТРАШНОМЪ СУДѢ.

Со восточной стороны идутъ души праведныя;
Речеть къ нимъ Небесный Царь: «подите вы праведныя
Подите вы, любезныя, вамъ рай растворяется,
Вамъ пища готовится, вамъ пища различная.»
Со западной стороны идутъ души грѣшныя.
Речеть къ нимъ Небесный Царь: «подите вы, грѣшныя,
Подите вы, окаянные, вамъ адъ растворяется,
Вамъ муки готовятся, вамъ всѣ различныя:
Инымъ будетъ грѣшникамъ — огонь негасимый,
Инымъ будетъ грѣшникамъ — зима зла студеная.

*

Инымъ будетъ грѣшникамъ—смола и зла кипящая,
Инымъ будетъ грѣшникамъ—червь ядовитый,
Инымъ будетъ грѣшникамъ—тьма несвѣтимая,
Инымъ будетъ грѣшникамъ—пропасть глубокая,
Инымъ будетъ грѣшникамъ—скрежетъ зубный.»
Падутъ, падутъ грѣшницы на мать на сыру землю;
«Увы, наши родители: на что вы насъ породили?
На муки вѣчныя, на муки безконечныя.»
Во вѣки аминь.

Оба эти стиха — бѣгло-поповщинской секты, запис. въ Саратовѣ.

О СТРАШНОМЪ СУДѢ.

Воскреснетъ Господи,
и вознесетъ руцѣ его
на Превышняго на небесе,
и помянетъ насъ Господи,
всегда прійдетъ во Царствіи своемъ!
Съ востѣшной стороны идетъ Небесный Царь,
и идетъ Судья Праведный, наше солнышко проведеное
идутъ за нимъ вѣрныя, идутъ и спасенныя,
идутъ и труждающія, идутъ и питающія.
И встрѣчатъ ихъ Небесный Царь,
и встрѣчатъ Судья Праведный:
«подите вы, вѣрныя, подите, спасенныя,
во мой во прекрасенъ рай;
вамъ райскія двери отверзаются,

и прикрасенъ вамъ рай красуется.»

Въ западнѹю сторону идутъ же тутъ грѣшныя,
Рабы беззаконныя.

И встрѣчатъ ихъ Небесный царь:

«подите вы грѣшныя, рабы беззаконныя,
въ западную сторону, во мѣсто во адовое,
во пропасть глубокую,
и не будетъ вамъ, грѣшныя, моления, не радости.

Инымъ будетъ грѣшнымъ

судьямъ, властямъ не милосливымъ —

имъ мѣсто и адовое, и пропасть глубокая:

то мука имъ вѣчная, житье вѣковѣчное.

Инымъ будетъ грѣшнымъ, прелюбодѣямъ, дружни-
камъ —

имъ рѣка оглянная, пламя неугасимое:

то имъ мука вѣчная, житье вѣковѣчное.

Инымъ будетъ грѣшнымъ женамъ и блудницамъ,
младенцовъ губительницамъ —

змѣи поѣдающія, сердце высосающія:

то имъ мука вѣчная, житье вѣковѣчное.

Инымъ будетъ грѣшнымъ барышникамъ и ростов-
чикамъ —

черви усыпляющіе, пилы имъ терзающія, кости раз-
рубляющія:

то имъ мука вѣчная, житье вѣковѣчное.

Инымъ будетъ грѣшнымъ сквернословцамъ, пьяни-
цамъ —

котлы имъ горящіе, смола зла кипущая:

то имъ мука вѣчная, житье вѣковѣчное.

Нападетъ на грѣшныхъ зла бѣда великая;
упадутъ же грѣшныя на матъ на сырѹ землю,
и станутъ горько плакати:

«Увы, матъ сырая земля!

Увы, отцы, матери!

и на што вы насъ породили,

и на бѣль свѣтъ попустили,

и на муки насъ предали, на муки на разныя;

и всѣмъ муки различныя и всѣмъ муки привѣчныя.

Хотя бы мы родилися, съ-измаленьку померли:

не видали бы грѣшныя злой муки привѣчныя,

и рѣки мы оглянныя, и пламя неугасимова.

И сойдетъ къ намъ Небесный Царь, сойдетъ Судья

• Праведный,

• судьба къ намъ временная, судьба не спосѹдная!

И погонять насъ грѣшныхъ

въ западную сторону, во мѣсто во адовое,

во пропасть глубокую.»

Не слышно отъ грѣшныхъ ни писку, не вѣреску

Отнынѣ и до вѣку.

Славенъ Богъ прославился отнынѣ и до вѣку.

Во вѣки вѣкомъ аминь.

Отъ ак. Срезневскаго.

ПѢСНЯ ОБЪ АЛЛИЛУЕВОЙ ЖЕНѢ.

¹ *Какъ* родился Христосъ въ Вилеємѣ,

Какъ крестился нашъ Спасъ въ Іорданѣ:

Антихристы—жидаы его замѣчали,

- Замѣчали его, устигали,
5 *Злой смерти его предать хотѣли.*
И кидался Христосъ во келью
Къ Аллилуевой женѣ милосердой.
Аллилуева жена печку топить,
На рукахъ своего младенца держать.
10 *Какъ возговоритъ къ ней Христосъ Владыка:*
«Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда,
Кидай ты свое дѣтище въ печь, во пламя,
Прймай меня, Царя Небеснаго, на бѣлыя руки.»
Аллилуева, жена милосерда,
15 *Кидала свое чадо въ огонь, во пламя,*
Брала Царя Небеснаго на бѣлыя руки.
Прибѣжали тутъ жидове-архїереи,
Антихристы, злые фарисеи;
Говорили Аллилуевой женѣ пристрашно:
20 «Охъ ты гой еси, Аллилуева жена молодая,
Ты куда Христа схоронила?
Отвѣчаетъ имъ Аллилуева жена милосерда,
Что кинула она Христа въ печь, во пламя.
Жидове, книжницы, архїереи,
25 *Антихристы, злые фарисеи,*
Подходили къ печкѣ, заглянули,
Аллилуева младенца въ печкѣ увидали,
Заскакали они, заплясали,
Печку заслонками затворили.
30 И скоро тутъ пѣтухи запѣли.
Антихристы-жидове тутъ пропали.
Аллилуева жена заслонъ отворяла,

Слезно плакала., громко причитала:

«Ужъ какъ я, грѣшница, согрѣшила!

35 Чадо свое въ огонь погубила!»

Какъ возговорить ей Христосъ, *Царь Небесный*:

«Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда,

Загляни-ка ты въ печь во пламя.»

Увидала въ печи вертоградъ прекрасный.

40 Въ вертоградъ травонька муравая,

Во травонькѣ ея чадо гуляетъ,

Съ Ангелами пѣсни воспѣваетъ,

Золотую книгу евангельску читаетъ,

За отца, за мать Бога молить.

45 Какъ возговоритъ Аллилуевой женѣ

Христосъ, *Царь Небесный*:

«Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда,

Ты скажи мою волю всѣмъ моимъ людямъ,

Всѣмъ православнымъ христіанамъ,

50 Чтобы ради меня они въ огонь кидались,

И кидали бы туда младенцевъ безгрѣшныхъ,

Пострадали бы все за имя Христа свѣта,

Не давались бы въ прелесть хищнаго волка,

Хищнаго волка, антихриста злаго.

55 Что антихристъ на земль взялъ силу большую,

Погубитъ во всемъ свѣтѣ вѣру Христову,

Поставитъ свою злую церковь.

Онъ брады всѣмъ брить повелѣваетъ,

Креститься щепотью всѣмъ завѣщаетъ,

60 Мою вѣру Христову хошетъ искоренити.»

Въ Сборникѣ Киръевскаго ст. XIV, ст. 194—195. Этотъ стихъ также принадлежитъ сектѣ глухой нѣтовщины; въ немъ развивается догматъ самосожигательства, будто бы въ его историческомъ значеніи. Этотъ вариантъ представляетъ самый полный текстъ стиха.

Пол. отъ пр. Академіи А. С. Павлова.

СТИХЪ О МИЛОСТИВОЙ ЖЕНѢ, МИЛОСЕРДОЙ.

Милостива жена, милосердная
Топила во градѣ свою келью,
Держала своево чада на ручахъ.
Къ милосливой къ жены милосердныя
Идетъ сама Дѣва Пресвятая,
Несетъ самаго Христа на ручахъ.
«Милослива жена, милосердная,
«Бросай ты свое чадо въ огонь и пламя,
«Ты бери самого Христа на руци!
«Бѣгутъ жида-супостаты
«Съ оружіемъ и съ острыми копіямъ,
«Хотятъ Христа Бога убить.»
Жида къ огненной печи приходили,
Во печи младенецъ стрепехнулся;
Показалъ жидамъ онъ руци и ноги.
Жида-супостаты срадовались:
«Мы топерь Христа Бога поймали,
«Мы въ огонь, во пламя его вогнали,

«Мѣднымъ заслономъ заслоняли,
«Желѣзнымъ подпоромъ подпирали.»
Жи́ды прочь отъ печи отходили,
Милосливая жена, милосердная
Не могла Христа Бога соде́ржать,
На его на свѣтлость наглядѣться.
Не стало Христа у ней на ручахъ,
Милостивая жена, милосердная.

Отъ ак. Срезневскаго .

СТИХЪ О МИЛОСТИВОЙ ЖЕНѢ, МИЛОСЕРДОЙ.

Милослива жена, милосердная
Бросала свое чадо въ огонь и пламя,
Брала самого Христа Бога на руки.
Жи́ды-супостаты набѣжали,
Съ оружіемъ и съ острыми копіямъ,
Милосливую жену да спрошали:
«Милослива жена, милосердная,
Ты давноль Христа Бога видала?»
Милосливая жена имъ отвѣчала:
«А вы, жи́ды-супостаты,
Я топерь Христа Бога поймала,
Я въ огонь, во пламень его вогнала.»
Къ огненной ко печи приходила:
«Ужоль тамъ сгорѣло мое чадо?»
Зелѣзныи подпоры отпирала,

Мѣдныи заслони отслоняла:
Во печи трава выростала,
На травѣ цвѣты разцвѣтали,
Во цвѣтахъ младенецъ играетъ,
На ѣмъ риза солнцемъ возсіяетъ,
Евангѣльскую книгу самъ читаетъ,
Небесную силу прославляетъ,
И со ангелами, съ херувимы
И со всею небесною силой.
Милосливая жена милосердная—
Она первая въ раю пребываетъ.
Аллилуя, аллилуя, аллилуя!
Мы славимъ тебе, Христа Бога.

Отъ ак. Срезневскаго

**СТИХЪ ПРЕБЛАЗНЕННАГО ВОСПОМИНАНІЯ
ОЗЛОБЛЕНІИ КАТОЛИКОВЪ.**

По грѣхамъ нашимъ, на нашу страну
Попусти Богъ такову бѣду:
Облакъ темный всюду ости,и,
Небо и воздухъ мракомъ потемни,
Солнце съ небеси скры своя лучи,
И луна въ нощи свѣтлость помрачи,
Но и звѣзды вся потемниша зракъ,
И дневный свѣтъ преложися въ мракъ.
Тогда твари вся ужаснушася,

Но и бездны вся содрогнушася,
Егда адскій звѣрь ея разрѣши,
Отъ заклепѣ твердыхъ пагло изкочи,
О коль яростно испусти свой ядъ
Въ каеолическій краснѣйшій вертоградъ!
Зѣло злобно врагъ тогда возревѣ,
Каеоликовъ родъ мучити повелѣ,
Святыхъ пастырей вскорѣ истреби,
Увы жалости! огнемъ попали.
Четы иноковъ уловляхуся,
Злымъ наказаніемъ умерщвляхуся,
Всюду вѣрніи закалаеми,
Аки класове пожинаеми.
Тогда вѣрніи горцѣ плакаху,
Зѣло жалостно Богу взываху:
«Время лютости, Боже, Боже, сократи,
Отъ мучительства злаго защити,
Аще не твоя помощь сохранить, —
И избранныхъ всѣхъ адскій змій прельститъ.
Охъ увы, увы лютыхъ тѣхъ временъ,
Охъ увы, увы скорбныхъ оныхъ дней!...
Како лютый звѣрь садъ нашъ погуби,
Вся древесія вскорѣ попали.
Аще помянемъ благочестіе
И пресвѣтлое правовѣріе,
Егда процвѣталъ кринъ церковный,
Зѣло блисталъ санъ священный.
То не можемъ быть безъ рыданія,
И безъ скорбнаго воздыханія.

Охъ увы, увы благочестіе,
Увы древнее правотѣріе!
Кто лучи твоя вскорѣ потемни?
Кто блистанія тако измѣни?
Десято-рожный звѣрь сіе погуби,
Седмиглавый змій тако учини,
Весь церковный чинъ звѣрски преврати,
Вся преданія злобно истреби.
Церкви Божія истребишася,
Тайнодѣйствія вси лишишася,
Но и пастыри поплѣнились,
Жаломъ діавола умертвилися.
Зѣло горестно о семъ плачемся,
Увы бѣдни вси сокрушаемся,
Что вси пастыри посмрадилися,
Въ еретичествѣ потопилися.
Оле бѣдствія намъ безъ пастырей!
Оле лютоści безъ учителей!
По своей волѣ вси скитаемся,
Отъ звѣрей лютыхъ уязвляемся,
Всюду бѣдніи утѣсняеми,
Отъ отечества изгоняеми;
За грѣхи наши днесь родилися;
Въ таковы бѣды попустилися.
Почто въ юности мы не умрохомъ,
Въ самой младости мы не уснухомъ?
Избѣжали бы сихъ плачевныхъ дней,
Не видали бы лютыхъ сихъ временъ,
И мы горцѣ вси выну плачемся,

Преболѣзненно сокрушаемся.
Вавилонская любодѣйница
И скверная чародѣйница
Представляетъ всѣмъ чашу мерзости
Подъ прикрытіемъ малымъ сладости,
И мы слабыи тѣмъ прельщаемся,
Сластолюбіемъ уловляемся.
Увядаетъ днесъ благочестіе,
Процвѣтаетъ все нечестіе.
Лжеучители почитаются,
На каеэдрахъ возвышаются;
Вѣрныхъ собора истребляеми,
Сонмы мерзости умножаеми;
Вся пророчества совершаются,
Предсказанія исполняются;
И чего еще хотимъ ожидать,
Посреди міра долго пребывать?
Уже жизнь сія кончается,
И день судный приближается.
Ужаснись, душе, суда страшнаго
И пришествія преужаснаго.
Окрылись, душе, крылы твердости,
Растерзай, душе, мрежи прелести.
Ты пари, душе, въ чащи темныя,
Отъ мірскихъ суетъ удаленныя.
Поминай вѣрныхъ тамо малъ соборъ,
Укрываются посреде холмовъ.
Не страшись, душе, страха тлѣннаго,
Не убойся ты огня вѣчнаго.

Изливай, душе, рѣки слезныя,
Простирай мольбы къ Богу многія,
Крѣпко на него уповай,
Во вѣки его прославляй.

Господи, Иисусе, сыне Божій, помилуй насъ. Аминь.

Извлеч. изъ рукописи Поморцевъ.

ПѢСНЯ ГЛУХОЙ НѢТОВЩИНЫ, ОСТАВШАЯСЯ ПОСЛѢ ВРЕМЕНИ САМОСОЖИГАТЕЛЬСТВА.

Какъ шелъ старецъ по дорожкѣ,
Черноризецъ по широкой;
Идучи онъ слезно плачетъ,
Во слезахъ пути не видитъ,
Во рыданьяхъ слова не молвитъ.
Какъ на встрѣчу ему идетъ
Самъ Христосъ Царь Небесный.
Какъ возговорить Христосъ старцу,
Самъ Господь Богъ, Царь Небесный:
«Охъ гой еси, старецъ черноризецъ,
Ты о чемъ, старецъ, слезно плачешь,
Ты о чемъ, черноризецъ, воздыхаешь?»
Отвѣчалъ Господу старецъ,
Отвѣчалъ Царю Небесному черноризецъ:
«Охъ ты гой еси, Христосъ, Царь Небесный!
Какъ мнѣ, Господи, не плакать?
Потерялъ я златую книгу,

Потопилъ ключъ церковный въ морѣ.»

Отвѣчаетъ Христосъ старцу,

Отвѣчасть Царь Небесный черноризцу:

«Не плачь, старецъ, не плачь, черноризецъ!

Я сыщу тебѣ златую книгу,

Ключъ церковный изъ моря выну.

Ты поди, старецъ, въ пустыню,

Ты спасай тамъ свою душу.»

Какъ возговорить ему старецъ со слезами:

«Охъ ты гой еси, батюшка Христосъ, Царь Небесный,

Ты поставь-ка мнѣ въ пустынь келью,

Гдѣ бы люди не ходили,

Однѣ бы *пташки* пролетали,

Меня бы старца, *потышали*,

Ото сна бы пробуждали;

Ото сна бъ я пробудился,

На правило становился.»

Какъ возговоритъ Христосъ Царь Небесный:

«Ой вы люди, рабы *мои*—Христовы,

Православные христіане,

Не забывъ Бога, живите,

Не буянно поступайте,

Не рѣчиисто говорите.

Народился духъ нечистый,

Духъ нечистый — злой антихристъ,

И пустилъ онъ свою прелесть

По городамъ и по селамъ.

Людей моихъ изгоняетъ,

Въ свою вѣру принуждаетъ,

*Въ свою церковь ходить заставляеть,
Своихъ поповъ поставляетъ,
Своихъ судей посылаетъ,
Свои письма разсылаеть
По селамъ и по деревнямъ,
По прекраснымъ пустынямъ.
Не сдавайтесь вы, мои свѣты,
Тому змію седмглаву,
Вы бѣгите въ горы, вертепы,
Вы поставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы сожгите.
Пострадайте за меня, мои свѣты,
За мою вѣру Христову:
Я за то вамъ, мои свѣты,
Отворю райскія свѣтлицы,
И введу васъ во царство небесно,
И самъ буду съ вами жить вѣковѣчно.*

Въ Сборникъ Кирѣвскаго, ст. XL, стр. 218—219; также стихи XLIII и XLIV, стр. 220. Подъ именемъ книги разумѣется истина евангельскаго ученія; ключъ церковный—строгость жизни и чистота вѣры между духовенствомъ.

Отъ А. Ст. пр. Павлова.

О СТАРЦѢ.

Идетъ старецъ изъ пустыни,
Идучи онъ слезно плачетъ,

Черноризецъ възрыдаеть;
А на встрѣчу ему самъ Господь Богъ:
«Чего жѣ ты, старецъ, плачешь?...»
— «Какъ мнѣ, Господи, не плакать?
Я младъ зѣло постригся,
Я всѣхъ добрыхъ дѣлъ лишился,
Потерялъ ключи отъ церкви
И златую твою книгу,
Опустилъ я въ черно море.»
И рече ему Господь Богъ:
«Ты стань, старецъ, воротися,
Со слезами Богу молися!
Сомучу я черно море,
Я найду ключи отъ церкви
И златую твою книгу,
И вложу я въ тебя кротость
До скончанія твоего вѣка.
И введу я тебя въ свой градъ,
Благословлю я тебѣ твой домъ.»

Изъ Сборника С. В. Максимова,
зап. въ Арх. губ.

О СТАРЦѢ.

Идетъ монахъ изъ пустыни,
Идетъ онъ, слезно плачетъ.
Попадается ему на встрѣчу самъ Господь Богъ:
«Охъ ты, монахъ, монахъ!

Объ чемъ, монахъ, слезно плачешь?»

— «О Господи, Господи!

Какъ же мнѣ не плакать?

Что недавно меня въ монахи посвѣтили,

Одолѣли меня мысли злыя;

Потерялъ я ключи отъ пустыни,

Потерялъ я въ синее море глубокое.»

Опускался монахъ въ море глубокое,

Доставалъ онъ ключи золотые,—

Не досталъ онъ ключи золотые.

— «Мнѣ не жалко ключи золотые,

Жалко книгу золотую въ пустынь.»—

Вотъ и пишетъ, пишетъ Ефремъ книгу,

Онъ и пишетъ ее со слезами,

Дружьевъ къ себѣ призываетъ:

«Вы послушайте, друзья-братья-христианы,

Вы такую мою рѣчь неглупу;

Вы пойдемте жить въ горы, во пещеры:

Народился у насъ злой антихристъ.»

Зап. въ Казани отъ Кораблева, который
былъ проводникомъ у слѣпыхъ нищихъ.

ПѢСНЯ ПОСЛАДОВАТЕЛЕЙ ПЕТРОВА КРЕЩЕНІЯ И ДР. СЕКТЪ.

Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ,

Съ попами, дьяками хлѣбъ-соль не водитъ,

Къ Богу съ покаяніемъ часто прибѣгаетъ.

Стой-ка съ покаяніемъ предъ Святымъ Спасомъ:
Обрадованъ будешь архангельскимъ гласомъ.
Лягъ-ка съ рабою Божіей съ Христовой любовью:
Причастить тебя Ангелъ Христовою кровью.
Кайся-ка поутру, встань-ка въ умиленьи:
Получишь отъ Спаса Петрово крещенье.
Кайся съ воздыханьемъ, запершися въ кѣти, —
Избавленъ ты будешь діавольской сѣти.
Самъ Спасъ исповѣдникъ, самъ Спасъ и причастникъ,
Въ Христовой любви праздникомъ есть праздникъ.

Отъ пр. А. С. Павлова.

ИЗЪ ПѢСНИ СТРАННИКОВЪ.

«Ничто же можетъ воспретити,
Отъ странства мя отлучити.
Пищи тако не алкаю,
Странствоваться понуждаюсь.
Не такъ жаждою смущаюсь,
Скитатися понуждаюсь.
Всеми міру въ смѣхъ явлюся,
Токмо странства не лишуся.
Бѣжи, душа, Вавилона,
Постигай спѣшно Сіона,
Тебѣ путемъ къ горню граду.
Плачи, душе, о томъ времѣ,
О грѣховномъ своемъ бремѣ,
Како будешь отвѣщати,

На судъ страшномъ предстати,
Уже часъ дне сокращается,
Смертный часъ приближается....»

Отъ А. С. Павлова.

А кто бы мнѣ построилъ
Прекрасную пустыню,
Во темныхъ во лѣсахъ,
Во горахъ бы, во вертепахъ,
Во пропастяхъ во земныхъ?
Уже бы мнѣ не видати
Житія бы суетнаго,
Уже бы не слыхати
Человѣческаго гласу!
И самъ Господь похвалилъ
Тоя пустыни. «Рабы вы Христовы,
Поживите вы боясь Бога,
Уже останюшна времена,
Уже послѣдняя кончина.
Народился злой Антихристъ,
Злой Антихристъ — духъ нечистый,
Какъ рыкнулъ онъ окаянный
Во всѣ концы во земные,
И пустилъ онъ свою злобу
По всей поднебесней.
Не будетъ уходу, не будетъ ухорону,
Ни въ горахъ, ни въ вертепахъ,

Ни въ разсѣлинахъ земныхъ;
Никто отъ него не можетъ укрыться.

У Кирѣвскаго стихъ XLII, стр. 219 «О Анти-
христѣ». Сообщ. пр. Академіи А. С. Павловымъ.

О прекрасная пустыня!
Нашъ Господь пустыню похваляетъ.
Отцы въ пустынѣ скитають,
Ангели отцемъ помогаютъ;
Апостоли отцевъ ублажаютъ,
Пророцы отцевъ прославляютъ,
Мученицы отцевъ величаютъ,
А вси святіи отцевъ восхваляютъ.
Отцы въ пустынѣ скитають,
И горъ воды испиваютъ;
Древа въ пустынѣ процвѣтають,
Птицы ко древамъ прилетаютъ,
На кудрявыя вѣтвіа посаждаютъ,
Красныя пѣсни воспѣваютъ,
Отцевъ въ пустынѣ утѣшаютъ.
Отцы въ пустынѣ скитають,
И конецъ житія совершаютъ.

Ты, Господи, Владыко мой,
Создавый мя, помилуй мя!
Кого пошлешь въ помощники
Мнѣ грѣшному, лукавому?
Самъ буди мнѣ помощникомъ,

И азъ на тя надѣюся,
Къ тебѣ, Творцу, припадаю,
Владыко мой, помилуй мя!
Азъ бо овца заблудшая,
Отставшая отъ стадъ своихъ,
Отъ стадъ своихъ, отъ истинныхъ,
Христолубивыхъ.
Создавый мя, помилуй мя!

Молитву пролію мою ко Господу,
Исповѣмъ грѣси моя Создателю,
Боже, Творче, помилуй мя!
Доколѣ гнѣвъ твой праведный
Зло напастей бурею
Караеъ мя?

О горе мнѣ, лукавому!
Обшедше, обидоша мя врази мои;
Смѣяхуся, ругахуся ми грѣшному.
О горе мнѣ, помилуй мя!
Найдя на мя болѣзнь лютая,
Со скрежетомъ, трясавицей;
Власы съ главы спадоша,
И гробъ отсѣрзися.
Создавый мя, помилуй мя!

Возстану я до краснаго солнца,
До бѣлой зари,
Росой утренней умывлюся,
Бѣлымъ платомъ утираюся,

Господу поклоняюся.
Помилуй мя, о Господи,
Весь день до вечера,
Да зла, лукавствія и похотей
Избавлюся.
Да творю вся, елико повелѣлъ еси.

Эти 4 стиха — бѣгло-поповщинской сек-
ты; запис. въ Саратовѣ.

СТИХЪ ПУСТЫННОЖИТЕЛЕЙ.

О прекрасная пустыня,
Любимая моя другиня!
Пришли тебя зажигати,
Со мною тебя, мати, разлучати,
Огню ты, мати, предаешися,
Ты со мною нынѣ растаешися,
Душевное мое спасеніе,
Плотское мое оскорбленіе!
За то я тебя почитаю,
И матерью называю,
Что ты льстивую мою плоть оскѣбляешь,
Души моей грѣхи очищаешь,
Безмолвная и мати пустыня,
Безмолвная и неправдословная,
Безропотная нестроптивая,
Смирennemудреная, терпѣлива.
Теперь ты меня покидаешь,
Въ которую страну посылаешь,

Прекрасная мати пустыня,
Любимая моя другиня?

Отъ А. С. Павлова.

- 1 Плоть моя неводержная,
Я боюсь тебя: погубишь меня,
Выгонишь изъ тѣмныхъ лѣсовъ,
Изъ тѣмныхъ лѣсовъ, изъ дремучихъ,
5 Изъ зеленой изъ дубровушки,
Изъ прекрасной изъ пустынюшки.
Не унывай, душе моя многогрѣшная,
Уповай, душе моя, на Господа ⁽¹⁾,
И на Спаса Вседержителя,
10 И на Мать Божію, Богородицу,
И на Ангела на хранителя!
Подъ моремъ, подъ землею,
Мучатся души грѣшныя,
Онѣ мучатся и день и ночь,
15 Онѣ плачутся—что рѣки льются,
Возрыдають—что ручьи ревутъ:
«Есть ли у насъ отецъ и мать?
Есть ли у насъ и братъ и сестра?
Есть ли у насъ и родъ и племя?
20 Повѣдали-бы имъ муку вѣчную.
Тошно намъ во огнѣ горѣть,
Грустно намъ во смолѣ кипѣть,
Еще тово тошнѣй — черви точать,
Всего-то тошнѣй—на діавола зрѣть.»

(1) У Кирѣвскаго въ LV стихѣ; стр. 225.
Сборникъ.

25 Какъ расплатется и растужится.

Мать сыра-земля передъ Господомъ:

Тяжело-то мнѣ, Господи, подъ людьми стоять,

Тяжелѣй того—людей держать,

Людей грѣшныхъ, беззаконныхъ,

30 Кои творять грѣхи тяжкіе,

Досады чинять отцу, матери,

Убийства и татѣбы дѣютъ страшныя,

Повели мнѣ, Господи разступитися,

И пожрать люди-грѣшницы, беззаконницы.»

Отвѣщаетъ земли Ісусъ Христосъ ⁽¹⁾:

О мати ты, мать-сыра земля!

Всѣхъ ты тварей хуже осужденная,

Дѣлами человѣческими оскверненная!

Потерпи еще время моего пришествія страшнаго!

40 Тогда ты, земле, возрадуйся,

Убѣлю тебя снѣгу бѣлѣй,

Прекрасный рай проращу на тебѣ.

Цвѣты райскія пушу по тебѣ,

44 Люди моя избранныя, веселитесь во вѣки!

Отъ А. С. Павлова.

Богу помолюся я, Христу поклонюся,

Богородицѣ радостно пѣніе воспою,

Пророцевъ прославлю,

Мучениковъ ублажу;

(1) Тамъ же, Стихъ XXX, стр. 214 «Плачъ земли».

Ангелемъ, Архангелемъ,
Херувимомъ и Серафимомъ,
Святая святыхъ сотворю;
Нищую братію,
Алчущихъ, жаждущихъ,
Изгнанныхъ правды ради
Аки сродниковъ прииму.
А Господь надо мною смиляется,
А Христосъ грѣси моя не помянетъ,
А Матерь Божія милость пошлетъ.
А преїду я отъ сего житія,
А и возьмутъ Ангели и Архангели,
Мою душеньку на воскриліяхъ,
И принесутъ ко Аврамію.
У Аврамія храмина свѣтлая;
Отче нашъ за столомъ сидитъ;
Матерь Божія подъ окошечкомъ;
Пророцы, мученицы, праведницы—по лавочкамъ;
Самъ Аврамій на ложѣ возлежитъ,
Исусъ Христосъ въ головахъ сидитъ,
Ангели, Архангели,
Херуиме и Серафиміи,
Всюду и обоюду.
И глаголетъ Аврамій ми грѣшному:
«Прииди, чадо, ко мнѣ Аврамію!
Добре житіе провождалъ еси;
Мѣсто злачно ти уготовано;
Самъ я Аврамій подвинуся,
И тебя возложу съ собою,

На ложе мое на злачное.»

Нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

Бѣгло-поповщинской секты. Записано
въ Саратовѣ.

Идутъ лѣта всего свѣта,
Приближается конецъ вѣка;
Пришли времена лютыя,
Пришли года тяжкіе:
Не стало вѣры истинныя,
Не стало стѣны каменные,
Не стало столповъ крѣпкихъ,
Погибла вѣра христіанская.
Стали у насъ судіи неправедные,
Пастыри при церквахъ запоицы и пѣяницы,
Отягощали люди даньми тяжкими;
Нѣту у насъ пути спасенія.
Кому повѣмъ печаль мою?
Кого призову въ помощники?
Кто мя научить спасенію?
Нѣту ми учителей вѣрныхъ,
Кто бы мя вѣрѣ научилъ истинней,
Како бы душу спасти.
Падутъ, падутъ многогрѣшницы,
Всего міра прелестницы,
Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!
Потерли ты мнѣ, Небесный Царь,
Великому согрѣшенію,
И злему моему преступленію;

Прости ты меня грѣшника и злаго,
Впиши меня, Небесный Царь,
Во свои книги животныя,
И причти меня, Господи,
Къ своему стаду избранному.

Отъ А. С. Павлова.

ПѢСНЯ ШОРЕЛЬЩИКОВЪ.

Послушайте, мои свѣты:
Послѣднія *пришли* лѣта.
Народился злой антихристъ,
Напустилъ онъ свою прелесть
По городамъ и по селамъ,
Наложилъ печать свою на людей,
На главы ихъ и *на руки*,
Что на руки и на персты.
Кто его печать принимаетъ,
Тому житіе пространно;
А кто его печать не принимаетъ,
Тому житіе гонимо.
Убирайтесь, мои свѣты,
Во лѣса, въ дальныя пустыни,
Засыпайтесь, мои свѣты,
Рудожелтыми песками,
Вы песками, пепелами!
Умирайте, мои свѣты,
За крестъ *святой*, за молитву,

*За свою браду честную ,
За мою вѣру Христову .
Избавлю васъ , моихъ свѣтовъ ,
Отъ злой и превѣчной муки ;
Отворю вамъ , мои свѣты ,
Врата пресвѣтлаго рая ,
Преславнаго моего рая ,
Небеснаго моего царства !*

У Кирѣвскаго стихъ XII, стр. 219,
О. Антихристъ. Отъ А. С. Павлова.

Взойду я на круту гору, взгляну я подъ красну зарю.
Подъ красною зарею три древа стоятъ,
Подъ тѣми древами три стула стоятъ,
На тѣхъ ли на стульяхъ три брата сидятъ:
Первый—то братецъ въ гусли играть,
А другой—то братецъ подыгрываетъ,
Третій—то братецъ не веселъ сидитъ.
Что же ты, братецъ, не веселъ сидишь ?
Или тѣ, братецъ, игра не мила ?
Все—то мнѣ мило да все хорошо,
Только не мила мнѣ чужа сторона :
Чужая сторонущка безъ вѣтра сушить ,
Безъ вѣтра сушить, безъ солнца печетъ ;
На чужой сторонущкѣ умѣючи жить,
Старому, малому—покорному быть,
Буйной головушкой—поклончивой жить ,
Ретиву сердечушку—спокойному быть.

Тошнымъ было мнѣ тошнѣхонько,
Грустнымъ было мнѣ грустнѣхонько,
Мое сердце растоскуется,
Мнѣ къ батюшкѣ въ гости хочется.
Я пойду, млада, ко батюшкѣ,—
Что текутъ ли рѣки быстрыя,
Какъ мосты всѣ размостилися,
Перевощики отлучилися.
Мнѣ пришло молодой хотѣ въ бродъ брести,
акъ въ бродъ брести, обмочитися,
У батюшки обсушитися.
Мое сердце растоскуется,
Сердечный ключъ подымается;
Мнѣ къ матушкѣ въ гости хочется,
Со любезною повидѣться,
Съ любезною побесѣдовать.
И мнѣ къ «вѣрнымъ», въ гости хочется,
Со вѣрными повидатися,
Съ любезными побесѣдовать.

Дай намъ, Господи, Ісуса Христа!
Дай намъ, сударь, Сына Божія,
И помилуй, сударь, насъ!
Сошли намъ Духа Святаго, утѣшителя!
Пресвятая Богородица! упроси, мой свѣтъ, объ насъ
Свѣта сына твоего, Бога нашего.
Свѣтъ тобой спасень, Государь души нашей,

Безъ тебя, мой свѣтъ, много грѣшныхъ на землѣ,
На сырой землѣ на матушкѣ,
На сударынѣ, кормилицѣ.

Эти 3 стиха составляютъ богослужебныя пѣсни «Людей
Божіихъ»; особенно священнымъ считается послѣдній стихъ.

О ПОТОПѢ.

Потопъ страшный умножаяся,
Народъ виде испужаяся:

Гнѣвъ идетъ.

Видя воды многолюты,
Побѣжали въ горы круты

Тамъ спастись.

Дебри водой наполнялися,
Всѣ животныя выбиралися

На верхъ горъ...

Крикъ великій подымали
Когда въ водѣ утопали

Въ злой тотъ часъ...

Птицы воздухъ наполняли,
Безпрестанно все летали —

Пользы нѣтъ.

Не всѣхъ Творецъ истребляетъ,
Нѣкихъ въ ковчегъ затворяетъ

Хранить впредь.

Ной съ сынами затворился,
Когда шумъ съ водой сразился —

Бысть волна.

Онъ печалился не мало
Когда ковчегъ покрывало
Водой той.
Чернымъ враномъ извѣщался,
Вранъ къ ковчегу возвращался
Все вода.

Голубица вылетала,
День гулянья провожала —
Извѣстія нѣтъ.

День къ вечеру преклонился,
Голубь въ ковчегъ возвратился
Съ радостію.

Приносилъ онъ сучецъ знаменитый,
Отъ всѣхъ древъ отмѣнитый —
Маеличный.

Ужъ лице земли явилось,
И вода подъ землею скрылась;
Вышелъ Ной...

ХВАЛА УСПЕНІЮ БОГОРОДИЦЫ.

Апостоли съ конца свѣта
Собрашася вси безъ совѣта.
О дѣвице, твое успеніе!
Пріими наше хваленіе
И подаждь намъ радованіе!

Отецъ свыше призираетъ,
Сынъ матери руцѣ даетъ. О, дѣвице...
И ты, Сынъ мой и Боже мой!
Въ руцѣ твои предаю духъ мой. О, дѣвице.

Петръ зовяше со слезами:

«О, мати! молися за міръ съ нами! О, дѣвице, твое...

А всѣ жоны приходите;

Матерь Божию приводите! О, дѣвице, твое....

Буди хвальна и прославленна

Ты, Царица Небесная! О, дѣвице! Твое усупеніе.

Оба стиха бѣгло-поповщинской
секты, записаны въ Саратовѣ

ПѢСНЯ МОРЕЛЬЩИКОВЪ.

Охъ ты, матушка, пустыня,

Распрекрасная раиня!

Еще ктобъ тебя поставилъ;

Среди темнаго лѣсу,

Во зеленой во дубровѣ?

Не слыхать бы въ тебѣ было

Прелестнаго злаго міра.

Пришло времячко гонимо:

Народился злой антихристъ;

Въ сію землю онъ вселился,

На весь міръ вооружился.

Стали его волю творити —

Усы, бороды стали брѣти,

Латынскую одежду носити,

Трепроклятую траву пити.

Какъ возговоритъ Христосъ, Царь Небесный:

«Охъ вы люди мои, рабы грѣшныя.

Рабы грѣшныя, *неключимыя,*

Убоясь, вы, Бога, живите,
Вы мою волю творите,
Не буяню поступайте,
*Не рѣчи*сто говорите,
Не до-сыта наѣдайтесь,
Не до-пьяна напивайтесь;
Вы бѣгите въ темны лѣсы,
Зарывайтесь песками,
Рудожелтыми хрящами,
Помирайте-ка всѣ голодомъ.
Не умрете—оживете,
Моего царствія не минете.

У Кирѣвскаго стих. XLII, (стр. 219—202,
«О Антихристѣ». А. Отъ С. Павлова.

I.

Воззри съ прилежаніемъ тлѣнный человѣче,
Какъ вѣкъ твой проходитъ, а смерть недалече.
Готовися на всякъ часъ, рыдай со слезами,
Яко смерть ты восхититъ своими дѣлами.
Ангель же твой хранитель тебѣ извѣствуетъ,
Краткость жизни твоея перстомъ показуетъ.
Текутъ времена и лѣта въ мгновеніе ока,
Солнце скоро шествуетъ на западъ съ востока.
Содержай мечъ мщенія въ своей десницѣ,
Увѣщаетъ, человѣче, ты глаголатъ сице:
Убойся сего меча, отсель покаяся,
Да не посѣчетъ тебя—зѣло ужасайся.

Приидите, вси людїи, въ вѣрѣ просвѣщенїи,
Приидите во святой храмъ кротцы и смиреннїи!
Молитву прилежно къ Богу возсылайте,
На сіе писанїе умильно взирайте,
Прочитай всякъ усердно, много прослезися,
Отъ многія ревности сердцемъ умилися,
Како смерть возьметъ вся человѣки,
Прїемлетъ отъ міра на вѣчныя вѣки.

Этотъ текстъ, взятый изъ рукописи, также
записанъ нами съ пѣнія старика въ Саратовѣ.

II.

Плачуся и ужасаю,
Егда онъ часъ помышляю,
Какъ приидетъ Судья правый
Въ божествѣ своя славы
Судъ праведный судити
И страшный отвѣтъ творити.
Тогда земля потрясется,
Каменїе распадутся;
Тогда небеса погибнуть
И звѣзды на землю спадуть;
Рѣка огненна потечетъ,
И всяку тварь въ себѣ пожретъ.
Ангелы въ трубы затрубятъ,
Мертвыхъ отъ гробовъ возбудятъ,
И равны возрастомъ станутъ
Предъ тѣмъ судищемъ Христовымъ.
Ангели престолъ поставятъ,

Приходъ Судіи прославятъ;
Апостолы, вси пророци,
Святители, мученицы,
Патріарси и праведніи,
Преподобніи и святіи
Около будутъ стояти,
На нечестивыхъ взирати:
Охъ какъ стерпимъ страха того,
Какъ явимся лицу его!
Тогда на всѣхъ возопіетъ,
А на грѣшныхъ отвѣщаетъ:
«Идите тамъ, проклятые,
До тьмы и муки вѣчныя!
Тамъ вамъ пропасть пекальная,
Бѣда и мука вѣчная.»
Того насъ, Христе, сохрани,
Отъ тѣхъ насъ мукъ избави,
Боже, отъ Дѣвы рожденный
И ко кресту пригвожденный!

III.

Въ чистомъ небѣ рай населенъ. Человѣче, помни!
Радость, сладость, вѣчный покой.
Въ темномъ адѣ тартаръ сдѣланъ. Божій рабъ, помни!
Превѣчный огонь, страхъ и печаль.
Въ чистомъ небѣ всѣ праведніи. Человѣче, помни!
Въ темномъ адѣ вси грѣшніи. Божій рабе, помни.
Въ чистомъ небѣ всегда радость. Человѣче, помни!

Въ темномъ адѣ вѣчная горестъ. Божій рабе, помни!
Въ чистомъ небѣ вѣчно веселье. Ч. п.!
Въ темномъ адѣ страшно мученье. Б. р. п.!
Въ чистомъ небѣ самъ Богъ живетъ. Ч. п.!
Въ злобномъ сердцѣ душа стонетъ. Б. р. п.!
Христе Царю, рай создавый, отъ грѣховъ насъ спаси;
Быти, жити, въ рай вселити.
Христе Царю, адъ поправый
Враги наша зринувъ,
Огня, вопля насъ избавиль.

—
IV.

Самъ я не знаю, якъ на свѣтѣ жити,
Бывши тѣломъ на свѣтѣ, Богу не грѣшити!
А я хочу жити и еще грѣшити,
А тутъ кажутъ умерети и въ гробѣ жити.
А я о смерти и не помышляю,
О спокутѣ ⁽¹⁾ немышляю, а ниже ся каю.
Скоро солнце зайде, заразъ положюся,
О сповѣди немышлю, а на тежъ очкнуся.
Заря зарюетъ, аль едва очкнуся,
И, вспомнивши на грѣхъ свой, слезами зальюся.
Ангель пытается, и подъ бокъ торкаетъ,
Страшнымъ судомъ и вѣчнымъ душу ми ленкаетъ ⁽²⁾;
Подобно онъ знаетъ, иже мя торкаетъ,
Же страшная смерть на мя косу закладаетъ.

⁽¹⁾ Покаяніи.

⁽²⁾ Пугаетъ.

Постелють въ трунѣ ⁽¹⁾ тѣсное мя ложе,
Душа страху наберется; охъ бѣда, небоже!....

—

V.

А кто, кто Николая любить,
А кто, кто Николаю служить,
Тому святыи Николае
На всякій часъ помогаетъ. Николае!
А кто, кто живетъ его дворѣ,
Николай на земли и въ мори
Изметъ его отъ напасти,
Не дастъ ему и пропасти. Николае!...

Изъ рукописи XVIII ст., въ библ. Каз. Унив.

~~~~~

БѢЛОРУССКІЕ СТИХИ.

1) СТИХЪ.

ЗА ЗДОРОВЬЕ.

А мы нищя брацья,
«А мы вбогii старцы,
Мы далжны Бога малици,
Въ Христа миласци прасици,
За ваенна чалавѣчка
И за щасцѣя яво — за дольку,
За гряховъ атпущенья.

А пащасць яму, Гасподзь Богъ,
Па пущамъ па дарожкамъ,
А при Царскую службу,
При вялікаю няволи,
А при крѣпкихъ каравулахъ,
Падъ цяжолаю муницай,
При начлегахъ, при впакояхъ,
А при Божаю церкви,
При атцовская малитвы;
Бацюшкінымъ баславеньямъ,
Матушкінымъ спараждзѣньямъ,
Нашымъ ницінскімъ малитвамъ.
Прыстань, Госпадзі, на помахъ,
Святыи Ангели — на радасць.
Самъ Хрыстось Царь Нябеснай,
Маць Прычистая Царица,
Багародзіцка Маць Божья,
Васкрасенійца Хрыстова,
Вазнясенійца святоя,
Найрочальная пятніца,
Жывначальная троицка,
Хрыстацѣрніца Хрыстова,
А Святой ли Пётръ и Павелъ,
А Кузьма са Дзямянамъ,
А Михайла Архайла,
Свѣтъ Гаврила ли блagавѣрнай,
Харувімі сарахвеннай,
Александра прыпадобнай,
Навабрамі Навгародскай,

А Барису-ль свѣту-Хлѣбу,
Вся нябесная сила,
А Ягорій Христацѣрпникъ,
Архирей Божій Микола,
Худавскія чудатворцы,
Свѣтъ Илья Божья прарока,
Агняная ль калясница,
Вся нябесная сила;
А Сцяпанъ — Божій папутникъ,
Хрисціянскій заступникъ,
Іонъ мажанскай свяцициль,
Святой Спасъ и спасициль,
А спасай яво, памилуй!
За ваеннава чалавѣчка,
Пащасць яму Гасподзь Богъ,
Па пудямъ — па дарожкамъ,
Па чужимъ дальнымъ старонкамъ,
А при Царскаю службы,
При вяликаю няволи,
А при крѣпкихъ каравулахъ,
Падъ цяжолаю муницай.
А спаси жъ яво, памилуй
Ать агнянава пажару,
Ать вадзяную патопы,
Ать зялѣзнава пасѣку,
Что ать наглая смерци,
Сахранай, Божа, памилуй
Ать ложная пасцѣлки,
Буйну голаву ать боли,

Ясны глазки ать нищоты,
Ать туги яво— ать пячале,
Ать цяжолава вздыханья,
Кабъ ать слёзнава взрыданья,
Ать-лихова-ль чалавѣка,
Ать нявѣрнава языка,
Ать напраснава-ль слова
Кабъ ать наглая смерци !
Надзяляй яво хлѣбамъ — солю,
Живатками на падворью!
Цилясамъ яво здаровья,
Бѣлу-ль цѣлу палякченья,
Души вѣчная спасенья,
Пра всякъ дзень, пра всякъ часъ,
Пра всякая время!
Куды думайшь гадаишь,
А на нищую брацью,
Дзисяцину завятаишь !
Завятай табѣ Гасподзь Богъ,
На дашу вашимъ — падворью
Многа хлѣба, многа соли,
Живатковъ на падворью,
Бацюшкинамъ баславеньямъ,
На всякъ дзень на всякъ часъ,
На всякая время!

У Кирѣвскаго XLV, XLVI, XLVIII.

2) СТИХЪ.

НА ПОМИНЪ ДУШЪ.

«Госпаdzi васпамяни славныя памяци радзипцiлiй
вашихъ!

Атцы ваши да мамы, Божа, васпамяни!

Атцы ваши хрѣсныя, б.

Хресникамъ — хресницамъ, б.

Пляменникамъ, пляменницамъ, б.

Свѣкры, свякровки, б.

Дзiвярѣя — заловки, б.

Въ раду пакаленiя во всѣмъ почитанiя, б.

При абѣдняхъ и при заутриняхъ б.

При царквахъ — при Божьихъ домахъ, б.

За ясными свячами, за гласными званами, б.

За ѣвствамъ харувимскимъ, б.

За браными скацярцами, за салодкими куцѣями, б.

За мяккими праскурками, за пахучимъ ладуномъ, б.

Заклучѣнныхъ паланѣнныхъ, въ вайны пасячонныхъ,
божа васпамяни!

Грамамъ забиващихъ, маланьѡй палящихъ, на агню
пагарящихъ, б.

На вады патапляющихъ, съ боку присыпущихъ (?), б.

Галоднай смерцяй памѣршихъ, б.

Каторыи душачки бизъ каплану паміралі, б.

Въ Божай церкви ни бывали, Сакраменту ни примали, б.

Вдовъ ли — сиротъ, бизпріютныхъ галовъ, б.

Въ чужі землі завядзѣны, што некаму памінаць,

па имяни называць, на вспамянь души даваць, б.
Вайрячи (?) ихъ, свѣтъ Христось ва книги въ животныи, б.
Въ псалтыри въ суботѣи, въ граматы царковныи, б.
Данясишь ихъ, свѣтъ Христось, тыи душачки, б.
Да горада Русалима, да царя Давыда, б.
Исакавы, Якавы мощи спачиваюць, б.
Дай, Божа, тыи душачки ва гораdzi въ Русалии въ
раю раявали, б.

Са святыми спачивали, б.
Вѣчная имъ памяць, вѣчная имъ памяць, вѣчная имъ
памяць!
Саздай имъ, Божа, рай свѣтлай, зямельку лёккую и
чарства нябесная.»

---

3) СТИХЪ

СВЯТОМУ ЛАЗАРЮ.

«Какъ была на свѣци, да на вольнамъ, святомъ,
Какъ жилъ—былъ багатай славинъ багатырь (богачъ).
Была въ яво многа хлѣба и соли,
Была въ яво многа злата сирябра,
Дарагова кмину (вѣроятно камень). — жамчугъ за-
всягда.

Былъ у багатава убогай старикъ,
Болинъ іонъ, болинъ и ни магуцѣнь,
Вяликай хваробушкой, всё уродливаю.
Падходзиць тотъ убогай къ багачу на домъ;

Васкрикниць тотъ убогай громкимъ галасомъ:

«Брациць мой, брацитка — славинъ багатырь,

Атапри вароцитки пазлачоныи!

Пра имя Христова напой — накарми!

Ня яжъ табѣ заплачу, Гаспоць заплациць,

А святыи Ангили съ нябѣсь вазнясуць.»

Выходзиць багатай самъ за вароты,

Пирядъ братцамъ Лазарямъ строга атказалъ:

«Ты, брациць, мой брациць, вбогай чалавѣкъ,

А чомъ камнѣ братцамъ вазываишся,

А чомъ ка мнѣ роднымъ нарыкаишся?»

Плюнулъ ѱонъ, харкнулъ, вароты запѣрь:

«Што ты мнѣ ня брациць и ня роднай мой,

Ляжишь ты, Лазарь, болинь ва гнаю,

И смардзишь ты, Лазарь, какъ лютаи псы,

А чомъ ка мнѣ братцамъ вазываишся,

Въ мяня братца Лазаря въ раду ни было;

Ѣсць въ мяня братцы палуччи цябя,

Въ каторыхъ многа хлѣба и соли,

Въ каторыхъ многа злата — сирября,

Дарагова — ль кмину — жамчугъ завсягда:

Вотъ ман братцы радныи были,

А ты жъ мнѣ ня брациць и ня роднай мой.»

Ня была жъ въ томъ доми спасѣнай души,

Никто жъ таво Лазаря, ни паилъ ни кармилъ,

Атъ цѣмная ночиньки да ни сахранилъ.

Была жъ въ яво доми два лютыи псы,

Па падстолю люты псы вазляживали,

Всѣ мелкія крошачки вазбирывали,

Убогаму Лазарю принашибали,
Да тымъ яво душачку воспитывали,
И бальныя ранушки зализывали,
Да тымъ души лѣгасци ваздаывали,
Всѣ бальныя ранушки зализывали.
А съ ѣтава жъ Лазарь и добъ и здаровъ;
Навчился Лазарь, вбогай чалавѣкъ,
Госпаду малитца, малитвы твариць,
Ва Госпада Бога миласци прасиць.
«Ахъ, Божа-ль мой, Божанька Спасъ миласливый!
Сашли жъ ты мнѣ, Госпадзи съ нябесъ Ангеливъ,
Па мае жъ па душачку на Лазаряву,
Нацярпѣлась душачка на вольнамъ святу,
И холаду-ль голаду, всякихъ славясовъ.»
Выслушалъ Гаснодзь Богъ малитву яво,
Правидну-ль малитву Лазарь гавариць.
Саславъ яму Гаснодзь Богъ съ нябесъ Ангеливъ,
Двухъ ли яму чесныхъ, двухъ миласливыхъ,
Па яво па душачку па Лазариву,
Вынимали душачку въ сахарны уста,
Вынимали душачку чесна, харапо,
Чесна, харапо, съ папамъ, са дзьякамъ.
Пасадзили душачку на ризу-пиляну,
Панясли яво душачку въ рай на пристолю,
Пасадзили душачку въ рай на пристолю:
«Раюй ⁽¹⁾ жа тутъ, душачка, вѣки па вякамъ,
За сваю жъ ты правду за правиднаю,

---

(1) Раевать—жить въ раю.

За сваи жъ ты мысли за щираснии!»
Нямножка жъ та часу да время згадзя,
Захацѣль багатай въ поля пагуляць,
Запрѣгъ багатай славныхъ лошадей,
Пасадзиль багатай жану и дзяцѣй:
Са права-ль боку малада-ль жана,
Са лѣва-ль боку три роты людзей;
Напярѣдъ бяжаць яво барзыи псы;
На блюдахъ падносяць и мѣдъ, и вино,
Лакеи-ль падвозяць злата-серебра.
На Госпада багачъ ни впаваль,
Вяликаю гордасць іонъ мѣль ва сабѣ.
Какъ взялъ жа багатай паругаватца,
Какъ взялъ жа багатай пахваливатца:
«Ни баюсь багатай ни кимъ ни каво,
Ни баюсь багатай ни чимъ ни чаво.
Я атъ Госпада Бога малитвамъ атмалюсь,
Атъ лихова барина казной аткуплюсь,
Атъ зла чалавѣка ружѣмъ атабюсь,
Атъ нищихъ-убогихъ вароты-ль запру;
Ня буду жъ я нищихъ ни паиць, ни кармиць,
Атъ цѣмнай атъ ночаньки я ни сахраню,
Нужнава съ нужды я ня выручу,
Цѣмную ль цямницу я ни прасвящу,
При пуци-ль сидящихъ я ни падарю,
Никагда-ль, багатай, въ церкву ни пайду,
Пярэдъ Богамъ свѣчи ни пастанавлю,
Залатова ль хреста, багачъ, ни абзлачу!»
Аткуль тая взялася немачъ-хвароба,

Вяликая хваробушка всё вродливая;
Схвацила-ль багатава за бѣлаю грудзь,
Падняла жъ багатава къ верху высако,
И вдарила-ль багатава абъ сыру зямлю,
Атбила-ль багатаму и вумъ-и розумъ.
Ня вспомнилъ багатай ни чимъ ни чаво,
Ня узрилъ багатай двара ль-сваяво;
Приукрасный домъ яко агнѣмъ падняло,
Всѣ жицьѣ-ль багатства агнемъ разнясло,
И медъ-и вино яво земля приняла,
Злата-ль серибра яво людзи разняли,
Малада-ль жана съ дзяцямъ на пабѣгъ пашла,
Барзыи-ль ты яво да лѣсу ль-пашли.
Ня стала въ багатава ни кимъ ни каво,
Ня стала въ багатава ни чимъ ни чаво;
Васпомнилъ багатай Госпада Бога:
«Ахъ, Божа-ль мой, Божанька, Спасъ миласливый!
Сашли жъ ты мнѣ, Госпадзи, съ нябесъ Ангиливъ,
Двухъ ты мнѣ часныхъ, двухъ миласливыхъ,
Па маю па душачку па багатую!
Пиль, ѣль смачна, хадзилъ харашо,
Бархаты-ль атласы завсягда насиль,
На добрыхъ на коничкахъ разѣзживаль я.»
Выслушаль Гасподзь Богъ малитву яво,
Грѣшную-ль малитву багачъ гавариць;
Саслалъ яму Гасподзь съ нябесъ Ангиливъ,
Двухъ ли яму строгихъ, двухъ нямиласливыхъ,
Съ жалѣзными крюками са вострымъ кашѣмъ,
Ламали багатаму лѣвая рябро,

Зачапили душачку зялѣзнымъ крюкомъ,
Працянули душачку скрось цѣмя яво,
Вастарнули душачку на востра кашѣ,
Падняли душу яво къ верху высако,
Панясли душу яво, круця да муця,
Принясли душу яво къ поламю-агню,
Вкинули-вбросили въ поламя да въ агонь:
«Сгинь ты, прападзи тутъ, такой багатырь,
За сваю жъ ты правду ня правиднаю,
За свая жъ малитвы прагрѣшанны!»
Мучицца багатай дзень да вечира,
Ня можиць багатай той муки сцярпѣць,
Зирая, вирая са пѣкла на рай,
И заглядзѣль багатай Госпада Бога,
Посли жъ іонъ Госпада самаво Христа,
Посли самаво Христа Абрама въ раю,
Посли жъ Абрама братца Лазаря.
«Брациць мой, брацитка, вбогай чалавѣкъ!
Ядзиная жъ матушка съ табой насъ радзила,
Ни адной насъ долюшкой Гасподзь надзялиль:
Цабя Богъ надзялиль, багача ва цѣму;
Схадзи жъ, мой брациць, вбогай чалавѣкъ,
Схадзи на сине моря въ халоднай вады,
Памакни въ правай руки мизѣнай пѣрстъ,
Памажъ па маму цѣлу па багатаму,
Ня дай мнѣ, брацитка, всяму сгарѣць.»
— «Вспомни жъ, мой брацитка, славинъ багатырь,
Какъ жили жъ мы-были съ табой на вольнамъ святу,
Што жъ я, брацитка, на то ни впавалъ?

Могъ ба я зачерпнуць полная вядро,
Могъ ба прикрациці полань да агонь.
Ня даль ба я, брациць; всяму сгарѣць;
Да тутъ, брациць, волюшка да виць ни мая,
Да тутъ, брациць, волюшка самаво Христа;
Васпомни жъ, мой брацитка—славинъ багатырь,
Чиризъ што ты, брацитка, свой рай праступилъ!
Вскайлся багатай да ни вримяномъ.
А чиризъ ета, брацитка, свой рай праступилъ,
Што ты мяня, брацитка, за брата нямѣль;
Ты мѣль мяня, брацитка, за лютава пса:
Чиризъ ета, брацитка, свой рай праступилъ.
Никали багатай въ церкви ни хадзилъ;
Пирядъ Богамъ свячи ты ни становилъ,
Чиризъ ета, брацитка, свой рай праступлѣ.
Залатова хряста багачъ ни обзлачалъ,
Чиризъ ета, брацитка, свой рай праступилъ.
Нищихъ—убогихъ на домъ ниспущалъ,
На домъ ниспусцивши, ни пайлѣ—ни кармилъ,
Чиризъ ета, брацитка, свой рай праступилъ.»
—«Чаму жъ ты мнѣ, брацитка, тады ни сказаць?
А ябъ цябя, брацитка, за брата бѣ имѣль,
Мѣль ба я, брацитка, какъ душу свою,
Пили бѣ мы—ѣли съ табой съ аднаво судна,
Плацiйка бѣ насили съ аднаво сукна;
Нищихъ бы убогихъ на домъ бы впускаръ,
На домъ бы спусцивши, пайлѣ бы—кармилъ,
Атѣ цѣмнай атѣ ночаньки всягды бѣ сахраняль,
Службу бѣ—абѣдню всягда бѣ закупаць,

Я бѣ самъ, закупивши, багачъ—выслушалъ.
И вскаился жѣ багатай да ни вримяномъ.
Убогому Лазарю золать хрёстъ паёмъ;
А вамъ, добрымъ людчикамъ, на памяць даемъ.
Царю Государю на чесць—на хвалу,
Паслухающимъ на добрая здаровья!

СТИХЪ

АЛѢКСѢЮ БОЖЬЮ ЧЛОВѢКУ.

Ва славнамъ ва горадзи ва Врими
Какъ жилъ былъ вяликъ царь Амхирѣнъ князь,
Ни было въ яво ядзинава дзицяци
Съ сваёю абрушной княгиняй,
Абрушной княгиняй Кацяринай.
Вяликъ ли царь Амхирѣнъ князь,
Да Божай церкви іонъ даступая,
Зазмолицца Богу са слязами,
Са вяликими іонъ са трудами.
Кладзецъ іонъ паклоны зимляныи
Зимляныи паклоны всё нискіи:
Саздай Богъ ядзинава дзицяцю
Съ сваёю абрушной княгиняй,
Абрушной княгиняй Кацяринай,
Са младасци лѣтъ мнѣ на вцяшонья,
Къ старасци лѣтъ на взбिरаженья,
На всканьчанья жисци на вспаминъ души.»

✱

Навзрилъ Господзь Богъ яво малитву:

Съ таво часу—съ таво время,

Абрушна княгиня паняслася;

Панось снасивши, спарадзила,

Радзила княгиня сабѣ сына.

Пашолъ вяликъ царь Амхирѣнъ князь

Па всимъ па падзямельнымъ саборамъ,

Па всимъ па падсвятлишнымъ окошкамъ,

Князей—баярій зазываци,

Дзяжковъ—паповъ іонъ сабираци

Ваянгальску книгу падымаці,

Младзенцу имя нарыкаці;

Нарякли имя Аляксѣйка,

Аляксѣйка Божья чалавѣчакъ.

Какъ сталъ Аляксѣйка свѣтъ на взрощи,

Навзрощи Аляксѣйка свѣтъ сямихъ лѣтъ,

Атдалъ яво батюшка въ школу,

Читаць, писаць, граматы учицца;

Скора яму грамата сдалася,

Читаць, писаць скоро іонъ панялся,

И всякай рукадзи навчился.

Какъ сталъ жа Аляксѣйка свѣтъ сямнатцать лѣтъ,

Задумалъ вяликъ царь Амхирѣнъ князь,

Задумалъ яво іонъ ажаниці,

Вяликай няволяй приняволилъ.

Станавился свѣтъ Аляксѣйка

На залатой іонъ на вянечикъ:

Самы званы зазванили,

Самы ясны свѣчи затапились;

Ядзинаму Богу присягали,
Залатымъ пярснямъ памяняли,
Па вѣкъ дружка дружку возлюбляци,
Па вѣкъ дружка дружку ни кидаци;
Павяли Аляксѣйку съ Божья церкви,
За праву за бѣлаю за ручку,
Ва бѣлы каминны палаты,
За тый ль дубовый трапѣзы.
Аляксѣй хлѣба-соли ни вкушайць,
Горячимъ слязами заливайць,
Зазорилъ вяликъ царь Амхирѣнъ князь:
«Милая дзицитка Аляксѣйка!
Чаво хлѣба-соли ни вкушайшь,
Гарячимъ слязамъ заливайшь?
Ци табѣ княгиня ни въ любви,
Аль табѣ абрушна ни въ сувѣци?»
«Вяликъ царь Амхирѣнъ князь, —
Абрушна княгиня мнѣ въ любви,
Мнѣ въ любви и въ сувѣци.»
Въ пярвомъ часу да была въ ночи,
Вывадзили Аляксѣйку съ затрапезавъ;
Ва втаромъ часу да была въ ночи,
Павяли Аляксѣйку спачиваци,
Ва новыи цисавыи ва краваци,
Ва бѣлыи пуховыи ва пярины.
Лажился Аляксѣйка спачиваци .
Ка Божіей церкви бѣлымъ лицомъ.
Въ шастомъ часу да была нѣчи,
Князя и баяра пазаснули.

Вси добры людзцы спаць вягліся,
Съ пиру—са бясѣды приуцяхли.
Въ васьмомъ часу да была въ ноци,
Князья и баяры вставали,
На пиръ—на бясѣду увзнялися.
Схвацился вяликъ царь Амхирѣнъ князь
Любимава сына Аляксѣя.
Въ дзявятамъ часу да была въ ноци,
Аляксѣйка ата сну прабуждался,
Сбужаль сваю абрушную княгиню,
Абрушну княгиню Кацярину:
«Устань мая абрушна княгиня,
Сними съ мяня цвѣтная плацья,
Сними съ мяня залатой персцинь,
Пусци жъ мяня Богу памалицца,
Са младасци лѣтъ миѣ патрудзицца.»
Абрушна княгиня вазмалчала,
Привѣту—отвѣту ни падала.
Пашоль жа свѣтъ Аляксѣйка
Ва ту ль ягипитскаю землю,
За тоя ль за синя за моря,
За тоя въ Римская ва царства.
Станавился свѣтъ Аляксѣйка,
Прячистой Царицы ва притвори,
На правай руки іонъ на приперсни.
Схвацился вяликъ царь Амхирѣнъ князь
Любимава сына Аляксѣя;
Паслалъ іонъ сваихъ всихъ вѣрныхъ служакъ
Па всимъ пуцямъ іонъ па дарожкамъ,

Па всимъ чатыремъ дальнымъ старонкамъ;
Яво-ль вѣрны слўжки разъяжаюць,
Турецкаю ль зямлю праязжаюць,
Нигдзѣ Аляксѣйку да ни дазнали,
Нигдзѣ Аляксѣйку да ни спазнали;
Пачаму жъ Аляксѣйку да ниспазнали.
Станавился свѣтъ ли Аляксѣйка,
Ва старицкой (нищенскій) іонъ ва рядочикъ,
Аляксѣйка миласцину принимаиць,
Па нищай іонъ брацьи пасылаиць;
Патаму жъ Аляксѣйку да ниспазнали;
Патаму Аляксѣйку да нидазнали.
Малился трудзился са радзѣнья,
Іонъ клалъ паклоны зимляныи,
Зимляныи паклоны, всѣ вискія,
Всякую суботу спавядался,
Всяка Васькрасенья причащался,
Скушалъ іонъ въ нядзѣлю па праскурки,
Іонъ тридцаць лѣтъ и съ тремъ лятамъ.
Рячиць яму Прячистая Царица:
—«Аляксѣйка Божья чалавѣчакъ!
Пара жъ ця ка гораду ка Вриму
Ва сваю-ль радзимаю старонку!»—
«Ацець мяня съ матушкой взная,
Абрушна кигяиня приўзрїя.»
—«Аляксѣйка Божья чалавѣчакъ,
Ацець цябя съ матушкой нязная,
Абрушна княгиня ни узрїя, —
Русы валасы въ цябя па плечы

Бародушка въ цябя па грудзи:
Ацець цябя съ матушкой нявзнаиць,
Абрушна княгиня ня узріиць.»
Пашоль жа свѣтъ ли Аляксѣйка
Ва сваю радзимаю старонку,
Ва свае-ль ва Вримская царства,
Ва сваю-ль ва Вримскую-ль церкву.
Станавился свѣтъ ли Аляксѣйка
Ва Вримская-ль церкви да ва притвори,
На правой руки іонъ на приперсни;
Вазмолицца Богу са трудами
Са гарючими іонъ са слязами;
Кладзець іонъ поклоны всё зимлянны,
Зимлянны поклоны, іонъ нискіи.
Въ пярвомъ часу да была утрини,
Идзець вяликъ царь Амхирѣнъ князь,
Идзе іонъ Богу памалицца,
Идзе іонъ Богу патрудзицца;
Ва втаромъ часу да была утрини,
Выходзиць вяликъ царь памалившись;
Аляксѣйка Божья чалавѣчакъ
Пірядъ князямъ низѣшинька васкланился,
«Здравстуйця, вяликъ царь Амхирѣнъ князь,
Радастную вамъ вѣстачку абвящаю,
Пра любимава сына Аляксѣя!»—
—«Пачаму жъ вы мнѣ вѣстачку абвящаица,
Пра любимава сына Аляксѣйку?»—
«Въ адной старонки мы съ имъ были,
Аднымъ мы бялымъ пяромъ писали,

Въ адну съ имъ граматку читали,
Всякую-ль субботу спавядались,
Всякая Вакрсясенья причащались,
Вскушали въ нядзѣлю на праскурки.»
Малился любимай сынъ Аляксѣйка:
«Паставишь ли келейку маленьку,
Ня радзи жъ мяня, вбогава старца,
Радзи сваво сына Аляксѣйка.»
Паставилъ вяликъ царъ Амхирѣнъ князь
Паставилъ іонъ келью ни примѣсци,
Гдзѣ рабы рабинки вонъ выходзюць,
Панови пасуду памываюць,
На келью памойки взливаюць.
И тожъ Аляксѣйка ни възнявился,
Въ малиньку келью пристуцаиць,
Са радасци муку принимаиць;
Малился трудзился са радзѣнья;
Спазналь іонъ сваей жисци всканчанья;
Какъ взяль жа іонъ бѣлай листъ бумаги,
Какъ сталъ іонъ читаць яво, писацц,
Всё сваё іонъ прахаждзенья,
Всё сваё іонъ прицарплѣнья.
Ститавши-списавши пиряставился.
Каминна грабница аблажилась;
Па всяму жъ па гораду па Вриму
Дамьянамъ ладунамъ запаха,—
Князьёви-баяри узгадаюць:
«Ай ли тутъ святой духъ нарадзился,
Ай ли святой духъ пиряставился?»

Вяликъ ли царь Амхирьёнъ князь
Ва малиньку келью пристунаиць,
Грабницу слязами заливаиць:
— «Вы, мощи, вы, мощи, вы, святыи!
Саздайця сваей руки читанья,
Какъ была пачемъ васъ пагрябацц,
А во вики васъ низдалася!» (?)
Вяликъ ли царь князь Парфѣевъ,
Ва малиньку келью пристунаиць,
Грабницу-ль слязами заливаиць:
«Вы, мощи, вы, мощи, вы, святыи.
Саздайця сваей руки читанья,
Какъ была пачомъ васъ пагрябацц
А во вики васъ паминаци.»
Аляксѣйка Божья чалавѣчакъ
Сваей правой ручкай размахнулся,
Саздалъ ёнъ сваей руки читанья.
Какъ сталъ жа Парфѣевъ князь читацц
Увсё яво прахаждзенья,
Увсё яво працярплѣнья;
Тады Амхирьёнъ князь дазнался:
«Милая дзицитка Аляксѣйка,
Чаму жъ вы тады намъ ни сказались,
Какъ вь ету старану да паявились?
Паставили бъ келью мы ни такую,
Яще мы ни вь етакимъ мѣсци;
Паставили бъ келью мы, гдѣѣ церква,
Вярхи бъ вывадзили, пазлаццли,
Магли бъ мы Богу памалицца,

Магли бѣ мы съ табаю патрудзицца.»
Дазналася матушка радная;
Ва малиньку келью приступая:
«Аляксѣйка Божья чалавѣчакъ!
Чаму жѣ вы тагда-ль намѣ ни абвясцились,
Какѣ въ ету старонку да паявились?
Паставили бѣ мы келью ни такую,
Ящо-ль мы ня въ етакамѣ мѣсци;
Паставили бѣ келью мы гли церкви,
Вярхи бѣ вывадзили, пазлацили,
Магли бѣ мы Богу памалицца
Магли бѣ мы съ табаю патрудзицца;
Пачащи глазамѣ ба аглядала,
Пачащи рубашучку бѣ смяняла;
Адно бѣ мы кушанья скушали.»
Дазналася абрушная княгиня,
Абрушная ль княгиня да Кацярина,
Ва малиньку келью приступаецъ,
Грабницу слязами заливаецъ:
«Аляксѣйка Божья чалавѣчакъ!
Чаму жѣ вы тагда намѣ ни абвясцились,
Какѣ въ ету старонку паявились?
Паставили бѣ келью мы ни такую,
Яще мы ня въ етакамѣ мѣсци:
Паставили бѣ келью мы гли церкви,
Вярхи бѣ вывадзили, пазлацили;
Магла бѣ я съ табаю памалицца.
Магла бѣ я съ табаю патрудзицца,
Судзиль намѣ Гасподзь съ табой вячатца,

Сузилъ ба Гасподзь съ табой сканчатца.»

Нямножка жъ часу сгадзя-время,

Абрушная ль княгиня пириставилась,

Каминна грабница аблажилась,

Па всяму жъ па гораду па Вриму

Дамьянамъ-ли-ладунамъ запаха.

Князьёви-баяри узгадаюць:

«Ай ли тутъ святой духъ пириставился!»

Атъ малинькай келью да церкви

Всё златамъ да серибрамъ услалась;

Са всихъ пуцтй са дарожакъ,

Са всихъ чатырѣхъ дальныхъ старонакъ,

Увсѣ дабраи людзи сабираютца,

За злата за серебра ни взимаютца,

Къ святымъ масцамъ прикланяютца.

Пачаму жъ за злата ни взимаютца,

Святымъ мащамъ прикланяютца?

Патаму жъ за злата ни взимаютца,

Святымъ мащамъ прикланяютца,

Давалъ іонъ нямымъ прамавленья,

Давалъ іонъ глухимъ праслушанья,

Давалъ іонъ бязрукимъ увлажденья,

Давалъ іонъ бязногимъ пражаждзенья.

Во имя атца и сына и святага духа, аминь.

Аляксѣйки Божью чалавѣку, золотъ хрестъ,

А Царю Гасударю на чесць на хвалу,

Добрымъ людзямъ паслухающимъ—на добрая зда-
ровья.

СТИХЪ.

КНИГА ГАЛУБИНАЯ.

«Што на матушки на святой Руси
На святой Руси на падсвѣтнаю,
Што на той горы Сарайчинскую,
Ахъ, ня чуда-ль тамъ сачудзилася,
Ни праявушка-ль праявилася,
Выпадала книга галубиная,
Привялика книга галубиная:
Вдоль книга сарака лакоть,
Папярогъ книга двадцати лакоть,
Привялика книга галубиная!
На рукахъ дзяржаць—ни вдзяржаць яну,
На престоли класць—ни вляжиць яна,
Па листамъ читаць—ни вчитаць яну,
Па сцихамъ хадзиць—ни вхадзиць яну.
Ка той книги сабירаліся,
Сабіраліся, саязжаліся,
Саязжаліся сумняваліся,
Сораць паповъ са паповичамъ,
Сораць дзьяковъ са дзьяковичамъ,
Сораць пановъ са пановичамъ,
Сораць князёвъ са князёвичамъ,
Сораць царёвъ са царёвичамъ;
Сабрались два царя прямудрыи,
Прямудрый царь Давыдъ Авсѣявичъ,

Малатоминъ царь Малатомъивичъ ⁽¹⁾,
Іонъ харошъ загадачки загадаваць:
«Вы паслушайця, вси людзи добрыи,
Людзи добрыи, мужи чесныи!
Распячатую Книгу, галубинаю:
Па листахъ читаць—ни вчитаць яну,
Па сцяхъ хадзиць—ни вхадзиць яну.
Я скажу вамъ, братцы, па памяци,
Я па памяци, какъ па грамацц,
Атъ чаво зачался у насъ бѣлай свѣтъ,
Атъ чаво зачались noci цѣмнаи,
Атъ чаво зачались росы цѣплаи,
Атъ чаво зачались вятры буйныи,
Атъ чаво зачались дажди дробныи,
Атъ чаво зачались звѣзды частыи,
Атъ чаво зачались зори утринны,
Зори утринны, привячерніи,
Атъ чаво зачалась сонца красная,
Атъ чаво зачался свяцѣль мѣсяць..
«А свяцѣль мѣсяць отъ бялой грудзи,
Атъ бялой грудзи самаво Христа,
Самаво Христа, Царя Нябеснава;
Сонца красная отъ лица яво,
Атъ лица—ль яво, самаво Христа,
Самаво Христа Царя Нябеснава;
Звѣзды частыи атъ ачей яво,
Атъ ачей яво, самаво Христа,

---

¹⁾ Волотоманъ Волотамановичъ, изъ котораго въ иныхъ вариантахъ явился Володиміръ Володиміровичъ.

Самаво-ль Христа, Царя Нябеснава;
Вятры буйныи отъ Свята Духа,
Ать Свята Духа, самаво Христа,
Самаво-ль Христа, Царя Нябеснава;
Дажди дробныи ату слезъ яво,
Ату слезъ яво самаво Христа,
Самаво Христа, Царя Нябеснава;
Ночи цёмнай ать пасня (тѣни) яво,
Ать пасня яво, самаво Христа,
Самаво Христа, Царя Нябеснава;
Увесъ бѣлай свѣтъ отъ луны(?) яво.»

—«Слава табѣ, прямудрай царь,
Прямудрай царь Давыдъ Авсѣявичъ,
Малатоминъ царь Малатомъивичъ,
Іонъ харошъ загадачки загадываць,
И загадываць, и атгадываць!
Охъ скажи-ка жъ ты, прямудрай царь,
Што каторай царь всимъ царямъ ацець?»—
«Биларускай царь всимъ царямъ ацець?».
—«Пачаму жъ Биларускай царь всимъ царямъ ацець?»—
«Патаму жъ Биларускай царь всимъ царямъ ацець,—
Іонъ дзяржиць вѣру хрысціянскую,
Хрысціянскую, багамольную;
Кали будзя время апаслѣдняя,—
Вси цари-карали къ яму приклонютца.
Патаму Биларускай царь всимъ царямъ ацець.»
—«А каё жъ дрэва всимъ дрявамъ ацець?»—
«Купарисъ-дрэва всимъ дрявамъ ацець.»
—«Пачаму жъ купарисъ дрэва всимъ дрявамъ ацець?»—

«Прасвятая маць Багародзица

Гли таво древа долга мучалась,

Варуняла (выроняла) слёзки са ясныхъ ачей,

Са ясныхъ ачей въ сыру маць землю,

Са яе слёзакъ трава вырасла:

Патаму купарисъ-древа всимъ дрявамъ ацець.»

—«А кая жъ трава всимъ травамъ ацець?»—

«А плакунъ-трава всимъ травамъ ацець.

—«Пачаму жъ плакунъ-трава всимъ травамъ ацець?»—

«Патаму плакунъ-трава всимъ травамъ ацець, —

Вырастала яна са гарячихъ слёзъ

Прасвятой Маці Багародзитки:

Патаму плакунъ-трава всимъ травамъ ацець.»

—«А кая жъ рьяка всимъ рьякамъ ацець?»—

«А Ярданъ всимъ рѣка рьякамъ ацець.»

—«Пачаму жъ Ярданъ-рьяка всимъ рѣкамъ отецъ?»—

«Прасвятая Маць Багародзица

Гли Ярданъ-ряки успайродзила (родила)

Са дзвянадцацы, што са Ангилимъ,

Са дзвянадцацы, са Апостоламъ,

Са дзвянадцацы са учицямъ,

Со дзвянадцацы крыласамъ царковнымі:

Патаму Ярданъ-рьяка всимъ рьякамъ ацець.»—

—«А каторай горадъ гарадамъ ацець?»

«Русалимъ горадъ гарадамъ ацець.»

—«Пачаму жъ Русалимъ горадъ гарадамъ ацець?»—

«Што ва горадзи ва Русални

Самъ Ісусъ Христосъ праславілся,

Са дзвянадцаці іонъ са Ангилімъ,
Са дзвянадцаці криласамъ царковнымі:
Патаму Русалимъ горадъ гарадамъ ацець.»
— «А кая жъ гара всимъ гарамъ ацець?»—
«Захабуръ-гара всимъ гарамъ ацець.»
— «Пачаму жъ Захабуръ-гара всимъ гарамъ ацець?»—
«Самъ Ісусъ Хрыстосъ на ей прабросілся,
Іонъ прабросілся, на распяцці быль,
И цякла руда па каренійцу,
Са яво руды кара вырасла,
И брали кару па всимъ напамъ,
Па всимъ папамъ па паповичамъ,
Па всимъ царквамъ, па царковачкамъ:
Патаму Захабуръ-гара всимъ гарамъ ацець.»
— «А каторай звѣрь всимъ звярамъ ацець?»—
«Авандрій-звѣрь всимъ звярамъ ацець:
Іонъ хадзіл па всяму свѣту бѣламу,
Была на сѣмъ свѣці засушейца (засуха),
Ня была добрымъ людзямъ васпітанійца,
Васпітанійца, абмыванійца;
Іонъ капаль рагѣмъ сыру маць зямлю,
Выкапалъ ключі всѣ глыбокіі
Даставалъ воды всѣ кипучіі,
Іонъ пускал па быстрымъ рякамъ,
И па малинкамъ ручьявіначкамъ,
Па глыбокамі бальшымъ азярамъ,
Іонъ давалъ людзямъ васпітанійца,
Васпітанійца, абмыванійца:
Патаму жъ Авандрій звѣрь всимъ звярамъ ацець!»

—«А кая жь моря всимъ марямъ ацець?»—

И которой каминь камнямъ ацець?»—

«Ахъ Латырь—моря всимъ морямъ ацець,

А Латырь—каминькамнямъ ацець.»

—«Пачаму Латырь—моря всимъ морямъ ацець,

Пачаму Латырь—каминь всимъ камнямъ ацець?»—

«Патаму Латырь—моря всимъ марямъ ацець,

Патаму Латырь—каминь всимъ камнямъ ацець,

Ляжиць іонъ сиридзи моря,

Сиридзи моря сиридзи синява,

Идуць па морю многа карабельщиковъ,

Гли таво камня астанаавливаюцца,

Яны бяруць многа съ яво снадабья,

Пасылаюць па всяму свѣту бѣлому:

Патаму Латырь—моря морямъ ацець,

Патаму Латырь—каминь камнямъ ацець.»

—«А кая жь пщица всимъ пщицамъ ацець?»—

«А Страфилъ пщица всимъ пщицамъ ацець.»

—«Пачаму жь Страфилъ—пщица всимъ пщицамъ ацець?»—

«На синёмъ мори дзяцей вывила,

Яна кормицца и питаицца,

И дзяцей сводзя на синёмъ мори;

Страфилъ пщица вастряпехницца,

Все синё моря васкалыхницца,

Тады будзя время апаслѣдняя.»

—«А кая жь рыба всимъ рыбамъ ацець?»—

«А китъ—рибина всимъ рыбамъ ацець.»

—«Пачаму жь китъ—рибина всимъ рыбамъ ацець?»—

«Ахъ, китъ—рибина разыграицца,

Всё синё моря васкалыхницца,
Сыра маць зямля вся вздрагоницца,
Увесь миръ—народъ пріужасницца,
Тады будзя время апаслѣдняя.»
—«Слава табѣ, прямудрай царь,
Прямудрай царь Давыдъ Авсѣявичъ,
Малатоминъ царь Малатомъивичъ,
Іонъ харошъ загадачки загадываць,
И загадываць, и атгадываць.»
Слава Царю Гасударю, на чесць на хвалу,
Добрымъ людзямъ паслухачамъ на добрая здаровья!

Въ ст. Надеждина «О рус. народ. мѣахъ и сагахъ», Р.Б. т. IV, ч. II, Смѣсь, помѣщено начало этого стиха въ вели-
крусскомъ переводѣ. Нѣкоторые мѣста въ нашемъ текстѣ
перепутаны и искажены памятью пѣвца; но, какъ во всѣхъ
подобныхъ случаяхъ, ихъ легко возстановить по другимъ
варіантамъ.

СТИХЪ

ХРИСТУ.

Христось Богъ Спасициль
Са вѣрнай Христось Богъ прасвящался.
Нарадзился Христось Богъ въ Хлюгими,
Ва той стараны іонъ ва Ядзимскай,
Призволилъ Ванципиръ самъ прибыцы
А Иръ царъ хацѣль Христа сгубици.
Са восточнай звяздой яво праваждаци
Дазнались пярхитскіи цари,

Панясли Христу чесныи дары,
На тѣхъ пазлачоныхъ на пялёнахъ
Принималъ миласернай, самъ заплакалъ
А ты Христосъ Богъ нашъ Спасициль!

СТИХЪ,

НАЗЫВАЕМЫЙ

ГРѢШНИЦА.

А што съ раю да въ рай быстра рѣчка працякла,
А па той быстрой рѣчки карабиль ишолъ,
А ва томъ ва караблю Святый Михаилаы,
Свѣтъ Михаилаы да судзы правидныи;
На устрѣчу Святымъ Михаиламъ святой Ангили:
«А вы, Ангили святыи справядливыи!
Да што жъ гдзѣ вы были, да гдзѣ прагуливали?
Да што видзили, да што вы слышали?»
— «Какъ душа съ бѣлымъ цѣламъ раставалася—
Мы та видзили, да мы слышали—
Разставалася душа да ни пращалася,
Варашалася душа да напращалася:
«Ты пращай, да ты пращай, цѣла бѣлая мае!
Охъ табѣ жъ-та, цѣлу, ицци да ва сырую ва зямлю,
Ва сырую маць зямлю, ва грабаву даску,
Тваимъ костачкамъ сырой зямли на прибавочку,
А бяло-ль цѣла чарвямъ на сядзѣннйца;
Охъ, какъ мнѣ жъ-та души да къ Господу Богу ицци,

Къ Госпаду-ль Богу ици да къ самаму Христу,
Къ самаму-ль Христу ици да на вспакаянїйца:
Охъ какъ я жъ-та душа, да Богу сагрязила,
Я-ль ни сериды, ни пятницы ня посничила,
Ни какова-ль я гавѣнїйца ня дзерживала,
Къ священнаму атцу на духъ ня хаживала,
Я Христовай причащи ня принимывала,—
А мнѣ въ етыхъ гряхахъ, души, прашенья нѣтъ,
Мнѣ прашенїйца-ль нѣту, спакаянїйца;
А я ранни абѣдзинки прасыпавала;
А я позныи абѣдзинки прагуливала,—
А мнѣ въ етыхъ гряхахъ, души, прашенья нѣтъ,
Мнѣ прашенїйца нѣтъ, спакаянїйца.
Никали душа къ обѣдзинки ня хаживала,
А я ясныхъ свячей Богу ня ставливала,
Златова христа я ни обзалачивала,—
А мнѣ въ етыхъ гряхахъ, души, прашенья нѣтъ,
Мнѣ прашенїйца нѣтъ, спакаянїйца.
Па сусѣдушкамъ, душа, много хаживала,
Падъ акошачкамъ, душа, да многа слухавала,
Я браница сусѣдзїй многа сваживала,
А я са утра, душа, да бранилася,
А я у вечари, душа, да ни прашалася,—
А мнѣ въ етыхъ гряхахъ, души, прашенья нѣтъ,
Мнѣ прашенїйца нѣтъ, спакаянїйца;
Я па свадзібкамъ, душа, да многа хаживала,
Я русыи косы растряпывала,
Я чужїи законушки разлукивала,—
А мнѣ въ етыхъ гряхахъ, души, прашенья нѣтъ,

Мнѣ прашенійца нѣтъ, спакаянійца.

Я чужова мужа многа любливала,

Я въ утробѣ младзенцавъ спагубливала,

Я на сей бѣлай свѣтъ ни выпускавала,

Я горячую кровь разливывала —

А мнѣ въ етыхъ грѣхахъ, души, прашенья нѣтъ,

Мнѣ прашенійца нѣтъ, спакаянійца.

Па чистымъ палямъ, душа, многа хаживала,

А я колушки, душа, пирядзѣргивала,

Я чужіи палосачки закашивала, —

А мнѣ въ етыхъ грѣхахъ, души, прашенья нѣтъ,

Мнѣ прашенійца нѣтъ, спакаянійца.

Па чистымъ палямъ, душа, много хаживала,

Я у нивушкахъ (на полосахъ) заломы заламывала,

Да я весь споръ съ хлѣба, душа, вынимывала, —

А мнѣ въ етыхъ грѣхахъ, души, прашенья нѣтъ,

Мнѣ прашенійца нѣтъ, спакаянійца.

Па чистымъ палямъ душа да многа хаживала,

Па загорійцу, душа, да многа сиживала,

Я каровушекъ—бурѣнюшакъ закликавала,

Я каровушакъ—бурѣнюшакъ задаивала,

Я въ каровушкахъ малочушка адбиривала,

Да я горькую калинушку обливывала,

И весь бѣлай свѣтъ абгалашивала, —

А мнѣ въ етыхъ грѣхахъ, души, прашенья нѣтъ,

Мнѣ прашенійца нѣтъ, спакаянійца.

Па цѣмнымъ лясамъ, душа, многа хаживала,

Гли дарожиникъ, душа, да многа сиживала,

Я галовушакъ, душа, многа сгубливала,

Я злата и серебра атбиривала,
Падъ калодушки галовушки падкачивала, —
А мнѣ въ етыхъ гряхахъ, души, прашенья нѣтъ,
Мнѣ прашенійца нѣтъ, спакаянійца.
Па цяннымъ лясамъ, душа, многа хаживала,
Я па борцюшкамъ, душа, многа лаживала,
Да я пчолучакъ, душа, многа выламывала,
Я салодзинкій мядокъ, душа, аблизывала, —
А мнѣ въ етыхъ гряхахъ, души, прашенья нѣтъ,
Мнѣ прашенійца нѣтъ, спакаянійца.
Какъ пашла я, душа, да на царевъ кабакъ,
Какъ напилася, душа, я зяленава вина,
Охъ я помирла, душа, бизъ паповъ, бизъ дзяжковъ,
Бизъ паповъ, бизъ дзяжковъ и бизъ ясныхъ свячей,
Я бизъ ясныхъ свячей и бизъ гласныхъ звановъ.»

Получено отъ ак. И. И. Срезневскаго.

МАЛОРОССІЙСКІЕ СТИХИ.

О НАЧАЛѢ СВѢТА.

Колысь—то було з почитку свита.
Подуй же, подуй, Господи з Духомъ святымъ по земли!
Втоды не було неба, ні земли,
Неба, ні земли, ним сине море,
А середъ моря та два дубойки.
Сіли упали два голубойци,
Два голубойци на два дубойки;

Почали собі раду радити,
Раду радити и гуркотати:
«Як мы маємо світ основати?
Спустиме мы ся на дно до моря;
Вынеме мы сі дрібного піску,
Дрібного піску, синього каменье.
Дрібний пісочокъ посіеме мі,
Синій каменецъ подунеме мі.
З дрібного піску чорна земляця,
Студена водиця, зелена травиця;
З синього камінця синьее небо,
Синье небо, світло сонейко,
Світло сонейко, ясен мисячок,
Ясен мисячок и всі звіздойки.»

Изъ соч. Костомарова «Объ историческомъ значеніи рус. нар. поэзія»,
стр. 66— 67. Ср. въ р. ст. о Голубиной книгѣ. Варіантъ въ Сбор-
никѣ Вагилевича.

Ишов Божок дорогою,
Зострів дівку из водою.
«Ой дай, дівко, води пити,
Смажні уста закропити.»
— Не дам, старцю, води пити,
Бо вода есть нечиста:
Нападало з клёна листа,
З клёна листа нападало,
З гори піску налетіло.

«Ой ти дівко, сама нечиста,
А вода есть завжди чиста.»
Стала дівка, излякалась,
Перед Богом заховалась;
Скоро дівка в церкву войшла,
На сім сажень в землю пойшла.

Изъ Малорусскаго сборника, изд. г. Мордовцевымъ. Зап. на Волини,
г. Костомаровымъ; стр. 237—238.

А в неділю по обиди
Ходив Пан Бог по всім свити,
По всім свити жебруючи,
Своих людей требуючи.
Зустрив Пан Бог панну в лиси;
Панна идзе, воду нісе.
«Чекай, панно, дай мни воды
Помыць ренце, свенты ноги.»
— «Моя вода вся нечиста.
Нападало древа, листа.»—
«Моя вода вся свенцона;
Есть ты, панно зогришона:
Мялесь соби седым сынув,
Не жадного не хрыстила,
Уси марне погубила
Древом, листом притрусила.»—
— «Есть ты, дзиду, якшь пророк?»
«Я не пророк а сам Пан Бог».

Панна Бога розпознала,
Передъ Богомъ крыжемъ пала.
«Устань, панно, не лекайся!
Идзи до косціола, сповидайся!»
Только панна на прогъ ступила—
На симъ сажонъ земля впала,
На судъ вичный панна пропала.....

Изъ пѣсень Писскихъ, изд. Зенькевичемъ. Ковно, 1851, стр. 254—256.
У Курьевскаго LI, стр. 223. Ср. въ сборникъ Гаунта и Смолера
Лужицкую пѣсню съ такимъ же точно содержаніемъ. Ч I, стр. 290 и
Ч. II, ст. 197.

О ХРИСТОВОМЪ РОЖДЕНІИ.

I.

А въ Римѣ, въ Римѣ, въ Ерусалимі,
Радуйся, радуйся, земля!
Сынъ намъ ся Божій народивъ!
Божія Мати въ положіі лежитъ,
Въ положіі лежитъ, сыноўка родить.
• Сына вродила, въ морі скупала,
Въ ризи повила, до сну вложила.
Зійшлося къ їй сорокъ ангелівъ,
Сорокъ ангелівъ, дваццять пошівъ:
Взяли сыноўка на Арданъ ріку,
На Арданъ ріку, да охрестити;

Стали они там книги читати,
Имя глядати Сына Божого,
Сына Божого и найвисшого!
«Имянуймо го то святим Петром!»
Божая мати то не любила,
То не любила й не дозволила.
«Имянуймо го та святим Павлом!»
Божая мати то не любила,
То не любила й не дозволила.
«Имянуймо го Паномъ небеснимъ!»
Божая мати то излюбила,
И дозволила, й благословила!

Изъ соч. Костомарова «Объ историческомъ значеніи рус.
народной поэзи», стр. 14 — 15. Зап. въ Галиціи.

II.

Веселая світу новина,
Где Чиста Панна сина породила,
А зъ небеса небескиі гласи
Славлять Бога во всі часи:
Святъ! Святъ! озиваю,
Спаса свого величаю.
А вбозіі пастирие
Славлять Бога и Марію!
Іосифъ святий ся радує,
Що на руцяхъ Бога пастує,
А Марія ся втішає,

Сіномъ Христа сповиває.
Сіно! сіно! красне якъ ллія,
По котромъ боці Марія,
Всѣму світу сина породила,
Миръ зъ неволі свободила.
Ідуть пани монархове,
Питаються у домове,
Где дитина спочиває:
Надъ нимъ звізда возсіяє!
Тая звізда проти схода,
Да везуть Царя да Господа,
Да везуть — бозке тіло:
Да прийми миро и кадило,
До рукъ своїхъ прийми злото,
А насъ благослови за то!

Изъ малорусскаго сборника, изд. Д. Л. Мордовцовымъ, стр. 374. Зап.
на Волини Н. И. Костомаровымъ.

Въ четвергъ з вечера жиди совіт сотворили.
Не маємо царя иного,
Кромі кесаря чужого!
Се бо закон оставуєм,
Царем Христа имьянуєм!
Стали жидове гадати,
Як бы нам його піймати.
До их Іюда притече,
А притекше жидам рече:
«Що мене дасте, продам його,

Бо я єсть ученик його!»
Мовлять жиди: » гроши дамо,
Коли нам продаш його.»
Вже Іюда розглядівся,
Що у сердці поспішився;
Продав Христа, одцурався,
А самъ Царствія зостався.
Вже Іюда побіг з дому,
Би то не був у чужому,
Спізнав Христа въ його муці;
Мовить:— «люблю тебе — Пане».
Христос хлѣб—тіло дає,
Своимъ ученикам подає,
Уломивши Іюді дав:
«Сей от вас мене продав!»
Рече Христос до Іоанна,
До свого друга—наперсника:
Маліи діти навчаєте.
Мое странствіє описуйте.
Прискорбна душа моя до смерти;
Приходить час уже умерти!
Приспів кінець—безсмертний час;
Зоставайтесь, дітки! Я йду отъ васъ!»

Изъ соч. г. Костомарова «Объ истор. значенія...», стр. 17. Зап. въ Галиціи.

ОЛЕКСІЙ.

Ой у Бога великая сила!
Тай оженів батько неволею сына;
Не зхотів він из жінкою жити,
Пішов же він по пущах блудити.
Блудив же він сім год и чотири,
Приблудився к обидній годині,
Його батько й мати не пізнали,
Та й за старця його засчитали.
—Велю слугам келеньку зробити,
Велю старцю у келеньці жити
Велю старцю істоньки носити.—
Ой час—пора слуги посилати,
Нехай идє батько житья читати.
Батько идє житія читає,
З великого жалю и сам помирає:
—Ой Боже мій, окрашений світе
Сину Олексію, як рожевий квіте!
Я-ж на тебе та й не надивився,
Тільки за тобою та й запечалився?—
Ой час — пора слуги посилати,
Нехай идє мати житія читати.
Мати идє житія читає;
З великого жалю сама помирає:
—Ой Боже мій, окрашений світе!
Сину Олексію, як рожевий квіте!
Я-ж на тебе та й не надивилась,

Тільки за тобою запечалилась. —
Ой час-пора слуги посилати,
Нехай идé жинка житія читати.
Жинка идé, житія читає,
З великого жалю сама помирає!
— Ой Боже-ж мій, окрашений світе,
Мужу Олексію, як рожевий квіте:
Я-ж з тобою та й не нажилася,
Тільки за тобою та й изнебулася!

Изъ Сборника г. Метлинскаго, стр. 359—
360. Запис. въ Гадячѣ.

«О свентый Антоній, о свентый Урвяне!
Чини свою волю, яко можешь!»
«Мог бы я чинити, да не моя воля, Господа Бога.»
Ой ишли козаки своявольночки,
Загнали в пальци смоловыя спици;
Кусонки помяли, ноженьки повяли;
Як заснув я смачно, то всім людзям знати.
Остроги копайце и мене шукайце,
Уложице мене во новою трунку,
Да везіт мене на чужу сторунку,
Да поставце мене в церкви на пристолку,
То будуть до мене людзе прибивати,
Мушу я им ратунку давати,
И в счасцю, й в несчасцю, в всякому трэфунку,
Мушу я им каждому давати ратунку.

Хоць я не хороший, хоць я неудалий,
Абы я лежу у небескуй хвали.

Изъ Пинскихъ пѣсень, стр. 246—248.

СМЕРТЬ.

А ще сонце не заходить, а я спати ложуся;
Да сповіді готуюся да все Богу молюся.
Помолившись я св. Богу: прощай, моя мила, останнім
дари.

Да положить мое біле тіло на тисовій лаві,
Да изроблять на мое біле тіло труну тисовую,
Да положить мое біле тіло в глибоку домовину,
Да поставять труну тисовую на высокіи мари,
Да упустять мое біле тіло у глибокую яму,
Да насыплють на мое біле тіло високу могилу,
Да задзвонять в усі дзвони по останній дороги,
Отклонюсь я отцю й неньці, и усій родині,
Покидаю срібло злато, золотіи чаши.
Уже ж мені из собою ихъ не брати!
Забрав же бъ из собою, так там их не треба....
Сажень землі да чотырі дошки, да спасенья
трошки.

Изъ Сборника Метлинскаго. Конотоп, стр., 371 — 372 .
Ср. у Кирѣвскаго. Л, стр. 233.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВЕЛИКОРУССКІЕ СТИХИ.

1. Обще: Историческіе.

1 Стихъ о голубиной книгѣ.....	11
2 Голубиная книга.....	16
3 Изъ голубиной книги.....	17
4 Голубиная книга.....	19
5 Голубиная книга.....	30
6 О Гадамъ.....	40
7 Плачь Адама.....	44
8 О Христовомъ рожденіи.....	45
9 Объ Иродѣ и о рождествѣ Христовомъ.....	47
10 Сонъ Мати-Маріи.....	48
11 О Христовомъ распятіи.....	50
12 О томъ же.....	53
13 Стихъ покаяненъ.....	57
14 О Христовъ вознесеніи.....	59
15 О вознесеніи.....	61
16 Про вознесеніе Іисуса Христа.....	62
17 О вознесеніи.....	65
18 О двухъ Лазаряхъ.....	66
19 О Лазарѣ.....	71
20 Про Лазаря убогаго и богатаго человека.....	73
21 О св. младенцѣ Кирикѣ.....	77
22 О Гавриковомъ сынѣ Василѣ.....	86
23 Объ Агликовомъ сынѣ Василѣ.....	90
24 Про Егорья-свѣта храбра.....	95
25 О Георгіѣ храбромъ.....	100
26 Объ Аникѣ-воинѣ.....	110
27 Смерть Оники-воина.....	118
28 Про Анику-воина.....	120
29 Стихъ про удачу-добраго-молодца.....	127
30 О томъ же.....	130
31 Стихъ о прекрасномъ Іосифѣ.....	133
32 Плачь Іосифа прекраснаго.....	136

Догматическіе.

33	О Михаилъ Архангелъ.....	137
34	О душъ грѣшной.....	142
35	О томъ же.....	143
36	О томъ же.....	144
37	Про Михайла Архангела.....	148
38	О томъ же.....	150
39	Стихъ Богородицъ.....	151
40	Стихъ Богородицъ.....	155
41	О покаяніи.....	156
42	Плачь души.....	—
43	Что нужно для души?.....	157
44	О спасеніи души.....	158
45	О страшномъ судѣ.....	159
46	Плачь души.....	160
47	Какого тяжкаго грѣха земля не можетъ простить?.....	161
48	О страшномъ судѣ.....	162
49	О второмъ судѣ.....	168
50	О второмъ пришествіи.....	169
51	Стихъ о страшномъ судѣ.....	170
52	Стихъ иной о томъ же.....	171
53	О страшномъ судѣ.....	172

2) Раскольничьи стихи.

54	Пѣсня объ Аллилуевой женѣ.....	174
55	Стихъ о милостивой женѣ, милоседей... ..	177
56	О томъ же.....	178
57	Стихъ преболѣзненнаго воспоминанія.....	179
58	Какъ шелъ старецъ по дорожкѣ.....	183
59	О старцѣ.....	185
60	О томъ же.....	186
61	Кто Бога боится.....	187
62	Ничто же можетъ воспретити.....	188
63	А кто бы мнѣ построилъ.....	189
64	О прекрасная пустыня.....	190
65	Ты, Господи, Владыко мой!.....	—
66	Молитву проію мою ко Господу.....	191
67	Возстану я до красна солнца.....	—
68	Стихъ пустынножителей.....	192
69	Плоть моя невоздержная!.....	193
70	Богу помолюся я.....	194
71	Идутъ лѣта всего свѣта.....	196
72	Послушайте, мои свѣты.....	197

73	Взойду я на круту гору.....	198
74	Тошнымъ было мнѣ тошнехонько.....	199
75	Дай намъ, Господи, Ісуса Христа	—
76	О потопъ.....	200
77	Хвала успенію.....	201
78	Пѣсня морельщиковъ	202

Вирши XVII-XVIII ст.

79	Воззри съ прилежаніемъ.....	203
80	Плачуся и ужасаю.....	204
81	Въ чистомъ небѣ рай.....	205
82	Самъ я не знаю.....	206
83	А кто, кто Николая любитъ.....	207

Бѣлорусскіе стихи.

84	Стихъ за здоровье.....	207
85	На поминъ душъ.....	211
86	Святому Лазарю.....	212
87	Аляксѣю Божію чаловѣку.....	218
88	Голубиная книга.....	228
89	Стихъ Христу.....	234
90	Гѣшница.....	235

Малороссійскіе стихи.

91	О началѣ свѣта.....	238
92	Ишов Божок дорогою.....	239
93	А в неділю по обиди.....	240
94	О Христовомъ рожденіи.....	241
95	О томъ же.....	242
96	В четверг з вечера	243
97	Олексій.....	245
98	О свентый Антоній!.....	246
99	Смерть.....	247

GENERAL BOOKBINDING CO.

78 1895T 53 005 A

6028

QUALITY CONTROL MARK

PG 3235 .R35 .V3 C.1
Sbornik russkikh dukhovnykh st
Stanford University Libraries

3 6105 036 935 349

PG 3235
R 35 V3

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

31
DOC JUL 20 1994

DOC OCT 25 1996

DOC JUN 28 1997

JUN 28 2002

